

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Загайнова Г.Г.</i> Гарантии реализации некоторых прав и свобод лицами с особым правовым статусом (инвалидами): опыт Краснодарского края.....	4
<i>Лойко Е.Е., Барциц И.Н., Чепрунова М.Н.</i> Государственный суверенитет в проекте поправок в Конституцию Российской Федерации.....	9
<i>Сулимов Н.Ю.</i> Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.....	16

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Большакова А.Д.</i> Негативные обязательства по праву России и зарубежных стран.....	20
<i>Валевская А.А.</i> Право общей совместной собственности супругов и проблемы раздела имущества в современной России... ..	25
<i>Васильченко А.И.</i> Недобросовестная конкуренция как угроза экономической безопасности: правовые аспекты.....	29
<i>Настич В.М., Елизарова Е.О., Дергоусова В.А., Чекулаев С.С.</i> Проблемы заключения договоров инвестиционными товариществами РФ со странами АТР.....	33
<i>Кирсанова Е.Е.</i> История становления законодательства об интеллектуальной собственности в отечественной правовой системе.....	38
<i>Кузьмин К.А.</i> Охрана авторских прав в сети интернет (российская и международная практика).....	42
<i>Никифоров С.А.</i> Антикоррупционная оговорка соглашения о государственно-частном партнерстве как элемент антикоррупционного комплаенса.....	46
<i>Паулов П.А., Утепалиева К.Х.</i> Меры по борьбе с проявлением коррупции сквозь призму конфликта интересов.....	51
<i>Пинчук А.П., Тимофеев Е.И., Решетников Г.Е., Шушакова Е.А.</i> Европейский и исламский стандарты прав человека: сравнительно-правовой анализ.....	54
<i>Алешкевич А.М., Рзаева А.К.</i> Пробелы в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения.....	61
<i>Скаримова М.А.</i> Элементы договора перевалки грузов на морских месторождениях.....	64
<i>Чернышова Е.В.</i> К вопросу о некоторых проблемах применения гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности.....	68

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

<i>Вильская Е.С.</i> О некоторых аспектах правового регулирования дистанционного банковского обслуживания.....	72
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Бубнова Т.Г.</i> Сравнительный анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья и УК РФ по регулированию ответственности за незаконную рубку леса и нелегальный оборот древесины.....	78
---	----

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **РузакOVA Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 04.06.2020
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

<i>Жадан В.Н.</i> Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны	85
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М.</i> Перспективы российской уголовной политики в отношении предпринимателей	93
<i>Присекин А.В., Парин Д.В.</i> Виктимблейминг или роль жертвы в совершении преступления.....	99

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гринь Д.С.</i> Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития.....	103
<i>Костенко А.Б.</i> О понятии негласных следственных действий	107

<i>Новиков А.В., Слабкая Д.Н.</i> Условия эффективности раскрываемости преступлений в оперативно-розыском производстве, на примере преступной группы, состоящей из взрослых и несовершеннолетних лиц	112
--	-----

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Рябинин Д.А.</i> Обыск и тактические особенности его производства по делам о религиозно мотивированных убийствах.....	117
<i>Шляхова Ю.В., Куликова Т.Б., Иванченко Е.А.</i> К вопросу о взаимодействии следователей и сотрудников оперативно-розыских аппаратов	122

TABLE OF CONTENTS

CONSTITUTIONAL LAW. CONSTITUTIONAL LITIGATION. MUNICIPAL LAW

<i>Zagaynova G.G.</i> Guarantees for the exercise of certain rights and freedoms by persons with special legal status (persons with disabilities): experience of the Krasnodar territory	4
<i>Loiko E.E., Bartsits I.N., Chepurnova N.</i> State sovereignty in the draft amendments to the Constitution of the Russian Federation	9
<i>Sulimov N. Yu.</i> Improving the mechanism for identifying and resolving conflicts of interest in state and municipal services.....	16

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Bolshakova A.D.</i> Restrictive covenants in Russian and foreign legislation	20
<i>Valevskaya A.A.</i> The right of common joint ownership of spouses and problems of division of property in modern Russia.....	25
<i>Vasilchenko A.I.</i> Unfair competition as a threat to economic security: legal aspects	29
<i>Nastich V.M., Elizarova E.O., Dergousova V.A., Chekulaev S.S.</i> Problems of concluding agreements by investment partnerships of the Russian Federation with Asia-Pacific countries	33
<i>Kirsanova E.E.</i> The history of the formation of intellectual property legislation in the domestic legal system.....	38
<i>Kuzmin K.A.</i> Internet copyright protection (Russian and international practice).....	42
<i>Nikiforov S.A.</i> Anti-corruption clause of the public-private partnership agreement as an element of anti-corruption compliance	46
<i>Paulov P.A., Utepkalieva K. Kh.</i> Measures to combat corruption through the prism of conflicts of interest.....	51
<i>Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E., Shushakova E.A.</i> European and Islamic Human Rights Standards: Comparative Legal Analysis.....	54
<i>Aleshkevich A.M., Rzaeva A.K.</i> Gaps in the field of legal regulation of the re-arrangement and re-planning of residential premises	61

<i>Skaridova M.A.</i> Elements of a contract for the transshipment of cargo from offshore fields	64
<i>Chernyshova E.V.</i> Problems of applying civil liability in the implementation of medical activities.....	68

FINANCIAL RIGHT. TAX LAW. BUDGET LAW

<i>Vilskaya E.S.</i> On some aspects of the legal regulation of remote banking	72
--	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. EXECUTIVE PENAL LAW

<i>Bubnova T.G.</i> Comparative analysis of the criminal legislation of neighboring countries and the Criminal Code of the Russian Federation on the regulation of liability for illegal logging and illegal timber trade	78
<i>Zhadan V.N.</i> About features of criminal legislation during the great Patriotic War	85
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.</i> Prospects of russian criminal policy in relation to entrepreneurs	93
<i>Prisekin A.V., Parin D.V.</i> Victim blaming or the role of the victim in the commission of a crime	99

CRIMINAL PROCESS

<i>Grin D.S.</i> Video conferencing in criminal proceedings: current state and prospects of development.....	103
<i>Kostenko A.B.</i> About the concept of uncovered investigative actions	107

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITY. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

<i>Novikov A.V., Slabkaya D.N.</i> Conditions for the effectiveness of crime detection in the operational-search proceedings, using the example of a criminal group consisting of adults and minors	112
<i>Ryabinin D.A.</i> Search and tactical features of its production in cases of religiously motivated murders	117
<i>Shlyakhova Yu.V., Kulikova T.B., Ivanchenko E.A.</i> To the question about the interaction of investigators and employees of operational-investigative units	122

Гарантии реализации некоторых прав и свобод лицами с особым правовым статусом (инвалидами): опыт Краснодарского края

Загайнова Гоар Грантовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Краснодар)
E-mail: zagainovagoar@yandex.ru

В данной статье анализируется правовое регулирование личных прав и свобод инвалидов в Российской Федерации, а также степень их гарантированности. Рассматриваются примеры реализации государственной программы «Доступная среда» в Краснодарском крае. Анализируются примеры нарушения отдельных личных прав и свобод инвалидов в современных условиях. Акцентируется внимание на некоторых нерешённых проблемах и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: конституционные права, личные права и свободы, инвалиды, «Доступная среда», гарантии реализации прав и свобод.

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [1].

В целях обеспечения гарантированного Конституцией равенства государство ставит перед собой задачу максимально интегрировать инвалидов в различные сферы общественной и политической жизни. Несмотря на заметный прогресс, многие вопросы остаются нерешёнными.

Остается актуальной проблема доступа инвалидов к транспортной инфраструктуре, информационным ресурсам, социальным объектам и услугам.

В Градостроительном кодексе [2] Российской Федерации указано, что в состав проектной документации строительного объекта должен входить перечень мероприятий по обеспечению его доступности для инвалидов. В разъяснениях Министра России «По Федеральному закону от 28 ноября 2015 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 48 и 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации» [7] указывается, что мероприятия относятся к объектам здравоохранения, образования, культуры, отдыха, спорта и иным объектам социально-культурного и коммунально-бытового назначения, транспорта.

Статьей 10 Закона Краснодарского края от 27 апреля 2007 года № 1229-КЗ определено, что «контроль за выполнением требований законодательства в области обеспечения беспрепятственного доступа маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур при разработке документации и на всех стадиях проектирования, строительстве новых, реконструкции, капитальном ремонте и переоборудовании действующих помещений, зданий, сооружений, транспортных коммуникаций, благоустройстве территорий осуществляется отраслевыми органами исполнительной власти Краснодарского края, органами местного самоуправления в соответствии с установленной компетенцией» [5].

В Краснодарском крае, по данным приведенным Министерством труда и социального разви-

тия края, «согласование заданий на проектирование объектов социальной инфраструктуры при их строительстве, реконструкции и капитальном ремонте осуществляется территориальными управлениями социальной защиты населения». За первое полугодие 2019 года зарегистрировано 708 заданий на проектирование, из которых согласовано 692, в том числе объектов строительства – 580, реконструкции – 100 и капитального ремонта – 12. Не согласовано и отправлено на доработку – 16 заданий на проектирование» [8].

Реализация личных прав инвалидов во многом зависит от формирования доступной среды – устранение препятствий и барьеров в обеспечении беспрепятственного доступа к зданиям и сооружениям, транспорту, информации и связи, а также услугам, предоставляемым населению [9].

Программа «Доступная среда» поставила целью решение немаловажных задач: повышение уровня доступности объектов и услуг, полноценный доступ к любому реабилитационному объекту и услуге для инвалидов, модернизацию системы медико-социальных экспертиз.

Антикризисная направленность государственной программы предусматривает перевод инвалидов из экономически пассивной группы в активную.

Данная программа работает на федеральном и региональном уровнях. В Краснодарском крае она утверждена постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 12 октября 2015 года № 969 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Доступная среда» [6]. Министерство труда и социального развития Краснодарского края приводит следующие данные: «объем бюджетного финансирования государственной программы в 2018 году составил 100,4 млн рублей, из них 57,4 млн рублей из краевого бюджета» [8].

«По итогам реализации государственной программы Краснодарского края «Доступная среда» за 2017 год на 30 приоритетных объектах социальной инфраструктуры выполнены мероприятия по созданию безбарьерной среды. 21 единица общественного транспорта оснащена радиодинамическими информаторами для ориентирования инвалидов по зрению, 29 единиц общественного транспорта оснащены звуковыми и визуальными табло. Оснащены реабилитационным оборудованием учреждения для проведения краевых спортивных и культурно-массовых мероприятий с участием инвалидов и их сверстников, не имеющих инвалидности» [10].

Несмотря на прилагаемые усилия со стороны как федеральных, так и региональных властей, на настоящий момент решены не все вопросы доступности инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями. Масштабность проблемы «безбарьерной среды» требует больших усилий для ее решения.

На Паралимпийских играх 2014 года впервые в российской истории была опробована система транспортного ориентирования. После Олим-

пиады в Сочи Краснодару в подарок досталось почти 100 специально оборудованных автобусов. На деньги краевой казны закупили абонентские устройства, бесплатно раздали сочинским инвалидам. Городские остановки оснастили говорящими табло, чтобы незрячие инвалиды могли слышать какой маршрут автобуса приближается. Такие автобусы ездят теперь по улицам краевого центра, но система ориентирования так и осталась запрограммированной на маршруты Сочи. Для того чтобы это сервис не сбивал краснодарских инвалидов с толка, его отключили. Будет ли он работать вновь, пока невозможно ответить. Автобусы куплены в лизинг, долг перед продавцом не погашен. Для перепрограммирования системы требуется разрешение от лизингодателя [12]. Вопрос остается открытым.

Инвалиды, так же как и все граждане имеют право создавать семью, вступать в брак, воспитывать детей. «Потребность человека в заботе о ближнем пропагандируется в современном обществе. Это означает, что законодатель должен найти способы поддержки тех граждан, кто отважился взять на себя заботу об инвалидах или детях, и стимулировать тем самым остальных сограждан к подобному поведению. В тоже время должны быть закреплены и соответствующие меры контроля за действиями опекунов (попечителей), гарантирующие осуществление прав и интересов подопечных лиц» [14].

Инвалиды могут оформлять опекунов, попечителей, усыновление детей, государство обязано оказывать им всевозможное содействие в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей. Сама по себе инвалидность не может служить основанием для лишения родительских прав, если только она не связана с психическими расстройствами. В Семейном кодексе РФ [3], а именно в статье 69 «Лишение родительских прав» прописан перечень оснований лишения родительских прав.

Однако в средствах массовой информации периодически публикуются материалы, касающиеся лишения или ограничения родительских прав матерей, имеющих инвалидность. Широкую огласку получили случаи в Магнитогорске с Аленой Антипиной [15] и Санкт-Петербурге с Олесей Уткиной [16]. Обе женщины имеют инвалидность, что и послужило поводом считать, что детям не оказывается должный уход. Вмешательство уполномоченного по правам ребенка позволило разобраться в данных ситуациях и вернуть детей матерям.

Для обеспечения своих жизненных потребностей инвалиды должны осваивать жизненные и социализационные навыки.

В Краснодарском крае проводятся программы по реабилитации и социализации инвалидов старше 18 лет. Действуют 15 комплексных центров реабилитации инвалидов старше 18-ти лет, деятельность которых обеспечивает инвалидам привычный уровень жизни и их социальную адаптацию в обществе [10].

Одним из таких учреждений является Тимашевский комплексный центр реабилитации инвалидов. Здесь наряду с социальным обслуживанием и реабилитацией проводят профессиональное обучение инвалидов. Центр специализируется на обучении вождению легкового автомобиля с ручным управлением. Основной контингент граждан, получающих реабилитационные услуги, – это инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе инвалиды-колясочники, а также инвалиды с нарушениями слуха.

Деятельность таких учреждений позволяет инвалидам достичь материальной независимости, повысить самооценку и социально адаптироваться.

Инвалидам должен быть обеспечен высокий уровень медицинских услуг. Инвалиды имеют такие же медицинские потребности, как и люди без инвалидности, например, потребности в иммунизации, скрининге на рак и другие.

Внеочередное обслуживание организациями сферы услуг является одной из форм социальной поддержки инвалидов I и II групп [4].

В настоящее время продолжает оставаться актуальной проблема нарушения закона органами медико-социальной экспертизы (далее МСЭ), которые не составляют индивидуальные программы реабилитации и абилитации инвалида либо составляют с нарушениями.

На практике сотрудники бюро МСЭ нередко препятствуют участию в экспертизе приглашенных гражданином специалистов. Кроме того, этот механизм не работает из-за дефицита независимых от системы образования и здравоохранения специалистов, особенно в регионах.

С учетом того, что профессиональное обучение и трудовая деятельность, в том числе на базе специализированных мастерских, является важнейшим (часто единственным) способом социализации подростков и молодых людей с ментальными нарушениями, такое положение дел представляется недопустимым. Нередко отсутствие заключений в этих разделах создают трудности при поступлении в организации профессионального обучения и организации в них учебного процесса.

Практика показывает, что в органах-исполнителях, как правило, отсутствуют специалисты, способные разработать перечень реабилитационных мероприятий на основе научного подхода к потребностям инвалида. В лучшем случае органы-исполнители просто предлагают инвалиду что-либо исходя из имеющихся возможностей, не ставя своей целью и задачей оценку его реабилитационного потенциала и соответствия имеющихся мероприятий и услуг потребностям инвалида. Часто инвалид вынужден отказаться от услуг организации исполнителя, т.к. качество услуг не соответствует его потребностям [17].

Если инвалид не согласен с решением бюро о рекомендуемых реабилитационных или абилитационных мероприятиях, технических средствах реабилитации или услугах, он или его представитель

вправе обжаловать данное решение. Для этого необходимо в течение месяца обратиться с письменным заявлением в главное бюро либо в бюро, проводившее МСЭ.

В Краснодарском крае по итогам реализации программы «Доступная среда» за 2018 г. обеспечен доступ инвалидов и других маломобильных групп населения к 38 приоритетным объектам социальной инфраструктуры, в том числе: Новороссийского музыкального колледжа имени Д.Д. Шостаковича; Краснодарского краевого колледжа культуры; Краснодарского музыкального колледжа имени Н.А. Римского-Корсакова; центра кино и досуга «МИР» Кропоткинского городского поселения Кавказского района» [11].

С целью возвращения многих сегодняшних инвалидов к активной плодотворной деятельности государство обязано увеличить материальную, моральную, социально-психологическую, медицинскую и иные виды помощи и реабилитации. Несмотря на то, что государство прилагает большие усилия в обеспечении инвалидам равных прав и возможностей, остается множество нерешенных проблем. Прежде всего, к реализации программы «Доступная среда» должны привлекаться сами инвалиды. Например, для сдачи какого-либо объекта в эксплуатацию, необходимо его непосредственное тестирование инвалидами. Кроме того, требуется усиление прокурорского и общественного контроля соблюдения прав инвалидов; качественное улучшение судебной защиты их прав; изменение финансовой политики государства в направлении обеспечения возможно более полной реабилитации и социальной адаптации инвалидов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// СЗ РФ 04.08.2014. № 31. ст. 4398.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ //, Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. № 1 (часть I) ст. 16
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16
4. Указ Президента РФ от 2 октября 1992 г. № 1157 «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 5 октября 1992 г., № 14, ст. 1098
5. Закон Краснодарского края от 27 апреля 2007 г. № 1229-КЗ «Об обеспечении беспрепятственного доступа маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инже-

- нерной инфраструктур, информации и связи в Краснодарском крае» (с изменениями и дополнениями) Принят Законодательным Собранием Краснодарского края 18 апреля 2007 года // «Кубанские новости» № 68 от 10.05.2007
6. Постановлений главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 12 октября 2015 года № 969// [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.04.2020)
 7. Разъяснения Минстроя России «По федеральному закону от 28 ноября 2015 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 48 и 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://legalacts.ru/doc/razjasnenija-minstroja-rossii-po-federalnomu-zakonu-ot/> (дата обращения 20.04.2020)
 8. Организация безбарьерной среды жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных граждан в 1 полугодии 2019 года. Информационный материал Министерства труда и социального развития Краснодарского края // [Электронный ресурс] URL: <http://sznkuban.ru/sotsialnaya-zashchita/dostupnaya-sreda/informatsionnye-materialy/organizatsiya-1-pol2019.php> (дата обращения 18.02.2020)
 9. Законодательство по формированию доступной среды для маломобильных групп населения. Безбарьерный РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.безбарьерный.рф/svod-federalnyh-zakonov-pravitel-stva-rf-po-formirovaniyu-dostupnoy-sredy-dlya-malomobilnyh-grupp-naseleniya> (дата обращения 02.05.2020)
 10. Министерство труда и социального развития Краснодарского края // [Электронный ресурс] URL: <http://www.sznkuban.ru/sotsialnaya-zashchita/dostupnaya-sreda/informatsionnye-materialy/organizatsiya-bezbarernoysredy-v-2018.php> (дата обращения 19.04.2020)
 11. Доступная среда. Государственная программа // [Электронный ресурс] URL: <http://zhitvmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/vnimaniyu-subektov-rf/155665/> (дата обращения 20.04.2020)
 12. Кому удобно? Чем «доступная среда» на Кубани не устраивает инвалидов. // [Электронный ресурс] [Kuban.aif.ru](http://www.kuban.aif.ru) URL: http://www.kuban.aif.ru/society/details/komu_udobno_chem_dostupnaya_sreda_na_kubani_ne_ustraivaet_invalidov (дата обращения 20.04.2020)
 13. Министерство труда и социального развития Красно Постановлений главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 12 октября 2015 года № 969// [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.04.2020)
 14. Михеева Л.Ю. Семья, брак, право. Институт опеки и попечительств в современных условиях // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 87.
 15. В Магнитогорске девушку-инвалида хотят лишить родительских прав // [Электронный ресурс] РЕН ТВ URL: <https://ren.tv/novosti/2019-03-19/v-magnitogorske-moloduyu-mat-invalidahotyat-lishit-roditelskih-prav> (дата обращения 20.04.2020)
 16. В Петербурге суд по лишению родительских прав матери-инвалида // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20190311/1551688440.html> (дата обращения 28.03.2020)
 17. Об основных нарушениях в сфере помощи детям и взрослым с инвалидностью и путях их преодоления. В рамках проекта РБОО «Центр лечебной педагогики», поддержанного Движением «Гражданское достоинство» М. 2017. // [Электронный ресурс] URL: https://www.osoboedetstvo.ru/files/posts/obzor_sit_narush_prav_gd_17_1_1.pdf (дата обращения 06.03.2020)

GUARANTEES FOR THE EXERCISE OF CERTAIN RIGHTS AND FREEDOMS BY PERSONS WITH SPECIAL LEGAL STATUS (PERSONS WITH DISABILITIES): EXPERIENCE OF THE KRASNODAR TERRITORY

Zagaynova G.G.

Northern Caucasian branch of the “Russian state University of justice”

This article analyzes the legal regulation of personal rights and freedoms of persons with disabilities in the Russian Federation, as well as the degree of their guarantee. Examples of the implementation of the state program “Accessible environment” in the Krasnodar region are considered. Examples of violation of individual personal rights and freedoms of disabled people in modern conditions are analyzed. The attention is focused on some unsolved problems and the ways of their solution are offered.

Keywords: constitutional rights, personal rights and freedoms, persons with disabilities, “Accessible environment”, guarantees of rights and freedoms.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2 -FKZ, 07/11/2014 No. 11-FKZ) // SZ RF 08/04/2014. No. 31. Article 4398.
2. Town-planning code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-ФЗ //, Meeting of the legislation of the Russian Federation of January 3, 2005 No. 1 (Part I) of Art. sixteen
3. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-ФЗ // Collection of legislation of the Russian Federation of January 1, 1996 No. 1 of Art. sixteen
4. Decree of the President of the Russian Federation of October 2, 1992 No. 1157 “On Additional Measures of State Support for Persons with Disabilities” // Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation of October 5, 1992, No. 14, Art. 1098
5. The law of the Krasnodar Territory dated April 27, 2007 No. 1229-KZ “On ensuring unimpeded access for people with limited mobility to social, transport and engineering infrastructures, information and communications in the Krasnodar Territory” (with amendments and additions) Adopted by the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory 18 April 2007 // “Kuban News” No. 68 of 05/10/2007
6. Decisions of the head of administration (governor) of the Krasnodar Territory dated October 12, 2015 No. 969 // [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed date 04/20/2020)
7. Clarifications of the Ministry of Construction of Russia “According to the Federal Law of November 28, 2015 No. 339-ФЗ “On

Amending Articles 48 and 51 of the Town Planning Code of the Russian Federation”// [Electronic resource] URL: <http://legalacts.ru/doc / razjasnenija-minstroja-rossii-po-federalnomu-zakonu-ot /> (accessed 04/20/2020)

8. Organization of a barrier-free environment for the disabled and other people with limited mobility in the 1st half of 2019. Information material of the Ministry of Labor and Social Development of the Krasnodar Territory // [Electronic resource] URL: <http://sznkuban.ru/sotsialnaya-zashchita/dostupnaya-sreda/informatsionnye-materialy/organizatsiya-1-pol2019.php> (accessed 02/18/2020)
9. Legislation to create an accessible environment for people with limited mobility. Barrier-free RF // [Electronic resource] URL: <http://www.barrier-free.rf/svod-federal-nyh-zakonov-pravitelstva-rf-po-formirovaniyu-dostupnoy-sredy-dlya-malomobil-nyh-grupp-naseleniya> (accessed date 05/02/2020)
10. Ministry of Labor and Social Development of the Krasnodar Territory // [Electronic resource] URL: <http://www.sznkuban.ru/sotsialnaya-zashchita/dostupnaya-sreda/informatsionnye-materialy/organizatsiya-bezbarernoy-sredy-v-2018.php> (circulation date 04/19/2020)
11. Accessible environment. State program // [Electronic resource] URL: <http://zhit-vmeste.ru/gosprogramma-dostupnaya-sreda/vnimaniyu-subektov-rf/155665/> (accessed 04/20/2020)
12. Who is comfortable? What “accessible environment” in the Kuban does not suit people with disabilities. // [Electronic resource] Kuban.aif.ru URL: http://www.kuban.aif.ru/society/details/komu_udobno_chem_dostupnaya_sreda_na_kubani_ne_ustraivaet_invalidov (accessed 04/20/2020)
13. The Ministry of Labor and Social Development of the Krasnoye Resolutions of the Head of Administration (Governor) of the Krasnodar Territory dated October 12, 2015 No. 969 // [Electronic resource] URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed 04/20/2020)
14. Mikheeva L. Yu. Family, marriage, law. The Institute of Guardianship and Trusteeship in modern conditions // State and Law. – 2003. – No. 5. – P. 87.
15. In Magnitogorsk, a girl with a disability is wanted to be deprived of parental rights // [Electronic resource] REN TV URL: <https://ren.tv/novosti/2019-03-19/v-magnitogorske-moloduyu-mat-invalida-hotyat-lishit-roditelskih-prav> (accessed 04/20/2020)
16. In St. Petersburg, the court for the deprivation of parental rights of a disabled mother // [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20190311/1551688440.html> (appeal date 03/28/2020)
17. On the main violations in the field of assistance to children and adults with disabilities and ways to overcome them. Within the framework of the RBOO project “Center for Clinical Pedagogy”, supported by the Civil Dignity Movement M. 2017. // [Electronic resource] URL: https://www.osoboedetstvo.ru/files/posts/obzor_sit_narush_prav_gd_17_1_1.pdf (accessed 06.03. 2020)

Государственный суверенитет в проекте поправок в Конституцию Российской Федерации

Лойко Евгений Евгеньевич,

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: loyko@stakr.ru

Барциц Игорь Нязбеевич,

доктор юридических наук, директор Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: bartsits-in@ranepa.ru

Чепрунова Наталья Михайловна,

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: chepurnova-nm@ranepa.ru

В данной статье рассматривается актуальная проблема становления и развития государственного суверенитета Российской Федерации и его развития в последние годы, включая последние годы. Дается правовая оценка и анализ конституционности предлагаемых изменений в Конституцию РФ, касающихся изменений в конституционно-правовом понимании суверенитета и роли Конституционного Суда в его толковании. Делается вывод о неопределенности роли предлагаемых поправок в будущем конституционализма в Российской Федерации.

Ключевые слова: суверенитет, Конституция, поправки, дифференциация, Конституционный суд.

Актуальность темы данной работы обусловлена тем, что проблема государственного суверенитета в последнее время вновь приобрела очень значимый характер, что связано как с общественной дискуссией вокруг поправок в Конституцию, так и сложной внешнеполитической обстановкой.

Согласно определению Большого юридического словаря, суверенитет (фр. *souverainete* – верховная власть) – верховенство и независимость власти. В науке конституционного права различаются несколько видов суверенитета:

1) суверенитет государственный – верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере, т.е. полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключая подчинение властям иностранных государств, в т.ч. в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета;

2) суверенитет национальный – полномочия нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до образования собственного государства;

3) суверенитет народный – полномочия народа, т.е. обладание социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства. Народный суверенитет является одним из принципов конституционного строя во всех демократических государствах [1].

Первым ученым, предложившим понятие суверенитета и разработавшим его с теоретической точки зрения был Ж. Боден, который предложил первую и до сих пор актуальную его дефиницию как высшей, вечной и неделимой силы, обладающей способностью принимать законы без согласия любого другого [2]. Обладание им одним правителем, группой или целым комплексом граждан определяло общество как монархию, аристократию или демократию. Без него общество вообще не является государством.

Концепция суверенитета Т. Гоббса выглядит схожей с концепцией Ж. Бодена с точки зрения абсолютной власти, неделимости и волюнтаристского взгляда на закон, но ее предпосылки совершенно иные. С точки зрения Т. Гоббса, люди не являются по своей природе социальными и политическими животными: они являются эгоистичными существами, взаимная враждебность которых создала дикое естественное состояние, из которого они были вынуждены бежать, соглашаясь друг

с другом отказаться от всех своих прав. государю ради безопасности. Таким образом, государь представлял всех граждан отдельно, и в некотором смысле они стали соавторами всех его актов. Они не могли, правда, отказаться от права на самооборону, но все теории прошлого были опровергнуты этой новой и безжалостной доктриной абсолютного суверенитета [3].

Концепция народного суверенитета обоснована И. Альтузием [4] и была направлена против абсолютного суверенитета монарха, получила дальнейшее развитие и обоснование в работах Ж.-Ж. Руссо [5]. Им установлены два важнейших свойства народного суверенитета – его неделимость и неотчуждаемость. Ж. де Местр [6] обосновал положение о том, что народный суверенитет представляет собой не более чем абстракцию. Г.В.Ф. Гегель выдвинул идею о подчинении народного суверенитета государственному [7].

Родиной теории национального суверенитета, как разновидности государственного, стала Франция, где уже в первых конституциях Великой Французской Революции был закреплен принцип национального суверенитета. Сущность его предполагалась в том, что источником и носителем власти является нация как единое и неделимое целое, организованное в государстве.

В XX веке выдвинуты теории суверенитета права М. Краббе и Г. Кельзена [8], концепция правовой связанности суверенитета Л. Дюги [9], институционализм М. Ориу [10], «реалистическая теория» Г. Моргентау [11].

Проанализировав становление теории суверенитета, можно предложить следующее определение, которым мы и будем пользоваться в дальнейшем: «Суверенитет – это независимость государства во внешних делах и верховенство государственной власти во внутренних делах».

Несмотря на то, что в основных вопросах понимания суверенитета и его разграничения была поставлена точка еще двадцать лет назад, в этом году дискуссии вновь возобновились в связи с широкой общественной дискуссией относительно проекта поправок в Конституцию РФ, который разрабатывается по инициативе Президента РФ В.В. Путина.

Напомним предысторию вопроса. 15 января 2020 года в очередном Послании Федеральному Собранию РФ В.В. Путин выступил с предложением внести существенные изменения в Конституцию. Он предложил такие новеллы как:

1. Приоритет Конституции над требованиями международных договоров и решениями международных органов.

2. Введение понятия «суверенитет должности», который означает то, что члены Госдумы и Совета Федерации, федеральные министры, судьи не могут иметь иностранное гражданство, а также любой другой документ, который позволяет проживать постоянно на территории другого государства.

3. Требования проживания на территории РФ не менее 25 лет и отсутствия вида на жительство

в другом государстве когда-либо ранее для кандидатов в президенты.

4. Социальные нормы: МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума, ежегодная индексация пенсий.

5. Закрепление статуса и роли Госсовета в Конституции РФ.

6. Назначение на должности премьера и вице-премьера Федеральным Собранием РФ.

7. Наделения Совета Федерации полномочиями по представлению президента отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в отдельных случаях и еще ряд поправок, которые достаточно существенно могут сказаться на политическом строе нашей страны, в том числе в части ее государственного суверенитета.

На данный момент в Государственной Думе данные поправки реализованы в виде Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который прошел все стадии согласования в Государственной Думе и Совете Федерации, одобрен регионами и вынесен на всенародное согласование.

Рассмотрим нормы, касающиеся суверенитета, которые имеются в данном законопроекте.

Самой существенной из поправок, которая касается укрепления и расширения государственного суверенитета РФ является поправка о необходимости закрепления в Конституции положения о приоритете российского права над международным.

Эта поправка касается суверенитета государства и государственной власти самостоятельно независимо осуществлять регулирование внутри государства общественных отношений, этот вопрос касается положений статьи 15 Конституции РФ, и предусмотренных принятыми поправками положений о расширении полномочий Конституционного Суда РФ проверять акты надгосударственных органов, подлежащие исполнению на территории Российской Федерации на соответствие Конституции РФ.

Российская Конституция весьма открыта для международного права. В соответствии с ч. 4 ст. 15 общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; международные договоры имеют приоритет над российскими законами. Эта достаточно прогрессивная с точки зрения международного права позиция, как видится многим, не означает, что в России существует монистическое понимание национального и международного права. Что же касается основных прав, то часть исследователей (а иногда и российский КС) забывают о ч. 1 ст. 17: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» [12].

После озвучивания этого предложения в профессиональной среде ожидалось, что данная поправка будет внесена в ст. 15 Конституции, согласно которой международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 данной статьи).

Однако поскольку изменение этой статьи требует созыва Конституционного собрания, весьма сложной и длительной процедуры, то разработчики концепции предпочли воспользоваться механизмом издания Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации (ст. 136 Конституции). С помощью этого механизма отдельные главы Конституции могут быть изменены лишь изданием нормативного акта. Поэтому идея оформилась в новую редакцию ст. 79 Конституции, которая гласит: Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечёт за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Относительно полномочий Конституционного Суда РФ и приоритете его решений над решениями ЕСПЧ и других международных судов на территории РФ ст. 125 дополняется пп. «б» п. 5.1 следующего содержания: «Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Рассмотрим историю взаимодействия Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. До 2009 года между двумя этими судебными органами складывалась достаточно тесная и конструктивная сотрудничество. По вопросу о защите прав человека, РФ в целом признавала над собой юрисдикцию ЕСПЧ, поскольку это прямо прописано в Конвенции о защите прав человека, которую наша страна подписала еще в 1998 г. После этого в целом решения ЕСПЧ хоть и редко, но исполнялись нашими судами, и особых разногласий по этому поводу не было.

Эта позиция нашла отражение в ряде постановлений Верховного Суда РФ: в 2003 году судам была дана рекомендация об учете постановлений ЕСПЧ, которые содержат толкование тех или иных прав человека, являющихся предметом защиты указанной Конвенции, и которые затрагиваются при рассмотрении в данном деле. В постановлении 2013 г. Верховный Суд РФ принял решение об окончательности решений ЕСПЧ в отношении РФ и обязательности их выполнения для судов.

Это Постановление закрепляло прямое действие решений ЕСПЧ на территории РФ. Кроме этого, благодаря им, стал возможным пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Таким образом, формула взаимодействия национального и международного судебного органа была найдена и какое-то время успешно применялась на практике. Однако, в данном Постановлении не нашел отражения вопрос о коллизии соответствия решений ЕСПЧ положениям Конституции РФ, поскольку в своей деятельности ЕСПЧ опирается на Конвенцию о защите прав и свобод человека, не учитывая национальное законодательство. Соответственно, роль и возможности Конституционного Суда РФ при толковании решений ЕСПЧ и их соответствии Конституции РФ осталась не до конца выясненной, что и послужило базисом для появления данной поправки.

В 2013 г. в ЕСПЧ и в Конституционном суде РФ рассматривалось дело «Маркин против России». Заявитель по этому делу считал нарушением своих прав то обстоятельство, что согласно законодательству РФ, он не имел права на отпуск по уходу за ребенком, поскольку являлся мужчиной и проходил военную службу. ЕСПЧ вынес решение в пользу заявителя, отметив дискриминационный элемент, содержащийся в этих положениях российского законодательства, в то время как Конституционный суд не нашел нарушений Конституции в обстоятельствах дела. Это стало первым крупным расхождением между ЕСПЧ и Конституционным судом РФ по одному вопросу, при том, что положения Конституции о правах и свободах человека и Конвенции о защите прав человека, ничем существенным друг от друга не отличаются.

Данную коллизию Конституционный суд РФ решил в Постановлении Конституционного суда от 6 декабря 2013 г. № 27-П. В нем Конституционный суд отметил, что в том случае, если судебный орган, рассматривающий дело, обнаруживает противоречия в интерпретации законодательства РФ между решениями Конституционного суда и ЕСПЧ, он обязан приостановить производство по рассматриваемому делу и для окончательного толкования обратиться в Конституционный суд. Суд отметил, что Конституция является документов высшей юридической силы на территории РФ, а единственным органом, наделенным полномочиями для толкования Конституции, является Конституционный суд, следовательно, если при вынесении решения руководствоваться другими мнени-

ниями, то ставится под сомнение верховенство Конституции РФ на территории РФ [13].

Таким образом, Конституция оказалась, согласно данному Постановлению Конституционного суда, выше международного договора. Отсюда следует вывод, что международный договор должен соответствовать толкованию Конституции Конституционным судом РФ. Кроме того, Конституционный суд в данном случае прямо легитимизировал процедуру, при которой он может рассматривать одно и то же дело дважды: в деле «Маркин против России», которое и послужило поводом для принятия данного постановления, Конституционный суд уже рассматривал дело, после чего и возникли противоречия с решением ЕСПЧ, да и в последующих делах, которые предлагалось рассматривать судам по предложенной процедуре, противоречие между толкованиями не может появиться ниоткуда, кроме рассмотрения дела одновременно в Конституционном суде и ЕСПЧ. Основным выводом, которые сделали суды, был следующий: в случае, если решение ЕСПЧ не прошло «фильтр» Конституционного суда, оно не обязательно к исполнению.

Этот подход нашел закрепление еще в двух решениях Конституционного суда, которые относятся к 2016 и 2017 гг.

Суть дела «Анчугов и Гладков против России», в котором в ЕСПЧ рассматривались жалобы С. Анчугова и В. Гладкова, которые были отправлены в него еще в 2004–2005 гг., заключалась в том, что они, отбывая наказание в местах лишения свободы, не имели возможности участия в выборах, что они посчитали существенным нарушением их конституционных прав и свобод. ЕСПЧ в своем решении удовлетворил жалобу С. Анчугова и В. Гладкова, отметив недопустимость подобных ограничений. Конституционный суд РФ не согласился с ЕСПЧ, в связи с чем жалоба была оставлена судом без внимания [14].

В другом деле после вынесения ЕСПЧ решения, обязывающего Россию выплатить бывшим акционерам ЮКОСа 1,8 млрд евро, Конституционный суд в январе 2017 г. разрешил России не исполнять данное решение. Суд указал, что решения ЕСПЧ не могут входить в противоречие с положениями Конституции РФ, гарантирующими права и свободы граждан, а также выявленным конституционным смыслом иных российских законов. Национальная специфика прав человека закреплена в Конституции РФ и актах Конституционного суда. При этом речь не идет, конечно, о сомнениях во всеобщем характере прав человека и необходимости их ограниченного «суверенного» толкования. Дело, скорее, в том, что формальный и универсальный подход ЕСПЧ к истолкованию Конвенции о защите прав человека и основных свобод в «деле ЮКОСа» влечёт удовлетворение интересов одной группы лиц за счёт ущемления прав и интересов граждан РФ.

Более детально данный тезис был расписан в заключении МГЮА им. Кутафина по данному делу.

Так, правоведы указали, что Россия как суверенное государство в порядке исключения – когда нормы, решения институтов Совета Европы в конкретном случае могут служить подрыву основополагающих конституционных принципов, общественных представлений о социальной, общественной справедливости (принципа верховенства справедливого закона) на основе сложившихся у российского народа духовных и моральных ценностей – вправе не исполнять соответствующие нормы или решения институтов Совета Европы [15].

Вот так в российской правовой практике появилась концепция «конституционной идентичности», которую судья КС Г.А. Гаджиев охарактеризовал как «найденный Россией способ защиты от выходящей за пределы разумной наднационализации в области прав человека» [16].

Трудно не согласиться с тезисом председателя Конституционного суда В.Д. Зорькина, комментирующего неизбежность использования данной концепции ввиду того, что глобализация несёт для разных стран различные риски [17]. Отсюда возникает естественное желание противопоставить стихийным процессам социокультурной глобализации понимание собственной специфики, не поддающейся универсализации. На уровне массового сознания это проявляется в стремлении сформулировать свою религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность.

Иными словами, сегодня перед каждым государством и его населением стоит серьезный вопрос, поставленный глобализацией, готово ли оно пожертвовать своей идентичностью и традициями ради универсальных гарантий прав человека? При этом в 2019 году Россия, согласно данным Комитета министров Совета Европы, продолжает оставаться лидером по числу неисполненных решений: их 1585. Сумма присуждённых по делам против России компенсаций, которые должны выплатить российские власти, в минувшем году составила 13,115 млн евро, лидерство по этому показателю Россия уступила только Албании, которой предстояло выплатить 13,453 млн евро [18].

Но, ещё раз читая комментируемую поправку, мы приходим к выводу, что Россия сделала выбор в пользу национальных интересов и суверенитета, что в целом соответствует текущей политике. Поэтому данную поправку можно отнести исключительно к фиксирующей сложившееся положение вещей.

Если рассматривать вопрос о соответствии данной поправки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, то можно сказать, что она вполне ей соответствует по букве: ведь договоры имеют приоритет над законами, но не над Конституцией. Кроме того, речь в поправке идет не об отказе от примата международного права, а о проверке требований международных договоров требованиям Конституции.

Однако следует отметить, что общественная дискуссия вокруг этого предложения до сих пор не утихает.

Так к.ю.н., адвокат, ведущий юрист юридической компании «Пепеляев Групп» К.А. Сасов указывает, что: «Конституционный Суд согласился с конституционным закреплением его права решать возможность исполнения Российской Федерацией межгосударственных органов, принятых на основе международных договоров Российской Федерации. Суд объяснил непротиворечие этой поправки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ тем, что поправка закрепляет не отказ от исполнения решения от договора и основанного на нем решения, а лишь способ такого исполнения, который бы не противоречил Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу. Такое объяснение ложно, так как опирается на две ложных посылки. Возражения следующие: 1) возможность исполнения не тождественно способу исполнения, 2) согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ нормы международного права и международного договора РФ имеют верховенство над Конституцией РФ» [19].

Кроме того, отмечается, что Конституционный Суд поддержал дополнительные требования к высшим должностным лицам, связанные с их возрастом, гражданством, постоянным местом проживания, обладанием зарубежными счетами (но не недвижимостью, иными активами и распространением этих требований на членов семей) как защищающими суверенитет РФ. Между тем, ни один из приведенных критериев не может обеспечить устойчивую политико-правовую связь чиновника с государством и исключить предательство интересов родины. Изменения очевидно нацелены на недопущение политической конкуренции (прежде всего – со стороны оппонентов, вынужденно покинувших страну), что снижает свободу выбора и качество управления, учитывающего иностранный опыт кандидата на государственную должность. Поправки не только покушаются на ст. 32 Конституции РФ, но и не учитывают российский исторический опыт, когда в правлении государством активно и успешно участвовали бывшие иностранцы (от Рюрика до Екатерины).

Среди других поправок, касающихся суверенитета, предлагается добавить в Основной закон запрет на все действия, связанные с отчуждением территорий России, равно как и призывы к отчуждению. Запрет этот распространяется не только на граждан России, но и на граждан других стран, находящихся на территории России. Это очень существенное конституционное уточнение. В случае принятия данной нормы попытки, оспаривать, например, принадлежность Крыма России будут рассцениваться как покушение на государственный суверенитет нашей страны.

Среди предложений, вызвавших широкий общественный резонанс, можно также отметить упоминание русских как государствообразующего народа, что вызывает обоснованные опасения со стороны национальных меньшинств.

Вместе с тем, если ознакомиться с текстами предлагаемых поправок в ст. ст. 68–69, то они гласят буквально следующее:

«Статья 68

1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Таким образом, если оценивать предлагаемые поправки к Конституции, касающиеся государственного суверенитета, с точки зрения конституционного права, можно отметить их неоднозначность – с одной стороны, законодатель достаточно корректно учел предложения Президента, но, с другой, нельзя не отметить спешку, с которой они вносятся, что приводит к определенной непоследовательности – так поправка об оценке Конституционным Судом международных решений наиболее очевидным образом должна вноситься в ст. 15 Конституции РФ, но из-за отмеченного ускоренного темпа внесения поправок Конституционное Собрание не будет созвано, что, в конечном итоге, создает определенные противоречия в трактовке положений Конституции и способно привести к некоторым проблемам в будущем.

Литература

1. Большой юридический словарь / Составители: А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – М.: 2003. – 571 с.
2. Боден Ж. Метод легкого познания истории. Перевод, статья, примечания М.С. Бобковой. Ответственные редакторы: В.И. Уколова, Н.А. Хачатурян. – М.: Издательство «Наука», 2000
3. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – М.-Минск: АСТ, Харвест, 2001. – С. 158
4. Альтузий И. Политика [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://royallib.com/book/altuziy_iogann/politika.html
5. Руссо, Жан Жак. Сочинения: [Пер. с фр.] / Жан-Жак Руссо. – Калининград: Янтар. сказ, 2001. – 414 с. Альтузий И. Политика [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://royallib.com/book/altuziy_iogann/politika.html
6. Местр, Ж. М. де (1753–1821). Рассуждения о Франции [Текст] / Жозеф де Местр. – Москва: Росспэн, 1997. – 215 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. (1770–1831). Введение в историю философии [Текст]; Лекции по эстетике; Наука логики; Философия природы / Гегель. – Москва: Э, 2019. – 558 с.

8. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Перев. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011. С. 432–453
9. Дюги Л. Общество, личность и государство: Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства: лекции, прочитанные в Высшей школе социальных наук в Париже: сб. / пер. А. Бэтт; предисл. Э. Бернштейна. СПб., 2008.
10. Бешо-Головко К.М. Ориу: междисциплинарный подход на службе динамичной концепции права // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6. С. 14–22.
11. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. С. 72–88.
12. Marochkin S. Yu. The Operation of International Law in the Russian Legal System, 2019. P. 75, 83, 116
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 N27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // СЗ РФ. – 2013. – N50. – Ст. 6670.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 N12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
15. Калининченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kollizii-mezhdu-postanovleniyami-espch-i-konstitutsiey-rossii-v-svete-pozitsii-konstitucionnogo-suda-rf> (дата обращения: 19.03.2020).
16. Гаджиев К.А. Конституционная идентичность и права человека в России // http://www.ksrf.ru/ru/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%D0%B2%20_2016.pdf
17. Гриб В. Интервью с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации Валерием Дмитриевичем Зорькиным // Юрист. 2018. N12. С. 4–18.
18. Отчет о деятельности Европейского суда по правам человека // https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2019_ENG.pdf

19. Сасов К.А. Правовой анализ Заключения Конституционного Суда РФ № 1-З от 16 марта 2020 г. / https://zakon.ru/blog/2020/03/19/pravovoj_analiz_zaklyucheniya_konstitucionnogo_suda_rf_1-z_ot_16_marta_2020_g

STATE SOVEREIGNTY IN THE DRAFT AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Loiko E.E., Bartsits I.N., Chepurnova N.

Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation

This article deals with the actual problem of the formation and development of the state sovereignty of the Russian Federation and its development in recent years, including recent years. The author gives a legal assessment and analysis of the constitutionality of the proposed amendments to the Constitution of the Russian Federation concerning changes in the constitutional and legal understanding of sovereignty and the role of the constitutional Court in its interpretation. It is concluded that the role of the proposed amendments in the future of constitutionalism in the Russian Federation is uncertain.

Keywords: sovereignty, Constitution, amendment, differentiation, Constitutional court.

References

1. Large legal dictionary / Compiled by A. Ya. Sukharev, V. Ye. Krutskikh, A. Ya. Sukharev. – М.: 2003. – 571 p.
2. Boden J. The method of easy cognition of history. Translation, article, notes by M.S. Bobkovoy. Responsible editors: V.I. Ukolova, N.A. Khachaturian. – М.: Publishing House “Science”, 2000
3. Hobbes T. Philosophical foundations of the doctrine of the citizen. – М.-Minsk: AST, Harvest, 2001. – S. 158
4. Altuziy I. Politics [Electronic resource] / Access mode: https://royallib.com/book/altuziy_iogann/politika.html
5. Russo, Jean-Jacques. Works: [Transl. from fr.] / Jean-Jacques Rousseau. – Kaliningrad: Amber. Tale, 2001. – 414 p. Altuziy I. Politics [Electronic resource] / Access mode: https://royallib.com/book/altuziy_iogann/politika.html
6. Mestre, J. M. de (1753–1821). Reasoning about France [Text] / Joseph de Mestre. – Moscow: Rossspan, 1997. – 215 p.
7. Hegel, G.V.F. (1770–1831). Introduction to the history of philosophy [Text]; Lectures on aesthetics; Science of logic; Philosophy of nature / Hegel. – Moscow: E, 2019. – 558 p.
8. Kelsen G. Pure doctrine of law and analytical jurisprudence. Perv. from English A.A. Kraevsky // Russian Yearbook of the Theory of Law. No. 2. 2009. SPb., 2011. С. 432–453
9. Dugi L. Society, personality and state: Social law, individual law and the transformation of the state: lectures given at the Higher School of Social Sciences in Paris: collection of books. / per. A. Batt; foreword E. Bernstein. SPb., 2008.
10. Besho-Golovko K.M. Oriu: an interdisciplinary approach in the service of a dynamic concept of law // Comparative Constitutional Review. 2008. No. 6. P. 14–22.
11. Morgenthau G. Political relations between nations: the struggle for power and peace // Theory of international relations: anthology / Comp., Scientific. ed. and comment. P.A. Tsygankova. – М.: Gardariki, 2002. S. 72–88.
12. Marochkin S. Yu. The Operation of International Law in the Russian Legal System, 2019. P. 75, 83, 116
13. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2013 N27-P “On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 11 and paragraphs 3 and 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Leningrad District Military Court” // SZ RF – 2013. – N50. – Art. 6670.
14. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 N12-P “In the case of resolving the issue of the possibility of enforcement in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the judgment of the European

- Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of“ Anchugov and Gladkov v. Russia connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation ”// Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>
15. Kalinichenko P.A. On the conflict between the decisions of the ECHR and the Constitution of Russia in the light of the position of the Constitutional Court of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2016. No2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kollizii-mezhdu-postanovleniyami-espch-i-konstitutsiei-rossii-v-svete-pozitsii-konstitucionnogo-suda-rf> (accessed: 19.03 .2020).
 16. Gadzhiev K.A. Constitutional identity and human rights in Russia // http://www.ksrf.ru/en/News/Documents/report_%D0%93%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%20_2016.pdf
 17. Mushroom V. Interview with the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation Valery Dmitrievich Zorkin // Lawyer. 2018.N12. S. 4–18.
 18. Report on the activities of the European Court of Human Rights // https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2019_ENG.pdf
 19. Sasov K.A. Legal analysis of the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-Z dated March 16, 2020 / https://zakon.ru/blog/2020/03/19/pravovoj_analiz_zaklyucheniya_konstitucionnogo_suda_rf_1-z_ot_16_marta_2020_g

Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе

Сулимов Николай Юрьевич,

студент, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»
E-mail: kolyasikk@bk.ru

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой влияние личной заинтересованности одного человека может оказать влияние на принятие решения другого человека, тем самым принести ущерб интересам общества.

Проблема конфликта интересов на государственной и муниципальной службе сегодня достаточно актуальна. Это обусловлено тем, что в современной России проблема коррупции является одной из насущных и как форма проявления коррупции является конфликт интересов на государственной и муниципальной службе. Так как конфликт интересов на государственной гражданской службе затрудняет эффективное развитие государства в целом.

Значимость исследований в области конфликта интересов обусловлена тем, что для эффективного механизма выявления и предотвращения конфликта интересов следует постоянно совершенствовать механизм урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе для того, чтобы минимизировать возможность возникновения и само возникновение конфликта интересов.

Ключевые слова: конфликт интересов, муниципальная служба, государственная служба, урегулирование конфликта интересов.

Гражданин, поступая на государственную службу, добровольно принимает на себя все обязательства, связанные с государственной службой, соглашается с установленными требованиями, ограничениями и запретами.

Одной из таких обязанностей является обязательство принимать меры по предотвращению и разрешению конфликтов интересов.

Общие принципы конфликта интересов и его понятие впервые было упомянуто в Указе Президента РФ № 885, принципы которого осуществляются на основе поведения государственного служащего, с помощью которого осуществляется исполнение функций и обязательств государственного служащего, при возникновении или возможном возникновении конфликта интересов – ситуации, когда личная заинтересованность одного государственного служащего может оказать влияние на исполнение отдельных функций и обязательств другого государственного служащего, а также письменного уведомлять руководителя и принимать меры по урегулированию конфликта интересов [3]. Государственный служащий, у которого закреплены отдельные виды полномочий, также обязан принимать действия по разрешению конфликта интересов на государственной службе.

Позднее понятие конфликта интересов и личной заинтересованности закрепилось в ст. 10 Федерального закона № 273 «О противодействии коррупции». В данной статье конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой влияние личной заинтересованности одного государственного служащего может оказать влияние на принятие решения, осуществление ряда полномочий и отдельных функций другого государственного служащего, тем самым принести ущерб интересам общества [2].

Выявление проблематики конфликта интересов, при малом количестве ситуаций, в которых может возникнуть или возникнет конфликт интересов, а также притом, что не установлен четкий процесс урегулирования конфликта интересов, зависит от совершенствования законодательства.

Одной из проблем урегулирования конфликта интересов заключается в обязанности государственного гражданского служащего сообщать руководителю отдела о возможном возникновении или о факте возникновения конфликта интересов, проблема заключается в том, что некоторые государственные и муниципальные служащие не замечают или не видят ситуацию, в которой возник конфликт интересов или же считают данный конфликт интересов не значительным и тем самым

не дают информацию о возникновении конфликта интересов.

Отсюда вытекает проблема недостатка квалификации государственного и муниципального служащего при урегулировании конфликта интересов.

Для того чтобы доказать актуальность данной проблемы следует обратиться к статистическим данным генеральной прокуратуры за 2019 год о количестве нарушений в процентах за неурегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе вследствие чего служащие получили дисциплинарные взыскания.

За 2019 год за нарушения, связанные с неурегулированием конфликта интересов исходя из данных, приведённых выше в процентном соотношении, выявлены лица, привлечённые к дисциплинарной ответственности (табл. 1).

Таблица 1. Нарушения, связанные с неурегулированием конфликта интересов

Должностные лица	Количество выявленных нарушений в%
иные должностные лица	34%
служащие муниципального уровня	35%
служащие федерального уровня	25%
служащие субъектов РФ	6%

На основе данных таблицы 1 можно сделать вывод, что из общего числа выявленных нарушений 60% нарушений приходится на служащих государственного и муниципального уровня 10%. В данное число входит ситуация, при которых государственные и муниципальные служащие были привлечены к дисциплинарной ответственности за то, что не уведомили представителя нанимателя о возможном появлении или появлении конфликта интересов в письменном виде.

Таким образом, можно сказать, что проблема недостаточной квалификации государственных и муниципальных служащих в сфере предотвращения и урегулирования конфликта интересов достаточно актуальна на данный момент и стоит обратить на неё определённое внимание.

Для комплексного решения проблемы о повышении квалификации государственного и муниципального служащего в сфере предотвращения и урегулирования конфликта интересов для полноценного выполнения своего обязательства о том, что государственный и муниципальный служащий обязан уведомлять в письменном виде представителя нанимателя о возможном появлении или о факте появления конфликта интересов необходимо разработать квалификационную программу для государственных и муниципальных служащих, которая ориентирована на повышение их квалификации в сфере конфликта интересов.

В программу повышения квалификации государственных и муниципальных служащих будет

входить на основе типовых ситуаций рассмотрение способов урегулирования и предотвращение конфликтов интереса на государственной и муниципальной службе. Самыми распространёнными ситуациями конфликта интересов по данным из анализа будут: владение государственными и муниципальными служащими ценными бумагами; государственные и муниципальные служащие, которые принимают участие в коммерческих организациях; выполнение определённых функций на уровне государственного и муниципального управления, а также осуществление контрольной и надзорной деятельности, с которыми связана личная заинтересованность государственного и муниципального служащего, направленная на родственников и других лиц; служебная зависимость между родственниками и другими лицами, находящимися в близком родстве от должностного лица, их незаконное назначение на должности и выплата им вознаграждений.

Следующим этапом будет внедрение вопросов о типовых ситуациях конфликтов интереса на государственной и муниципальной службе и их урегулирование и предотвращение в квалификационный экзамен для государственных гражданских служащих чтобы решить проблему недостатка квалификации в вопросе урегулирования конфликта интересов на примере типовых ситуаций на государственной и муниципальной службе.

Для совершения механизма выявления и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе необходимо, на основании выявленного решения проблемы о недостатке квалификации государственного и муниципального служащего, рассмотреть порядок реализации разрабатываемой программы, которая направлена на повышение квалификации государственных и муниципальных служащих по вопросу урегулирования конфликта интересов на основе типовых ситуаций.

В данную программу по повышению квалификации государственных и муниципальных служащих будут входить: понятие и виды конфликта интересов; порядок урегулирования конфликта интересов; причины возникновения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе; рассмотрение обязанностей принимать меры по урегулированию и предотвращению конфликта интересов; обзор типовых ситуаций конфликта интересов; урегулирование конфликта интересов на основе типовых ситуаций на государственной и муниципальной службе.

При благоприятных обстоятельствах для того чтобы воплотить реализацию данной программы в жизнь, необходимо подать инициативу о необходимости данной программы о повышении квалификации государственных и муниципальных служащих в орган общественной палаты РФ, затем в Государственной Думе будет происходить рассмотрение данной инициативы, далее в Совете Федерации будет принята данная инициатива и после подписания Президентом РФ оно

будет официально юридически закреплено и передано в ведение Министерства труда, которое после чего в соответствующем образовательном учреждении, вероятно, в РАНХиГС можно будет пройти программу по повышению квалификации.

В качестве прогноза результатов на основе выявленной проблемы о недостатке квалификации государственных и муниципальных служащих в сфере предотвращения и урегулирования конфликта интересов и на основе решения данной проблемы программой по повышению квалификации государственных и муниципальных служащих по вопросу урегулирования конфликта интересов на основе типовых ситуаций, а также на основании статистических данных из таблиц можно ожидать уменьшение количества нарушений за неурегулирование конфликта интересов связано это с тем, что в связи с решением проблемы недостатка квалификации государственных и муниципальных служащих данные нарушения больше не будут регистрироваться, следовательно, прогнозирование число снизиться с 1500 нарушений до 1350 исходя из общего количества зарегистрированных нарушений за неурегулирования конфликта интересов на федеральной и муниципальном уровне, а также вследствие чего повысится количество письменных уведомлений представителю нанимателя о возможном возникновении или возникновении конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.

Реализация направления совершенствования механизма по предотвращению и урегулированию конфликта интересов будет способствовать повышению эффективного урегулирования конфликта интересов за счёт повышения количества письменных уведомлений представителю нанимателя о возможном возникновении или возникновении конфликта интересов на государственной и муниципальной службе.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции».
3. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих».
4. Постановление Правительства РФ от 15 января 2014 г. № 26 «Об определении стоимости образовательных услуг в области дополнительного профессионального образования федеральных государственных гражданских служащих и размера ежегодных отчислений на его научно-методическое, учебно-методическое и информационно-аналитическое обеспечение».
5. Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 октября 2012 г. «Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования».
6. Информация о ходе выполнения мероприятий, предусмотренных Планом Федеральной службы государственной статистики по противодействию коррупции на 2018–2020 годы за 2018 год [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/inf-2018.pdf>. (дата обращения: 19.10.2019).
7. Панова Е.А., Яшкин А.В. Опыт антикоррупционной деятельности КНР и его применение в Российских условиях // Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт. 2016. С. 118–120.
8. Терушкина Т.А., Яшкин А.В. Реализация антикоррупционных программ в современной России: проблемы и пути совершенствования // Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности: российский и зарубежный опыт. 2016. С. 215–217.
9. Яшкин А.В. Социальные проблемы моногородов // Градообразующие предприятия: назад в будущее или вперед в прошлое? 2014. С. 266–269.

IMPROVING THE MECHANISM FOR IDENTIFYING AND RESOLVING CONFLICTS OF INTEREST IN STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Sulimov N. Yu.
REU named after G.V. Plekhanov

A conflict of interest is a situation in which the influence of one person's personal interest can influence the decision of another person, thereby harming the interests of society.

The problem of conflict of interest in state and municipal services is quite relevant today. This is due to the fact that in modern Russia the problem of corruption is one of the urgent and as a form of manifestation of corruption is a conflict of interests in the public and municipal services. Since the conflict of interests in the state civil service impedes the effective development of the state as a whole.

The importance of research in the field of conflict of interest is due to the fact that for an effective mechanism for identifying and preventing conflict of interest, the mechanism for resolving a conflict of interest in the state and municipal services should be constantly improved in order to minimize the possibility of the occurrence of a conflict of interest itself.

Keywords: conflict of interest, municipal service, public service, conflict of interest settlement.

References

1. Federal Law of July 27, 2004 N79-ФЗ (as amended on May 1, 2019) "On the State Civil Service of the Russian Federation".
2. Federal Law of 25.12.2008 N273-ФЗ (as amended on 07/26/2019) "On combating corruption."
3. Decree of the President of the Russian Federation of August 12, 2002 N885 "On approval of the general principles of official conduct of public servants"
4. Decree of the Government of the Russian Federation of January 15, 2014 No. 26 "On determining the cost of educational services in the field of additional professional education of federal state civil servants and the amount of annual deductions for its scientific, methodological, educational, methodological and information-analytical support".

5. Information of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 19, 2012 "Overview of typical situations of conflict of interest in the public service of the Russian Federation and the procedure for their settlement."
6. Information on the implementation of measures provided for by the Plan of the Federal State Statistics Service on Combating Corruption for 2018–2020 for 2018 [Electronic resource] – Access mode: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/inf-2018.pdf>. (Date of treatment: 10/19/2019).
7. Panova EA, Yashkin A.V. The experience of the anti-corruption activities of the PRC and its application in the Russian context // Organizational and managerial mechanisms of anti-corruption activities: Russian and foreign experience. 2016. S. 118–120.
8. Terushkina T.A., Yashkin A.V. The implementation of anti-corruption programs in modern Russia: problems and ways to improve // Organizational and managerial mechanisms of anti-corruption activities: Russian and foreign experience. 2016. S. 215–217.
9. Yashkin A.V. Social problems of single-industry towns // City-forming enterprises: back to the future or forward to the past? 2014. S. 266–269.

Негативные обязательства по праву России и зарубежных стран

Большакова Анастасия Дмитриевна,
студент, Всероссийская академия внешней торговли
E-mail: nastasianastasianastasia@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о существовании негативных обязательств в гражданском праве России и зарубежных стран. Автором проводится подробный анализ российского и зарубежного законодательства, источников международного частного права. Также автор исследует мнения российских и зарубежных цивилистов, приводит аргументы в поддержку или опровержение той или иной позиции. Проведенный анализ позволяет автору сделать вывод о том, существуют ли негативные обязательства, могут ли они носить самостоятельный характер или способны лишь служить дополнением к положительным обязательствам.

Ключевые слова: негативные обязательства, обязательства с отрицательным содержанием, обязательство воздержаться от совершения определенного действия.

Ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит понятие обязательства, согласно которому одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. В соответствии с указанным понятием обязательства могут иметь положительное содержание (позитивные обязательства) и отрицательное содержание (негативные обязательства). Наибольший интерес в настоящее время представляют именно негативные обязательства, т.к. в доктрине ведутся споры не только о природе указанного вида обязательств, но и в принципе о возможности их самостоятельного существования, а следовательно и необходимости включения в общее понятие обязательства¹.

Негативные обязательства встречаются намного реже, чем позитивные. Примерами негативных обязательств могут быть обязательство предпринимателя не конкурировать с другим предпринимателем, обязательство работника не разглашать коммерческие тайны работодателя и другие.

Судебная практика содержит немало примеров негативных обязательств. Так, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассматривал иск о взыскании убытков за нарушение негативного обязательства. Согласно материалам дела истец и ответчик заключили дистрибуторский договор, согласно которому ответчик принял на себя обязанности по дистрибуции на территории г. Уфа квестов, исключительное право на использование которых принадлежит истцу. В соответствии с договором после расторжения договора ответчик был не вправе каким-либо образом использовать квесты истца. Суд взыскал с ответчика убытки за нарушение негативного обязательства².

Другим примером негативного обязательства, нарушение которого нередко становится предметом судебного разбирательства, является обязательство принципала по агентскому договору

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

² Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.03.2019 по делу № А56-106425/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

не заключать аналогичных договоров с другими лицами и не осуществлять аналогичную деятельность. Так, Арбитражный суд Уральского округа рассматривал дело, связанное с фактом нарушения принципалом указанной обязанности. Как указал агент (истец), принципал (ответчик) осуществлял самостоятельную реализацию продукции, в связи с чем объем реализованного агентом товара снизился, агент оказался неспособен выполнить свои обязательства по реализации товара. Истец обратился в суд с иском о возложении на ответчика обязанности воздерживаться от осуществления деятельности по реализации того же товара, который реализует истец. Суд посчитал доказанным факт нарушения ответчиком негативного обязательства и удовлетворил требования истца¹.

Содержанием негативных обязательств является не совершение каких-либо действий (*facere*), а наоборот, воздержание от совершения действий (*non facere*) или претерпевание (*pati*). В доктрине одно время обсуждался вопрос, не стоит ли выделить *pati* в особый вид обязательств наряду с *facere* и *non facere*. Примером *pati* может быть обязанность арендодателя претерпевать использование вещи арендатором. В итоге доктрина пришла к решению, что между *non facere* и *pati* нет очевидных отличий, во многих случаях обязательство не может быть однозначно отнесено к одной из категорий. В частности, вышеуказанная обязанность арендодателя претерпевать использование вещи арендатором может быть расценена и как обязанность арендодателя не препятствовать арендатору в пользовании вещи, т.е. *non facere*. Кроме того, нет никакой практической значимости в специальном выделении обязанностей *pati* [1, с. 32–33].

Суханов Е.А. отмечал, что указание в понятии обязательства, содержащемся в Гражданском кодексе, на возможность негативного обязательства быть самостоятельным предметом обязательства необходимо, т.к. в ином случае будет создаваться ошибочное представление, что предмет обязательства может являться лишь совершение активных действий [2, с. 14–15]. Агарков М.М. также не отрицает существование обязательств с отрицательным содержанием, однако отмечает, что они имеют меньшее значение по сравнению с обязательствами с положительным содержанием [1, с. 27–28].

Многие ученые считают, что негативные обязательства не имеют самостоятельного значения, они могут быть лишь дополнением к позитивным обязательствам, в связи с чем указание на существование негативных обязательств в понятии обязательства ошибочно. Так, О.С. Иоффе отмечает, что «должник всегда обязывается либо только к активным действиям, либо также к воздержанию от определенных действий, но непременно сопутствующих деятельности должника». Обяза-

тельств же, предметом которых являлось бы лишь пассивное поведение должника, по его мнению, не существует [3, с. 6–8]. Данную точку зрения поддерживает и Егоров Н.Д., возражая против включения в определение обязательства указания на пассивное воздержание как несущественного признака [7, с. 131]. В поддержку мнения Егорова Н.Д. выступает Рожкова М.А., приводя аргумент о том, что «обязательства, где участники принимают на себя обязанности лишь пассивного характера, в большинстве своем будут происходить из ограничения право/дееспособности лиц, что в силу ст. 22 ГК недопустимо» [10].

Указанная позиция представляется ошибочной, т.к. чаще всего должник при заключении договора берет на себя обязанность воздерживаться от конкретного действия в отношении конкретного лица, что не ограничивает его права совершать указанное действие в отношении других лиц, значит, ограничения правоспособности или дееспособности в такой ситуации нет. Ограничение правоспособности или дееспособности может признаваться лишь в случаях, когда договор содержит вопиюще невыгодные для должника обязательства по воздержанию от определенных действий, например, обязательство никогда не заключать сделок на сумму свыше 10 тысяч рублей, обязательство не заниматься бизнесом в течение 50 лет и другие. В защиту позиции о том, что негативные обязательства не всегда ограничивают правоспособность или дееспособность, можно также сказать, что в ситуации, когда сторона, взявшая на себя обязательство не заключать сделок с конкурентами контрагента, но все же заключившая сделку, будет отвечать за нарушение договорного обязательства, но совершенная ею сделка признана недействительной не будет, т.е. фактически у стороны даже после заключения договора о незаключении сделок с определенными лицами остается право все-таки заключить их. Если все же следовать позиции, согласно которой большинство негативных обязательств нарушают ст. 22 ГК РФ, то тогда и практически любое позитивное обязательство можно признать нарушающим указанное положение, например, если продавец продаст вещь одному покупателю, то он лишается права продать эту же вещь другим лицам. Неужели следует признавать и такие сделки ограничением правоспособности и дееспособности должника?

Представляется, что при определении того, нарушает ли негативное обязательство ст. 22 ГК РФ, кроме вышеуказанного критерия вопиющей невыгодности для должника следует руководствоваться принципом свободы договора и считать, что должник, принявший на себя исполнение негативного обязательства, осуществил свое право, отказавшись от совершения определенных действий. Нет никаких веских причин ограничивать такое проявление свободы договора и усматривать в большинстве негативных обязательств нарушение ст. 22 ГК РФ.

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.09.2016 № Ф09–8483/16 по делу № А50–23711/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Хотя и негативные обязательства чаще всего являются дополнительными обязательствами, это не исключает возможности заключения договора, основным предметом которого будет обязательство воздержаться от совершения определенного действия. Например, сосед может заплатить другому соседу в обмен на обещание последнего не устраивать мероприятия увеселительного характера после определенного времени.

В пользу точки зрения о возможности самостоятельного существования отрицательных обязательств можно привести мнение Сарбаша С.В., который указывал, что обязательства с отрицательным содержанием могут существовать самостоятельно, а не служить дополнением к другим обязательствам [4].

Существует также и более радикальная точка зрения некоторых ученых, которые вообще отрицают возможность обязанности воздержаться от совершения определенных действий составлять содержание обязательства. В качестве одного из главных аргументов, в частности, приводится неприменимость к негативным обязательствам ряда общих положений об обязательствах [13]. Подобную особенность негативных обязательств Карапетов А.Г. в свою очередь обосновал таким образом, что «большая часть норм обязательственного права образована путем индуктивного обобщения частных коллизий и споров, подавляющее число из которых возникло в связи с обязательствами позитивными, и поэтому их применение к негативным обязательствам часто невозможно». По мнению Карапетова А.Г. общие положения обязательственного права должны применяться к негативным обязательствам, если иное не следует из существа данного обязательства [6, с. 19–20].

Белов В.А. также выступает сторонником точки зрения, согласно которой негативных обязательств вообще не существует. Ученый считает, что достичь полной определенности в описании действия, являющегося предметом воздержания, сложно и в некоторых случаях невозможно [5, с. 30–31]. Хотелось бы представить несколько аргументов против указанной позиции. Во-первых, представляется, что как минимум в случаях, когда определенность в описании действия достижима, должна признаваться возможность существования негативного обязательства. Во-вторых, не совсем понятно, какова практическая ценность в описании каждого конкретного действия, от совершения которых должно воздержаться лицо. Например, нужно ли в обязательстве не конкурировать описывать каждое действие, которое будет нарушать указанное обязательство? Представляется, что в большинстве случаев смысл негативного обязательства понятен участникам оборота и может быть установлен судом, поэтому и в описании его подробного содержания нет необходимости.

Интересная точка зрения на негативные обязательства у Груздева В.В. В опровержение аргументов некоторых ученых о том, что существова-

ние негативных обязательств невозможно в силу того, что они не опосредуют перемещение материальных благ, Груздев В.В. указывает, что в «обязательствах по факте должник не совершает действий лишь в фактическом смысле, юридически же он действует, пополняя своим поведением имущественную сферу кредитора экономической выгодой, т.е. осуществляет имущественное предоставление» [11].

Источники международного частного права также прямо признают возможность существования негативных обязательств. Так, статья III.-1:102 Модельных правил европейского частного права содержит положение о том, что исполнением обязанности может считаться как совершение действий, так и воздержание от совершения действий. Статья III.-7:203 указанных правил разъясняет порядок исчисления срока исковой давности в рамках длящегося обязательства при нарушении обязанности воздержаться от совершения действия: течение общего срока исковой давности начинается с момента каждого нарушения в отдельности¹. Иными словами, если характер обязательства подразумевает возможность неоднократного его нарушения, для каждого факта нарушения исчисляется отдельный срок исковой давности.

Статья 2.16 Принципов международных коммерческих договоров (Принципы Унидруа) упоминает о возможности существования такого негативного обязательства как обязательства стороны договора не раскрывать конфиденциальную информацию, полученную от другой стороны в процессе переговоров².

Для разрешения вопроса о существовании и правовой природе обязательства с отрицательным содержанием полезно также обратиться к зарубежным источникам. Так, например, в Германии существование такого обязательства также признается законом: § 241 Германского гражданского уложения (ГГУ) сказано, что исполнение обязательства может также состоять в воздержании от действия. § 339 ГГУ устанавливает момент начала исчисления неустойки за нарушение негативного обязательства: неустойка взимается с момента нарушения такого обязательства³.

Немецкая доктрина также признает существование обязательств с отрицательным содержанием. Так, Г. Денбург указывал, что должник может обязываться как к совершению определенных действий, так и к воздержанию от их совершения. Право на иск, по мнению ученого, у кредитора возникает с момента нарушения обязательства, с этого же момента начинается течение исковой давности. В качестве примера негативного обязательства цивилист приводил обязательство не конкурировать [8, с. 1–2].

¹ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с. // СПС «КонсультантПлюс».

² «Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)» (1994 год) // СПС «КонсультантПлюс».

³ «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 // СПС КонсультантПлюс.

В рамках споров о том, какова природа исполнения обязательства, реальная или консенсуальная, немецкие цивилисты зачастую затрагивают вопрос необходимости наличия волеизъявления при исполнении негативного обязательства. Так, А. Марграф придерживается точки зрения, что даже при исполнении обязанности по воздержанию от совершения определенных действий у сторон должно быть волеизъявление на исполнение. В обоснование своей точки зрения цивилист ссылается на то, что прекращение обязательства зависит от воли должника, который может как исполнить обязательство, так и препятствовать его исполнению [13].

Ученый Ф. Лент, хотя и является сторонником подхода, согласно которому при исполнении обязательства необходимо наличие соглашения между должником и кредитором (а значит и волеизъявления обоих), для негативных обязательств делает исключение, признавая, что исполнение таких обязательств не может иметь характер сделки. Цивилист Ф. Баллауфф также считает, что в случае исполнения обязательства в виде бездействия выражение воли не требуется, т.к. исполнение происходит вне зависимости от ее наличия. Считаю необходимым согласиться с позицией Ф. Лента и Ф. Баллауфф [13]. Нельзя сказать, что волеизъявление является необходимым элементом исполнения обязательства с отрицательным содержанием, т.к. мыслимы случаи, когда негативные обязательства могут быть погашены неосознанно, без какого-либо проявления воли.

Законодательство Франции признает существование негативных обязательств так же как и законодательство Германии. В силу ст. 1101 Французского гражданского кодекса должник может принять на себя обязательство предоставить, сделать или не сделать что-либо¹.

Французская доктрина также придерживается точки зрения о существовании негативных обязательств. Так, ученый Е. Годэмэ выделил обязательство не совершать какого-либо действия наряду с обязательством совершить какое-либо действие. В качестве примера негативного обязательства Е. Годэмэ привел обязательство должника не возводить строения в тех случаях, когда не установлено вещное обременение [9, 358–359].

В Англии существует смежный институт: в силу “negative covenant” (используется также “restrictive covenant”) сторона берет на себя обязательство воздержаться от совершения определенного действия. “Negative covenant” не может считаться исполненным до тех пор, пока его нарушение не станет невозможным. При этом английские суды не признают “negative covenant”, вопиюще ограничивающие правоспособность и дееспособность должника (такие обязательства признаются нарушающими публичный порядок), например, обязательство бизнесмена не вести предприниматель-

скую деятельность. Такое обязательство будет действительно, если оно ограничено какими-либо рамками, к примеру, бизнесмен не занимается предпринимательской деятельностью в Филадельфии [14].

Негативные обязательства нередко включаются в договоры купли-продажи, заключаемые по английскому праву, поэтому в судебной практике Великобритании нередко встречаются дела, связанные с вопросами о применении таких условий. Так, Высокий суд рассматривал дело *Rush Hair Ltd v Gibson-Forbes & Anor*, в котором истец (покупатель по договору купли-продажи) обвинил ответчика (продавца по договору купли-продажи) в нарушении обязательств не конкурировать и не принимать на работу бывших работников истца. В связи с тем, что ответчиком было создано общество, которое и явилось работодателем для работников истца, последний требовал снятия корпоративной вуали и возложения ответственности на ответчика. Суд отказал истцу в удовлетворении его требований по причине того, что договор купли-продажи был заключен ответчиком как физическим лицом, а значит негативное обязательство запрещало ответчику нанимать работников только от собственного имени, но не от имени юридического лица [15].

После того как мы рассмотрели имеющиеся аргументы в пользу самостоятельного существования негативных обязательств, необходимо очертить круг возможных способов защиты прав кредитора при нарушении должником обязательства воздерживаться от совершения определенного действия. Согласно п. 6 ст. 393 ГК РФ в случае нарушения должником обязательства по воздержанию от совершения определенного действия кредитор независимо от возмещения убытков вправе потребовать пресечения соответствующего действия, если это не противоречит существу обязательства. В связи с определенной спецификой негативного обязательства кредитор заинтересован в недопущении совершения должником определенного действия, поэтому ему предоставлено право требовать воздержания от совершения действия в случае возникновения реальной угрозы нарушения. Очевидно, что в случае, если обязательство таково, что запрет на воздержание от совершения конкретных действий бессмысленен после однократного нарушения обязательства (например, обязательство не разглашать информацию), права кредитора могут быть защищены лишь с помощью предъявления иска о взыскании убытков.

Таким образом, исходя из всех представленных аргументов можно сделать вывод, что негативные обязательства могут составлять содержание обязательства. В современном мире такой правовой инструмент как негативное обязательство может способствовать укреплению экономических связей между участниками рынка, т.к. оставляет им право включать в договор определенные условия по своему усмотрению, не опасаясь за последствия такого включения.

¹ «Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона)» от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
2. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. М.: Волтерс Клувер, 2006. – 800 с.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
4. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М. 2005 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Белов В.А. Гражданское право. Т. 4. М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.
6. Карпетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-ЛОГОС, 2017. – 1120 с.
7. Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. – 256 с.
8. Денбург Г. Пандекты. Т. 2. Обязательственное право. М. 1911. – 396 с.
9. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССРБ, 1948. – 510 с.
10. Рожкова М.А. К вопросу о динамике обязательств // СПС «КонсультантПлюс». 2002.
11. Груздев В.В. Осуществление субъективных гражданских прав и исполнение гражданско-правовых обязанностей // «Законы России: опыт, анализ, практика», 2017, № 8.
12. Шухорт Р.А. Правовая природа исполнения договорного обязательства в немецкой цивилистической доктрине XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. Т. 21. 2017. № 4.
13. Власова А.В. Структура субъективного права. Ярославль. 1998. // Юридический факультет Курганского государственного университета. URL: <https://is.gd/5a3giy> (дата обращения: 13.05.2020 г.).
14. John Bouvier. A Law Dictionary: Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America and of the several states of the American Union. Vol. 1. 1843 // Google Книги. URL: <https://is.gd/18Vwlb/> (дата обращения: 13.05.2020 г.).
15. Restrictive covenants in commercial contracts: cutting to the chase by Nicola Rabson and Nick Marshall, Linklaters LLP // Practical Law Home. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-636-2151?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-636-2151?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (дата обращения: 13.05.2020 г.).

RESTRICTIVE COVENANTS IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Bolshakova A.D.

Russian Academy of Foreign Trade

This article focuses on the matter of the existence of restrictive covenants in Russian and foreign civil law. The author analyses Russian and foreign legislation, sources of private international law on this matter in detail. The author also analyses the views of Russian and foreign civilists, provides arguments in support of some views or against them. In accordance with the analysis the author draws some conclusion concerning the existence of the restrictive covenants, their independent or subsidiary nature.

Keywords: negative covenants, restrictive covenants, duty to refrain from some action.

References

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. M.: Legal Publishing House of the USSR NKU, 1940. – 192 p.
2. Sukhanov E.A. Civil law: In 4 vol. Vol. 3: Obligation law. M.: Walters Kluwer, 2006. – 800 p.
3. Ioffe O.S. Law of obligations. M.: Legal literature, 1975. – 880 p.
4. Sarbash S.V. Performance of a contractual obligation. M. 2005 // SPS “ConsultantPlus”.
5. Belov V.A. Civil law. Vol. 4. M.: Yurayt, 2013. – 1085 p.
6. Karapetov A.G. Contract Law and Law of Obligations (general part): article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. M.: M-LOGOS, 2017. – 1120 p.
7. Kulakov V.V. The obligation and complications of its structure in Russian civil law: a monograph. M.: RAP, Walters Clover, 2010. – 256 p.
8. Denburg G. Pandects. Vol. 2. Obligation law. M. 1911. – 396 p.
9. Godeme E. General theory of obligations. M.: LEGAL PUBLISHING HOUSE OF THE MINISTRY OF JUSTICE of the USSR, 1948. – 510 p.
10. Rozhkova M.A. To the issue of the dynamics of obligations // SPS “ConsultantPlus”. 2002.
11. Gruzdev V.V. The exercise of subjective civil rights and the performance of civil obligations // “Laws of Russia: experience, analysis, practice”, 2017, № 8.
12. Shukhort R.A. Legal nature of the fulfillment of contractual obligations in the German civil law doctrine of the XIX–XX centuries. // Bulletin of RUDN. Series: Jurisprudence. Vol. 21. 2017. No. 4.
13. Vlasova A.V. The structure of subjective law. Yaroslavl. 1998. // Law Faculty of Kurgan State University. URL: <https://is.gd/5a3giy> (date of access: 05.13.2020).
14. John Bouvier. A Law Dictionary: Adapted to the Constitution and Laws of the United States of America and of the several states of the American Union. Vol. 1. 1843 // Google Books. URL: <https://is.gd/18Vwlb/> (date of access: 05.13.2020).
15. Restrictive covenants in commercial contracts: cutting to the chase by Nicola Rabson and Nick Marshall, Linklaters LLP // Practical Law Home. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-636-2151?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-636-2151?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (date of access: 05.13.2020).

Право общей совместной собственности супругов и проблемы раздела имущества в современной России

Валевская Ангелина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
E-mail: a.valevskaya@yandex.ru

Статья посвящена исследованию вопросов общей совместной собственности супругов (законного режима имущества), вопросов правового регулирования договорного режима, значения реализации полномочий супругов по распоряжению объектами общей совместной и долевой собственности, необходимости нотариального удостоверения отдельных сделок в данной сфере. В статье отражены новеллы национального законодательства в отношении общей собственности супругов, проанализированы актуальные материалы судебной практики, позиции Верховного Суда РФ, отражены наиболее актуальные проблемы. Подчеркнуто влияние режима общей совместной собственности супругов на наследственные права, на долговые обязательства, отражены особенности режима общей собственности при расторжении брака, при признании его недействительным.

Ключевые слова: брак, супруги, режим имущества, общая совместная собственность, общая долевая собственность, раздел имущества, нотариальное удостоверение.

Существуют незыблемые ценности частного права, идеи, на которых базируется «все и вся» в частной сфере [1, с. 74]. В качестве одной из подобных ценностей традиционно выступает вещное право, к которому относится право собственности, как «парадигма гражданских прав» [2, с. 279], предопределяющая важные сегменты жизнедеятельности человека. Данные субъективные права выделяются, по общему правилу, длительностью существования либо даже, – возможной бесконечностью во времени (в праве собственности), предоставляя законным обладателям охрану «против всех» [3, с. 221] и особые возможности защиты, т.е. признаны полноценным абсолютным гражданским правом.

Значение права собственности, что отражается на праве общей собственности супругов, подчеркнуто на уровне конституционных норм (ст. 8, ст. 35, 36 Основного закона РФ [4]), включающих принципиальные законоположения о данном вещном праве; гражданско-правовых норм, формулирующих систему положений о праве собственности и иных вещных правах (гл. II «Право собственности и иные вещные права» ГК РФ [5]). Феномен права собственности супругов, генезис которого происходит одновременно с развитием цивилизации, права, и на многих этапах общественного развития признан в качестве традиционного предмета обсуждения, дискуссий в научном сообществе, отражен в ст. 256 ГК РФ, также на уровне Семейного кодекса РФ [6].

Основания формирования права общей собственности супругов, как и других правоотношений брака, как указывал М.Т. Оридорога, оригинальны тем, что обладают специфичной семейной составляющей [7, с. 9], связаны с наличием комплекса юридических фактов, сформированных на нормативном уровне.

Общая совместная собственность супругов, в отсутствие договорного режима имущества (гл. 8 СК РФ), возникает при наличии брачного правоотношения, т.е. факта заключения брака в установленном законом порядке. Акт семейного законодательства предусматривает, что право на общее имущество принадлежит также супругу, который не обладал доходом в связи с ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, по иным причинам (п. 3 ст. 34 СК РФ). При анализе правового режима материальных благ супругов решающее значение приобретает также вопрос – на какое именно благо распространяется персональная «власть» каждого супруга, и каковы законные ограничения подобного господства, т.е. каким образом каждый реализует правомочие собственни-

ка. Имеются в виду положения закона: отдельные материальные блага принадлежат лично каждому из супругов (ст. 36 СК РФ).

Закон допускает возможность преобразования законного режима имущества супругов в договорный путем совершения брачного договора, соглашения о разделе имущества супругов и пр. В вышеизложенном, – реконструкция благ, находящихся в общей супружеской собственности, которая выделяется от регламентации режима имущества других членов семьи [8].

В результате подобного раздела может быть осуществлено преобразование общей совместной собственности субъектов брачного правоотношения в общую долевую собственность. Юридические последствия подобной реконструкции режимов – образование отдельных обязанностей в связи с распоряжением долей в праве общей долевой собственности. На основании новелл (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ [9]), продавец доли в общей собственности, в т.ч. супруг, обязан предпринять ряд необходимых юридически-значимых мер.

Супруги в отношении объектов права собственности, находящихся в режиме общей совместной собственности, вправе реализовывать триаду полномочий собственника, включая правомочие распоряжения, с учетом новеллы законодательства в отношении обязательности формирования согласия, выраженного исключительно в нотариальной форме в отношении сделок с недвижимостью (п. 3 ст. 35 СК РФ). Поскольку законодательство (п. 3 ст. 35 СК РФ) предусматривает определенную форму согласия супруга в отношении отдельных сделок – исключительно нотариальную, одобрение супруга не может быть отражено иным образом (п. 55 Постановления Верховного Суда 2015 г. [10]). Подобное указание, в частности, в отношении недвижимости, имеет особую направленность на защиту брачных отношений, прав супругов, на предотвращение злоупотреблений и незаконного лишения права собственности. Несоблюдение данного требования имеет значение, предоставляя полномочие пострадавшему супругу сформировать требования в суд о признании соответствующего соглашения недействительным, осуществив возврат объекта в конгломерат объектов общей собственности в порядке реституции.

Режим общей совместной собственности супругов накладывает значительный отпечаток на иные правоотношения, в т.ч. – на отношения наследования. В силу закона, наличие права наследования, которое принадлежит супругу-наследнику, как субъекту наследственного правопреемства, не оказывает влияния на наследственные права в отношении объектов, находящихся в режиме общей собственности супругов (ст. 1150 ГК РФ). На основании п. 4 ст. 256 ГК РФ, в случае смерти супруга пережившему супругу принадлежит доля, равная половине общего имущества супругов, если иной размер доли не определен брачным договором, иным соглашением, а также – совместным

завещанием, наследственным договором либо судебным актом.

Верховный Суд РФ в целях единообразного применения российскими судами норм законодательства по данным вопросам отметил. Во-первых, брачные правоотношения и режим общей совместной собственности, влекущие призвание к наследованию по закону пережившего супруга, подтверждаются документами, выданными в законном порядке. Во-вторых, при расторжении брака соответствующий акт (суда, органа ЗАГС) должен обладать юридической силой до момента открытия наследства. Тожественные правовые последствия присутствуют при признании брака в качестве недействительного: переживший супруг подлежит исключению из числа наследников при наличии факта вступления в силу решения суда до момента открытия наследства [11].

Семейное законодательство предусматривает, что при расторжении брака производится раздел, как общего совместного имущества, так и долговых обязательств (ст. 38 СК РФ). В соответствии со ст. 39 СК РФ, при разделе общего имущества суд определяет размер долей, которые предназначены для каждого из супругов, на основании которых распределяется общее долговое обязательство.

Судебная практика демонстрирует случаи удовлетворения иска о разделе общего долга, возникшего у супруга (истца) из соглашения о предоставлении овердрафта, совершенного с банком; о разделе общего долга, возникшего в силу генерального соглашения с обществом с ограниченной ответственностью, согласно которому общество выразило отказ от совершения сделки на рынке ценных бумаг (Апелляционное определение Московского городского суда [12]); о разделе общих долгов по оплате коммунальных услуг (Определения Верховного Суда РФ [13], Московского городского суда [14]).

В соответствии с российскими норматива, супруги, по общему правилу, обладают имуществом на праве общей совместной собственности, а объекты данного вещного права при разделе дифференцируются поровну, независимо, в частности, от того факта, что один член семьи – субъект брачного правоотношения занимался домашним хозяйством, воспитанием детей и не имел возможность осуществлять трудовую деятельность [15, с. 28]. В случае принятия решения о передаче одному из супругов имущества, ценность которого не тождественна части материальных благ другого супруга, судом может быть принято решение о соответствующей компенсации. Данное правило подлежит применению также в случае раздела объектов, находящихся в режиме общей совместной собственности во внесудебном порядке [16, с. 99][17].

Как демонстрирует анализ национальной судебной практики, суд (на основании п. 2 ст. 39 СК РФ) вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе при разделе так-

же в интересах несовершеннолетних, что подтверждается позицией Верховного Суда РФ [18].

Вышеизложенное – отдельная часть проблем в данной актуальной сфере. Значительные сложности возникают также в связи с вопросом «скрытой собственности» супругов, в связи с несоответствием фактических и зарегистрированных прав, вычлениением в совместном имуществе личных денежных средств супруга, в связи с учетом добросовестных приобретателей супружеского имущества, и в сфере, связанной с исковой давностью в данных правоотношениях, и возможным установлении пресекательного срока.

Литература

1. Гонгало Б.М. Идеи частного права: должное и сущее. Цивилистические записки. Екатеринбург, 2016. 302 с.
2. Франчози Дж. Институционный курс римского права. М., 2015. 428 с.
3. Смоленский М.Б. Гражданское право. В 3 Т. Т. 1. М: Юристъ, 2015. 515 с.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
7. Оридорога М.Т. Брак и его форма (по изд. 1968 г.). М., 2017. 44 с.
8. Осипов С.С. Наследование и брак [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (дата обращения 20.04.2020).
9. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4248.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 23.04.2019) // Российская газета 2012. № 127.

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 января 2016 г. по делу № 33–1057/2016 // Официальный сайт Московского городского суда [Электронный ресурс] <https://www.mos-gorsud.ru/>– (дата обращения 20.04.2020).
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 18-КГ16–196 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (дата обращения 20.04.2020).
14. Определение Московского городского суда от 29 июня 2016 г. № 4г-7132/2016 // Официальный сайт Московского городского суда [Электронный ресурс] <https://www.mos-gorsud.ru/>– (дата обращения 20.04.2020).
15. Фауряну К. А., Юсупова А.Х. Проблемы раздела имущества супругов // Эпоха науки. 2017. № 2. С. 26–30.
16. Ярков В.В. Нотариальное право. М.: Статут, 2017. 576 с.
17. Решение Промышленного районного суда г. Самары №2–2772/20172–2772/2017–М-2046/2017 М-2046/2017 от 13 июля 2017 г. // Официальный сайт Промышленного районного суда г. Самары [Электронный ресурс] URL: <http://promyshleny.sam.sudrf.ru/> (дата обращения 20.04.2020).
18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 15-КГ14–7) (документ опубликован не был) [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (дата обращения 20.04.2020).

THE RIGHT OF COMMON JOINT OWNERSHIP OF SPOUSES AND PROBLEMS OF DIVISION OF PROPERTY IN MODERN RUSSIA

Valevskaya A.A.
Saratov state law academy

The article is devoted to the study of issues of common joint property of spouses (legal regime of property), issues of legal regulation of the contractual regime, importance of realization of powers of spouses on the order of objects of common joint and shared property, necessity of notarial certification of certain transactions in this sphere. The article reflects the innovations of national legislation with regard to the common property of spouses, analyses the topical materials of judicial practice, the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, reflects the most topical problems. The impact of the regime of common joint property of spouses on inheritance rights, on debt obligations is stressed, the peculiarities of the regime of common property at dissolution of marriage, when it is declared invalid, are reflected.

Keywords: marriage, spouses, property mode, general joint property, common ownership, section of property, notarial certificate.

References

1. Gongalo B.M. Ideas of private law: due and existent. Civilistic notes. Yekaterinburg, 2016.302 s.
2. Francozi J. Institutional course of Roman law. М., 2015. 428 p.
3. Smolensky M.B. Civil law. In 3 T. T. 1. M: Lawyer, 2015.515 s.
4. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of

- December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Russian newspaper. 1993.25 December.
5. Civil Code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
 6. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-ФЗ (as amended on 02/06/2020) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Article 16.
 7. Oridoroga M.T. Marriage and its form (according to the ed. 1968). M., 2017. 44 p.
 8. Osipov S.S. Inheritance and marriage [Electronic resource] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (appeal date 04/20/2020).
 9. Federal Law of July 3, 2016 No. 315-ФЗ “On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part II). Art. 4248.
 10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – No. 8.
 11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 “On judicial practice in cases of inheritance” (as amended on April 23, 2019) // Rossiyskaya Gazeta 2012. No. 127.
 12. Appeal ruling of the Moscow City Court of January 18, 2016 in the case No. 33–1057 / 2016 // Official website of the Moscow City Court [Electronic resource] <https://www.mos-gorsud.ru/>– (appeal date 20.04. 2020).
 13. Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation of April 4, 2017 No. 18-KG16–196 (the document was not published) [Electronic resource] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (appeal date 04/20/2020).
 14. The determination of the Moscow City Court of June 29, 2016 No. 4g-7132/2016 // The official website of the Moscow City Court [Electronic resource] <https://www.mos-gorsud.ru/>– (appeal date 04/20/2020).
 15. Fauryanu K. A., Yusupova A. Kh. Problems of the division of property of spouses // The Age of Science. 2017. No. 2. P. 26–30.
 16. Yarkov V.V. Notarial law. M.: Statute, 2017.576 s.
 17. Decision of the Industrial District Court of Samara No. 2–2772 / 2017 2–2772 / 2017 ~ M-2046/2017 M-2046/2017 of July 13, 2017 // Official website of the Industrial District Court of Samara [Electronic resource] URL: <http://promyshleny.sam.sudrf.ru/> (accessed 04/20/2020).
 18. The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 16, 2016 No. 15-KG14–7) (the document was not published) [Electronic resource] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>. – (appeal date 04/20/2020).

Недобросовестная конкуренция как угроза экономической безопасности: правовые аспекты

Васильченко Анна Ивановна,

канд. юрид. наук, кафедра экономической безопасности,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет
E-mail: vasilcanna@yandex.ru

В статье рассматриваются формы недобросовестной конкуренции в качестве источников угроз экономической безопасности организации. Большинство актов недобросовестной конкуренции так или иначе связаны с обращением информации, поэтому одним из основных направлений, способствующих поддержанию уровня экономической безопасности, является мониторинг и анализ информации, содержащейся в открытых источниках, а также внутренний аудит на предмет соблюдения требований конкурентного законодательства. Также уделено внимание вопросу законности получения информации в ходе конкурентной разведки.

Ключевые слова: конкуренция, недобросовестная конкуренция, экономическая безопасность, недобросовестная реклама, конкурентная разведка, промышленный шпионаж.

Общие положения. Известно, что эффективно функционирующая экономика является одной из основ благополучия государства. Россия продолжает двигаться по пути рыночной экономики, при этом важнейшей задачей остается обеспечение экономической безопасности на всех уровнях. Рыночная экономика подразумевает минимизацию вмешательства государства во взаимоотношения участников рынка. Принято считать, что рыночные механизмы выполняют роль естественных регуляторов, и при их эффективной работе излишняя «зарегулированность» будет только вредить. Одним из таких естественных регуляторов является конкуренция. Согласно одному из вариантов происхождения слова «конкуренция» (лат. *Concurentia*), оно складывается из приставки *con-*, означающей совместность действия или равную меру участия, и корня *curr*, означающего «бежать» [1]. И этот «бег» делает «совместным» отнюдь не дружеское взаиморасположение его участников. Слово «конкуренция» подразумевает, прежде всего, соревнование, столкновение. Оставив за рамками тонкости теоретических подходов к определению понятия «конкуренция» в экономике, в контексте настоящего исследования предлагаем понимать конкуренцию как наличие на рынке большого числа независимых покупателей и продавцов и возможность для тех и других свободно выходить на рынок и покидать его; взаимодействие, взаимосвязь, борьба между товаропроизводителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров, за получение наивысшей прибыли [2]. В идеальном представлении конкуренция должна характеризоваться фактическим отсутствием барьеров при входе на рынок и выходе из него, свободными ценами, однородностью продукции и отсутствием принуждения в отношении участников рынка; при этом предложение формируется продавцами, стремящимися заинтересовать покупателя качеством товара, его ценой, а покупатели, в свою очередь, формируют спрос, руководствуясь собственными предпочтениями и уровнем дохода. Правила конкуренции должны быть едины для всех участников.

Акты недобросовестной конкуренции как источники угроз экономической безопасности организации. Статьей 8 Конституции РФ устанавливаются экономические основы конституционного строя, в том числе гарантируется поддержка конкуренции со стороны государства [3]. Во исполнение конституционной гарантии был принят федеральный закон «О защите конкуренции», согласно которому конкуренция – это соперничество

хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке [4]. В ходе конкуренции стороны всегда конфликтуют, поскольку стремятся к доминированию и преследуют цель максимизации прибыли. Именно поэтому реальные рыночные условия – сфера, в которой участники зачастую используют «запрещенные приемы», и конкуренция как регулятор перестает работать эффективно. Законодательство содержит понятие «недобросовестная конкуренция», которое охватывает любые действия хозяйствующих субъектов с целью получения преимуществ, совершаемые в обход закона, обычаев делового оборота, требований добропорядочности, разумности и справедливости. Устанавливая запрет на любые формы недобросовестной конкуренции, законодатель отмечает, что недобросовестная конкуренция имеет вредоносный потенциал – способствует причинению убытков организации и нанесению ущерба деловой репутации. В результате недобросовестной конкуренции ухудшается финансовая устойчивость пострадавших субъектов, страдают экономические интересы участников рынка, что создает угрозу экономической безопасности организации. Однако для нейтрализации угрозы важна не только регулятивная и охранительная деятельность государства, но и действия самих участников рынка. Поэтому целесообразно рассмотреть, какие угрозы экономической безопасности организации возникают вследствие недобросовестной конкуренции и какие пути противодействия могут избрать субъекты хозяйственной деятельности.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» содержит запреты на следующие формы недобросовестной конкуренции: дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, недобросовестная конкуренция, связанная с правами на средства индивидуализации, с использованием результатов интеллектуальной деятельности, а также связанная с созданием смешения. При этом запрещены любые другие действия, не поименованные в законе, и при этом содержащие признаки недобросовестной конкуренции. Поименованные в законе формы, в свою очередь, связаны либо с использованием информации (сведений), либо с использованием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности [5].

Как указывалось ранее, покупатель при выборе товара руководствуется своими предпочтениями и уровнем дохода. На предпочтения любого покупателя можно влиять с помощью информационного воздействия (даже в том случае, когда в роли покупателя выступает юридическое лицо). Предпочтения покупателя формируются по большей части путем обобщения информации о товаре и условиях его реализации. Покупателя интересуют свойства товара, его качества, товар оце-

нивается на предмет способности удовлетворить те или иные потребности с учетом финансовых возможностей покупателя. Добросовестные конкуренты стремятся донести достоверную и актуальную информацию о товаре наиболее полно, исчерпывающе, сделать ее доступной для круга покупателей, представлять сведения в яркой, запоминающейся индивидуальной манере. Недобросовестные конкуренты, как правило, осуществляют действия, либо намеренно искажая информацию о товаре своего конкурента (дискредитация), либо искажая информацию о собственном товаре (введение в заблуждение), либо осуществляя некорректное сравнение товаров – недобросовестная конкуренция выражается в формировании у покупателя искаженного представления о товаре.

Что касается тех форм недобросовестной конкуренции, которые связаны с незаконным использованием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, то они могут быть выражены в таких действиях, как использование обозначений, сходных с зарегистрированным товарным знаком до степени смешения, копирование или имитация внешнего вида товара, незаконное получение информации, относящейся к коммерческой тайне и иных действиях. Недобросовестный конкурент посягает на конкурентную идентичность организации, наносит ущерб ее деловой репутации.

Любая форма недобросовестной конкуренции характеризуется наличием лица, совершившего незаконное действия, и лица (лиц), экономические интересы которого (–ых) пострадали в результате таких действий. В результате можно выделить два основных вида угроз экономической безопасности организации в зависимости от источника их возникновения:

1. Угроза, возникающая вследствие действий недобросовестного конкурента.

В результате искажения информации недобросовестным конкурентом предпочтение покупателя формируется на основе обобщения информации, не соответствующей действительности, выбор делается не в пользу лучшего, а уровень дохода добросовестного конкурента снижается, что создает угрозу его финансовой устойчивости. Несмотря на то, что в России действует Федеральная антимонопольная служба, уполномоченная пресекать акты недобросовестной конкуренции, предприятие может достаточно эффективно способствовать предотвращению такой угрозы. С этой целью предприятие должно обеспечить постоянный мониторинг открытого информационного пространства на предмет обнаружения конкурентно-значимых искажений информации. Большая часть информации о товаре распространяется посредством рекламы. Статья 5 ФЗ «О рекламе» [6] устанавливает такие требования к рекламе, как добросовестность и достоверность. Кроме того, закон содержит прямой запрет на рекламу, являющуюся актом недобросовестной конкуренции. Так, например, Комиссия Санкт-Петербургского УФАС вынесла решение по делу, возбужденному в отноше-

нии ООО «Первая международная букмекерская компания» (букмекерская компания «Лига ставок»). Рекламный баннер, размещенный по заказу организации, содержал фразу «Лучший букмекер»; реклама аналогичного содержания демонстрировалась и в эфире телеканала «Матч-ТВ». В данном случае, реклама является недостоверной, вводит потребителя в заблуждение, поскольку критерий «лучший» в конкретном случае ничем объективно не подтвержден, также не указан критерий, по которому проводилось сравнение [7]. В результате в отношении организации было возбуждено административное производство с целью привлечения к ответственности. Примечательно, что нарушение было обнаружено частным лицом, которое и обратилось с заявлением в ФАС. Мониторинг рекламы позволит обнаружить признаки актов недобросовестной конкуренции и своевременно привлечь внимание уполномоченных органов и, при необходимости, обратиться за судебной защитой нарушенного права.

2. Угроза, возникающая вследствие совершения акта недобросовестной конкуренции самой организацией.

В данном случае на финансовую устойчивость организации повлияет факт привлечения к материальной ответственности (необходимость уплаты штрафа или возмещения убытков). Нейтрализации угрозы будет способствовать своевременный юридический аудит – он позволит организации активно конкурировать без нарушения норм закона.

Недобросовестная конкуренция и конкурентная разведка. Однако проводить мониторинг и анализ информации следует не только с целью обнаружения возможных нарушений со стороны конкурентов и внутренних нарушений, но и с целью изучения рынка, определения дальнейшей стратегии существования организации и получения конкурентных преимуществ – то есть осуществлять конкурентную разведку. Конкурентная разведка является необходимостью для поддержания высокого уровня экономической безопасности предприятия; некоторые авторы справедливо отмечают, что конкурентная разведка направлена на информационное обеспечение управления предприятием с целью повышения его конкурентоспособности [8]. Вопросы конкурентной разведки прямо отечественным законодательством не урегулированы. В таком случае, к осуществлению конкурентной разведки следует подходить по принципу «разрешено все, что не запрещено законом». Нормативную базу для конкурентной разведки составляет Конституция РФ, гарантирующая право на свободу информации (ч. 4 ст. 29), ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также ФЗ «О защите конкуренции». Законность действий по сбору конкурентно-значимой информации будет определяться в соответствии с правовым режимом информации. В ходе конкурентной разведки осуществляется сбор сведений, которые находятся в открытом доступе: опубликованы в СМИ, содер-

жатся в публичных реестрах, на сайтах организаций, рекламе, информационных стендах, опубликованных решениях судов и иных источниках. Что касается информации с ограниченным доступом (например, конфиденциальная информация, охраняемая законом тайна), то ее сбор запрещен законом и, следовательно, не может осуществляться в рамках конкурентной разведки. Более того, Уголовный кодекс РФ содержит статью 183 [9], предусматривающую ответственность виновного физического лица за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, то есть, по сути, за осуществление промышленного шпионажа. Таким образом, конкурентная разведка, в отличие от промышленного шпионажа и иных противозаконных действий, подразумевает только законные способы сбора информации, все остальные способы конкурентной разведкой считаться не могут. Если конкурентная разведка необходима для обеспечения экономической безопасности, то промышленный шпионаж, наоборот, этому не способствует. Однако следует обратить внимание, что незаконным является только активное собирание информации с ограниченным доступом (в отличие от разглашения, к примеру, коммерческой тайны, которое может осуществляться и путем бездействия). Поэтому сведения, ставшие известными конкурентам в результате случайной утечки, нельзя считать полученными с нарушениями закона. Так, получение значимой информации из опубликованной в социальной сети фотографии сотрудника конкурирующей организации на фоне монитора с открытым файлом не относится к незаконным способам получения информации и, следовательно, может рассматриваться как конкурентная разведка. Конкурентная разведка не относится к актам недобросовестной конкуренции, поскольку направлена на сбор информации законными способами, и поэтому достаточно широко распространена в предпринимательской среде.

Вывод. Угрозы экономической безопасности организации могут возникать как вследствие актов недобросовестной конкуренции со стороны иных организаций, так и вследствие нарушений конкурентного законодательства, допущенных самой организацией. В то же время, сбор и анализ конкурентно-значимой информации, проводимый в рамках действующего законодательства и с соблюдением требований правовых режимов информации не является недобросовестной конкуренцией – к такой деятельности применимо понятие «конкурентная разведка». Вывод о существовании у организаций и индивидуальных предпринимателей права на осуществление конкурентной разведки следует из наличия конституционного права на свободу информации. Для обеспечения экономической безопасности организация должна не только качественно организовать проведение конкурентной разведки, но и предпринять меры по противодействию разведывательной деятельности со стороны конкурентов.

Литература

1. Латинский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://latin.slovaronline.com/> (дата обращения: 29.04.2020).
2. Словарь-справочник: экономика, внешняя торговля, выставки. Под. ред. В.Л. Малькевича [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.osln.ru/knigi/Ekonomik_slovar.pdf (дата обращения: 29.04.2020).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета, № 162, 27.07.2006.
5. Городов О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика / О.А. городов. – М.: Статут, 2008.
6. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Российская газета», № 51, 15.03.2006.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе».
8. Берсенева В.Л., Ющук Е.Л. Феномен конкурентной разведки: основы теоретического анализа. Препринт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 52 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

UNFAIR COMPETITION AS A THREAT TO ECONOMIC SECURITY: LEGAL ASPECTS

Vasilchenko A.I.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Forms of unfair competition are considered in the article as sources of threats to the economic security of the organization. Most actions of unfair competition are related to the circulation of information, therefore one of the main directions to provide the economic security is monitoring and analysis of information contained in open sources, as well as an internal audit to ensure compliance with the requirements of competition law. The legality of obtaining information with competitive intelligence is also considered in the article.

Keywords: competition, unfair competition, economic security, illegal advertising, competitive intelligence, industrial espionage.

References

1. Latin dictionary [Electronic resource]. Access mode: <https://latin.slovaronline.com/> (accessed: 04/29/2020).
2. Dictionary: economics, foreign trade, exhibitions. Under. ed. V.L. Malkevich [Electronic resource]. Access mode: http://www.osln.ru/knigi/Ekonomik_slovar.pdf (accessed date: 04/29/2020).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) // SZ RF, 08/04/2014, No. 31, Art. 4398.
4. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ "On the Protection of Competition" // Rossiyskaya Gazeta, No. 162, July 27, 2006.
5. Gorodov O.A. Unfair competition: theory and law enforcement practice / O.A. Gorodov. – M.: Statute, 2008.
6. Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 51, March 15, 2006.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 8, 2012 No. 58 On some issues of the practice of application by the arbitration courts of the Federal Law "On Advertising".
8. Berseneva V.L., Yushchuk E.L. The phenomenon of competitive intelligence: the foundations of theoretical analysis. Preprint Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. – 52 p.
9. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // "Meeting of the legislation of the Russian Federation", June 17, 1996, No. 25, Art. 2954.

Проблемы заключения договоров инвестиционными товариществами РФ со странами АТР

Настич Вадим Максимович,

студент, Юридическая школа, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: nastich.vm@students.dvfu.ru

Елизарова Елизавета Олеговна,

студент, Юридическая школа, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: elizarova.eo@students.dvfu.ru

Дергоусова Василина Андреевна,

студент, Юридическая школа, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: dergousova99@mail.ru

Чекулаев Сергей Сергеевич,

ассистент, кафедра гражданского права и процесса, Юридическая школа, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: chekylaev@mail.ru

Статья посвящена проблемам заключения договоров инвестиционными товариществами РФ со странами АТР. Приведена практика венчурных договоров. Приведены статистические данные инвестирования РФ. Указано, что инвестиционное товарищество является нетипичной для РФ формой предпринимательской деятельности, которая обладает специфическими особенностями. Охарактеризованы инвестиционные договоры с Китаем. Рассмотрены проблемы, связанные с заключением договоров инвестиционными товариществами РФ со странами АТР.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, товарооборот, инвестиции, потенциал сотрудничества, проблема, инвестиционное товарищество.

В связи с постоянно меняющейся и совершенствующейся сменой рыночной обстановки и ее конъюктур на мировых рыночных площадках капитала, каждый год инвесторы сталкиваются с новыми проблемами и ситуациями. Зачастую даже опытные капиталисты задают вопрос, связанный с тем, куда лучше всего вложить денежную сумму, чтобы не потерять ее и сохранить капитал в целостности, а также как сделать так, чтобы достичь успеха и увеличить свой доход. Кроме того, торговые конфликты между крупнейшими мировыми игроками, нестабильность в политической сфере в ряде регионов, колебания цен на нефть и другие дестабилизирующие факторы приводят к росту неопределенности в сфере финансов и инвестиций.

В этих условиях инвестиционное товарищество становится новой формой организации предпринимательской деятельности, ключевым моментом которой является то, что формально инвестиционное товарищество не является юридическим лицом, а целью, ради которой создается инвестиционное товарищество, является осуществление инвестиционной, в том числе инновационной деятельности. Понятие международного инвестиционного партнерства на основе товарищества определяется как договорные отношения, которые регулируют сотрудничество субъектов бизнеса из разных стран с целью реализации коммерческих проектов, создания инфраструктуры или предоставления услуг общественного пользования. Согласно этому определению частный сектор становится долгосрочным провайдером таких услуг на международном уровне и несет ответственность не только за строительство объекта, но и за долгосрочное содержание, функционирования и финансирования предмета договора – причем это касается сторон обоих государств, субъекты бизнеса которых участвуют в товариществе. Но необходимо отметить, что на международном уровне большое значение для организации партнерства и товарищества имеют договоренности между странами на высшем уровне, поэтому такие объединения оставляют за государством функцию по планированию ресурсов и мониторингу за оказанием услуг, а также обеспечению договорной основы для развития партнерства. Частный сектор выполняет функции по обеспечению дополнительного капитала, предоставления альтернативных подходов к управлению, обеспечению дополнительной стоимости для потребителей и государства в целом, а также оптимального использования ресурсов.

Инвестиционное товарищество считается непривычным для РФ в предпринимательской

сфере, обладающей индивидуальными особенностями, определяющими преимущества и недостатки инвестиционного товарищества, некоторые из которых нельзя однозначно отнести к отрицательным или положительным чертам инвестиционного товарищества. В российском праве имеются такие конструкции, которые можно использовать для решения задач коллективной инвестиционной деятельности, а также в венчурных проектах, проблема заключается в том, что они не в полной мере отвечают потребностям российских и зарубежных инвесторов, а также мировой практике венчурного инвестирования.

Концепция международного инвестиционного партнерства на основе товарищества предусматривает развитие договорных отношений, регулирующих сотрудничество между сторонами с целью реализации крупных международных проектов. В рамках инвестиционного партнерства отношения участников товарищества из разных стран могут рассматриваться как развитие классических методов и процедур проектного финансирования, хотя некоторые особенности взаимоотношений участников таких инвестиционных структур обуславливают необходимость существования дополнительных требований к соответствующим проектам и договорным отношениям. Одной из наиболее развитых, рыночных и комплексных форм инвестиционного партнерства между Россией и странами АТР на современном этапе являются концессии. В отличие от других форм товариществ концессии имеют многоцелевой и долгосрочный характер, что позволяет сторонам осуществлять стратегическое прогнозирование и планирование своей деятельности, предоставляют частному сектору высокую, а часто и полную свободу в принятии инвестиционных, административно-хозяйственных и управленческих решений, позволяют диверсифицировать риски между всеми сторонами, участвующими в проектах, благодаря чему существенно повышается жизнеспособность международных инвестиционных проектов.

В любом случае инвестиционное партнерство между субъектами бизнеса разных стран на основе инвестиционного товарищества выступают, как официальные отношения или договоренности на определенный период времени с участием государств, в которых обе стороны сотрудничают в процессе принятия решений и совместно инвестируют ограниченные ресурсы, такие как деньги, персонал, оборудование и информацию для достижения конкретных целей. При этом государства сотрудничающих компаний получают дивиденды в форме увеличения налоговых поступлений, решения социальных проблем и повышения общего уровня производства, тем самым повышая конкурентоспособность продукции и услуг на мировом рынке.

Государственные интересы России, прежде всего в инвестиционно-экономической сфере, заключаются в углублении сотрудничества с ведущими центрами роста. Поскольку в число таких

центров роста на современном этапе можно отнести АТР, одной из предпосылок, которая определяет приоритет внешнеэкономической политики России, является успешная либерализация режима торговли со странами АТР.

Эффективное двустороннее сотрудничество как со странами АТР в рамках различных двусторонних соглашений, так и с самыми развитыми странами АСЕАН путем заключения с ними двусторонних договоров об инвестиционно-экономическом сотрудничестве создает основу для формирования стратегического видения широкомасштабной интеграции в Азиатском регионе, которая может осуществляться с применением экономико-правовых и инвестиционных механизмов – в том числе, в форме инвестиционных товариществ. В первую очередь, такие решения должны быть направлены на практическое применение для того, чтобы добиться решения уже привычных, обыденных проблем в сфере отраслевого и регионального развития ряда регионов РФ, в частности Дальнего Востока, и включения их в региональное сотрудничество со странами АТР.

Недавно по историческим меркам развитие Дальнего Востока и трансграничной деятельности на Дальнем Востоке стало являться одним из главных приоритетов РФ. Это связано со следующими факторами:

- наличие соседей с быстро развивающимся и экономически мощным Азиатско-Тихоокеанском регионом;
- признание приоритетности развития Дальнего Востока наиболее эффективным в данной сфере на территории страны;
- преобладание богатого ресурсного потенциала, в качестве которого выступает большое разнообразие полезных ископаемых, топливных ресурсов (уголь – более 15 млрд т.; нефть – 9,6 млрд т.; природный газ 14 трлн куб.м.);
- наличие транспортной инфраструктуры (Транссибирская, Байкало-Амурская ж/д, незамерзающие морские порты);
- наличие заинтересованности туристов в связи с уже имеющимися уникальными природно-рекреационными ресурсами.

На сегодняшний день АТР выступает, пожалуй, самым большим по численности своего населения регионом: так, именно на его территории проживает более шестидесяти пять процентов населения всего мира. При этом, рассматриваемый нами регион также отличается и тем, что ему присуще достаточно обширное разнообразие социально-экономических и культурно-исторических ресурсов, сохранение и следование по сей день своим специфическим традиционно-национальным особенностям.

Страны, входящие в АТР, в текущий момент реализуют сотрудничество с Россией, выступая в качестве крупнейших поставщиков ресурсов, однако, при этом это сотрудничество не проходит всегда гладко: так, среднегодовая температура на Дальнем Востоке сохраняется минус пять гра-

дусов по Цельсию, а в странах АТР этот показатель достигает плюс двадцать градусов по той же шкале измерения, что, в свою очередь, влечет полную несостоятельность и неактуальность некоторых разработанных ими технологических решений на территории указанного федерального округа.

Помимо прочего, рождаемость на территории стран АТР сохраняется на протяжении длительного периода времени на крайне высоком уровне, чего не скажешь о Дальнем Востоке России. Это, как следствие, обуславливает возникновение необходимости в развитии форм инвестиционного сотрудничества, которые были бы доступны для многих участников даже в тех сферах, в частности – инвестиционных партнерств и товариществ (в частности, мы говорим прежде всего о таких, как инфраструктура, высокоскоростной железнодорожный транспорт, навигационные системы, глубокая переработка углеводородов и ряд иных).

Также обратим свое внимание на то, что на территории Дальнего Востока России преобладают колоссальные природные, ресурсные и геополитические ресурсы, но при этом, вовсе не наблюдается исторической направленности развития. Разрешение данной проблемы видится нам в систематическом проведении специально разработанных и организованных форумов и конференций, посвященных ознакомлению с достижениями технологий РФ и технологий стран АТР, рекламных и информационных мероприятий. На наш взгляд, это повлечет за собой не только формирование широкого спроса среди потребителей на товары и услуги, производимые и оказываемые Россией, но и продвижение российского бизнеса на рынке стран АТР (тем самым, эти задачи возможно разрешить, как мы видим, только при использовании инвестиционных товариществ как формы международного сотрудничества стран).

Данная форма международного сотрудничества активно применяется и сейчас (как правило, компаниями, достаточно крупными, и задействованными в энергетической отрасли: например, проведенная еще в далеком 2005 году финансовая сделка между Роснефтью и Китайской национальной нефтяной корпорацией, также Китайским банком развития и Экспортно-импортным банком на сумму 6 миллиардов долларов и сделка 2009 года между Роснефтью и Транснефтью – CNPC/CDB на сумму 20 миллиардов долларов были основаны также на модели инвестиционного товарищества.), что фактически привело к формированию фундамента для долгосрочного стратегического сотрудничества между Россией и Китаем, а также другими партнерами этих государств.

Есть и другие примеры: так, портфельная компания Фонда Rusnano Sistema SICAR (совместный фонд РОСНАНО и АФК «Система») Geosplit активно продолжает вести продуктивную работу по проведению маркерной диагностики нефтяных и газовых скважин в КНР. По истечении реализации первых проектных работ, которые осуществлялись на Чанцинском месторождении, увлеченность тех-

нологическим оснащением, в частности маркерной диагностикой скважин, значительно превосходит свои прежние значения.

На сегодняшний день также реализуется и ряд иных проектов, сопряженных с применением такой формы международного сотрудничества как инвестиционное товарищество: отметим, что в конце 2013 года АО «Атомстройэкспорт» приступило к реализации проекта строительства первой на территории Бангладеш атомной электростанции «Руппур». 30 ноября 2017 года состоялась церемония заливки «первого бетона» в основание энергоблока № 1, а 14 июля 2018 года началось строительство второго энергоблока электростанции. Запуск первого блока АЭС планируется осуществить в 2023 году, второго – в 2024 году [4]. Ижорские заводы, входящие в Группу ОМЗ, завершили изготовление и отгрузили восемь гидроёмкостей системы пассивного залива активной зоны реактора (СПЗАЗ) для первого энергоблока АЭС «Руппур» (Бангладеш). В настоящее время ведётся подготовительная стадия строительства энергоблоков № 1 и № 2 атомной электростанции с реакторами ВВЭР-1200. Для АЭС «Руппур» Ижорские заводы совместно с Волгодонским филиалом АО «АЭМ-технологии» – «Атоммаш» и филиалом АО «АЭМ-технологии» – «Петрозаводскмаш» изготавливают ключевое оборудование реакторного зала [5].

Наблюдается тенденция и к расширению международного сотрудничества России с Японией в энергетической отрасли (газовая сфера): так, было реализовано совместное строительство японской компанией Japan Far East Gas Co. (консорциум японских предприятий) и Газпром завода по сжижению газа во Владивостоке. А с 2008 года Япония получает СПГ с единственного в России завода по сжижению газа на Сахалине II, в котором японские компании владеют 22,5% акций. Заключены долгосрочные контракты на поставку более чем одной трети добычи на газовом месторождении.

Однако при всем этом, мы не можем не обратить внимание на то, что объем инвестиций в российский бизнес, вносимых Японией, по сей день остается крайне малым и ограниченным: например, по состоянию на конец 2018 года их количество составило всего лишь \$757 млн в то время, как с китайской стороны поступило более \$40 млрд, [1]. Это может быть продиктовано сложными инвестиционными условиями на Дальнем Востоке России.

Тем самым, несмотря на все усилия, которые прилагаются российской стороной, Япония остается крайне осторожной, поскольку понимает, что стимулы и инвестиционные гарантии остаются по-прежнему ограниченными, а инвестиционные товарищества практически не организуются. В связи с этим возникает вопрос о продолжающемся территориальном споре: так, *открытие арктических морских путей укрепило стратегическое значение Курил для России. Но, говоря о Курилах,*

необходимо отметить их большую роль в возможном развитии инвестиционного сотрудничества с Японией на основе инвестиционных товариществ. Именно в таком формате данный тип сотрудничества мог бы стать наиболее эффективным и помочь в достижении не только экономических, но и политических целей. Пока стороны делают очень сдержанные шаги по пути развития инвестиционного сотрудничества, используя возможности Курил [8].

Полагаем, что развитию такой формы международного сотрудничества между Россией и странами АТР как инвестиционное товарищество препятствует ряд причин: российская энергетика, как и энергетика стран АТР стала крайне политизированной; все крупномасштабное развитие энергетической отрасли должно находиться под контролем российского госпредприятия или, по крайней мере, санкционироваться властями, а также, помимо прочего, сохраняется скрытое взаимное недоверие (Россия объективно опасается изменения баланса своих сил и сил стран АТР в указанной сфере).

В этой связи, необходимо отметить, что улучшение инвестиционного климата может быть достигнуто за счет применения специальных законодательно разработанных мер по либерализации инвестиционного процесса: например, установление льготного режима проведения инвестиций (снижение налоговых ставок, пошлин при проведении таможенных операций), упрощения разрешительных процедур, ослабление контроля и надзора со стороны государства в лице его органов и должностных лиц.

Развитие инфраструктуры и транспорта – одно из перспективных направлений регионального сотрудничества. Проекты в этой сфере представляют собой широкое поле для внедрения инноваций, технологической модернизации и создают условия для трансграничного сотрудничества на основе инвестиционного товарищества. Кроме того, развитая инфраструктура является одним из факторов региональной безопасности. Уже сейчас в нескольких субрегионах АТР либо планируются, либо уже осуществляются трансграничные инфраструктурные мегапроекты, призванные вывести кооперацию между странами на новый уровень. В данном ключе примечательно принятие в 2010 году «Генерального плана по наращиванию взаимосвязей в АСЕАН», начало строительства ж/д магистрали, связывающей КНР с четырьмя другими государствами ЮВА, заинтересованность Кореи в строительстве транскорейской ж/д магистрали с выходом на транссибирскую магистраль и в прокладке транскорейского газопровода. Необходимо отметить открытие значительных возможностей для развития инвестиционных товариществ в этой сфере. Но конкретной договорной основы в этой сфере пока, к сожалению, нет.

Потребности диверсификации внешнеэкономических связей России на основании заключения договоров инвестиционными товариществами,

экономической зависимости от главных на сегодня партнеров и углубления интеграции в мировую экономику диктуют необходимость увеличения доли Азии в структуре внешней торговли и инвестиционных показателях России.

Приоритетами России в развитии инвестиционного сотрудничества с азиатскими государствами в краткосрочной перспективе должны стать:

- инициирование пилотных проектов по привлечению инвестиций из азиатских государств с целью дальнейшего использования приобретенного опыта для усиления привлекательности России для азиатских инвесторов на основе инвестиционных товариществ, как эффективной формы сотрудничества компаний из разных стран;
- декларирование в рамках договоров и контактов на высоком уровне интереса к существенному углублению торгово-экономического сотрудничества с азиатскими государствами и формулирование определенных целей такого сотрудничества, в частности планируемых уровней товарооборота и прямых инвестиций;
- активизация участия российских предприятий, прежде всего государственных, в конкурсах на сооружение отдельных объектов инфраструктуры в странах АТР и тендерах по государственным закупкам в азиатских государствах, что поможет усилить договорную основу под инвестиционными отношениями России и стран АТР;
- укрепление договорно-правовой базы экономического сотрудничества с ведущими партнерами и государствами, отношения с которыми имеют наибольшие перспективы.

Определение вероятного соотношения договорно-правовых и институциональных основ при реализации инвестиционных и внешнеэкономических стратегий Российского государства в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии как новом центре глобального экономического развития и осуществления экстраполяции современных тенденций по применению ключевыми субъектами – АСЕАН, Китаем, Японией – торгово-экономических соглашений позволяет разработать долгосрочный прогноз. Его сущность заключается в том, что для этого региона актуальность сохраняют соглашения о зоне свободной торговли, тогда как никакого таможенного союза в прогнозируемом периоде до 2020–2025 гг. создано не будет. Отсутствие институционально-правовой надстройки по аналогии с ЕС или ЕАЭС в виде наднационального права и наднациональных органов не препятствует на современном этапе и, вероятно, не будет препятствовать в будущем надлежащему обеспечению экономических интересов России в процессах инвестиционного сотрудничества с государствами региона и создания инвестиционных товариществ субъектов внешнеэкономической деятельности России и стран АТР, опираясь на договорно-правовую инструментарию на межгосударственном уровне.

Исходя из того, что в XXI веке существенное влияние на глобальные тенденции не только во внешнеторговой, но и инвестиционно-инновационной сфере будет осуществляться новыми центрами роста, одним из основных среди которых является Китай, стратегически важным и методологически обоснованным является развитие ключевых механизмов инвестиционного сотрудничества, которые выполняют стимулирующую или сдерживающую функции в отношении отечественных субъектов хозяйствования (резидентов) и иностранных инвесторов (нерезидентов) в части формирования ими форм сотрудничества на основе инвестиционных товариществ.

Итак, основным фактором активизации инвестиционной деятельности между Россией и странами АТР заключаются во включении в инвестиционные товарищества среднего и малого бизнеса России, так как двигателем экономики являются именно корпоративные участники, активно осваивающие инструменты венчурного рынка и способствуют формированию международных инвестиционных связей. Появление корпоративных венчурных фондов, наличие в них финансового рычага и экспертного мнения может стать одним из важнейших факторов в их деятельности.

Литература

1. PWC & PVK: Обзор венчурной индустрии РФ «MoneyTree™: Навигатор венчурного рынка» за 2018 год и первое полугодие 2019 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/pwc-rvk-obzor-venchurnoj-industrii-rossii-moneytree-navigator-venchurnogo-rynka-za-2018-god-i-pervoe-polugodie-2019-goda-pdf>
2. Компания Geosplit расширяет присутствие на азиатском рынке и открыла научно-исследовательскую лабораторию в Китае [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2019/09/02/kompaniya-geosplit-rasshiraet-prisutstvie-na-aziatskom-rynke-i-otkrila-nauchno-issledovatel'skuyu-laboratoriyu-v-kitae
3. Портфельная компания фонда Rusnano Sistema SICAR Geosplit исследует 10 газовых скважин в Китае [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rusnano.com/about/press-centre/news/20190405-geosplit-issleduet-10-gazovykh-skvazhin-v-kitae>
4. МПК: РФ и Бангладеш договорились наращивать товарооборот и укреплять экономические связи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/28810-mpk-rossiya-i-bangladesh-dogovorilis-narashchivat-tovarooborot-i-ukrepyat-ekonomicheskie-svyazi>
5. Ижорские заводы отгрузили гидроёмкости СПЗАЗ для первого энергоблока АЭС Руппур [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.atominfo.ru/news/a0713.htm>

6. Договор инвестирования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kudainvestiruem.ru/obschee/investicionnyj-dogovor.htm>
7. Инвестиционное товарищество: налоговая оптимизация, скрытое владение и рефинансирование в группе компаний Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.auditit.ru/articles/account/contracts/a71/919586.html>
8. Япония и Россия договорились о совместном экономическом использовании Курил [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/15/yaponiya-i-rossiya-dogovorilis-o-sovmestnom-ekonomicheskoi-ispolzovanii-kuril>

PROBLEMS OF CONCLUDING AGREEMENTS BY INVESTMENT PARTNERSHIPS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH ASIA-PACIFIC COUNTRIES

Nastich V.M., Elizarova E.O., Dergousova V.A., Chekulaev S.S.

Law School of the Far Eastern Federal University

The article is devoted to the problems of concluding agreements by investment partnerships of the Russian Federation with the Asia-Pacific countries. The practice of venture contracts is given. The statistical data on investment in the Russian Federation are given. It is indicated that an investment partnership is an atypical form of entrepreneurial activity for the Russian Federation that has specific features. The investment agreements with China are characterized. The problems associated with the conclusion of agreements by investment partnerships of the Russian Federation with the Asia-Pacific countries are considered.

Keywords: trade and economic relations, commodity circulation, investments, potential for cooperation, problem, investment partnership.

References

1. PWC & RVC: Overview of the Russian venture capital industry “MoneyTree™: Venture Market Navigator” for 2018 and the first half of 2019 [Electronic resource] – Access mode: <https://nangs.org/analytics/pwc-rvk-obzor-venchurnoj-industrii-rossii-moneytree-navigator-venchurnogo-rynka-za-2018-god-i-pervoe-polugodie-2019-year-pdf>
2. Geosplit expands its presence in the Asian market and opens a research laboratory in China [Electronic resource] – Access mode: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2019/09/02/kompaniya-geosplit-rasshiraet-prisutstvie-na-aziatskom-rynke-i-otkrila-nauchno-issledovatel'skuyu-laboratoriyu-v-kitae
3. Rusnano Sistema SICAR Geosplit portfolio company explores 10 gas wells in China [Electronic resource] – Access mode: <https://www.rusnano.com/about/press-centre/news/20190405-geosplit-issleduet-10-gazovykh-skvazhin-v-kitae>
4. MPC: Russia and Bangladesh agreed to increase trade and strengthen economic ties [Electronic resource] – Access mode: <http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/28810-mpk-rossiya-i-bangladesh-dogovorilis-narashchivat-tovarooborot-i-ukrepyat-ekonomicheskie-svyazi>
5. Izhorskiye Zavody dispatched SPZAZ hydro-capacities for the first power unit of Ruppur NPP [Electronic resource] – Access mode: <http://www.atominfo.ru/news/a0713.htm>
6. Investment agreement [Electronic resource] – Access mode: <https://kudainvestiruem.ru/obschee/investicionnyj-dogovor.htm>
7. Investment partnership: tax optimization, covert ownership and refinancing in the Electronic resource group of companies] – Access mode: <https://www.auditit.ru/articles/account/contracts/a71/919586.html>
8. Japan and Russia agreed on joint economic use of the Kuril Islands [Electronic resource] – Access mode: <https://eadaily.com/en/news/2016/12/15/yaponiya-i-rossiya-dogovorilis-o-sovmestnom-ekonomicheskoi-ispolzovanii-kuril>

История становления законодательства об интеллектуальной собственности в отечественной правовой системе

Кирсанова Екатерина Евгеньевна,

аспирант, кафедра предпринимательского права,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: e.e.kirsanova@gmail.com

В статье рассматривается развитие законодательства об интеллектуальной собственности, а также смежных актов, на протяжении более чем пяти веков, выделяются основные характеристики каждого этапа. Автором не просто представлены основные акты, в которых содержались соответствующие положения, но и произведена попытка проанализировать причины, в связи с которыми в определенный исторический период защите подлежали те или иные интересы.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, права сочинителей, права издателей, производство.

Существование в гражданском законодательстве определенных правовых институтов связано с удовлетворением экономических потребностей на определенном этапе развития общества. Система интеллектуальной собственности является сравнительно молодой как для отечественного, так и для зарубежного законодательства, поскольку регламентирует отношения, связанные с результатами творческого труда, то есть удовлетворяет потребности, которые сложно назвать первоочередными.

Законодательное определение понятию интеллектуальной собственности в отечественном праве было впервые дано в Законе «О собственности в РСФСР» в 1990 году, что тем не менее не говорит об отсутствии регулирующих правовых механизмов до этого периода: существуют мнения о том, что уже в XV веке возникли первые механизмы определения и защиты интеллектуальных прав.

Потребность в специальном правовом регулировании как правило связывают с возникновением книгопечатания, что, однако, не совсем верно.

Характеристика **первого исторического этапа**, а именно XI–XVII в.в. [8], связана с *правами на литературную собственность в материальном понимании*. В указанный период можно говорить о высокой стоимости книг, в том числе ввиду существенных затрат на их создание. Защита прав авторов не была необходима, более того, привела бы к введению дополнительных искусственных барьеров для распространения информации, свободное распространение экземпляров же преследовало достижение целей просвещения, а *права автора ограничивались «вещественной пользой» от реализации оригинала* [3].

С постепенным возрастающим распространением книг возникает проблема искажений текста. Таким образом, **смещение вектора защиты с материального объекта на смысловое содержание связано скорее не с защитой прав автора, а с защитой прав читателя**. Можно предположить, что одна из причин изменения подхода к интеллектуальной собственности является социальной, а потребность в защите произведения от искажений стала толчком к развитию категории личных неимущественных прав автора.

В 1551 году на Стоглавом Соборе в Главе 28 «О книжных писцах» были закреплены «великие запрещения» установившие безвозмездные изъятия книг, переписанных с нарушением аутентичности оригинальных произведений [9], в дальнейшем также предпринимались попытки защиты переводных произведений от искажений и неточностей [3].

С течением времени можно говорить о *смене направленности защиты с материального объекта на содержательную часть произведения*. Это связано с тем, что назревала потребность защиты имущественного интереса книгоиздателей: бесконтрольное создание и распространение отпечатанных материалов снижало стоимость книг.

Возникшая потребность, а также необходимость в осуществлении контроля за качеством распространяемых литературных произведений привела к формированию *особой системы привилегий, которую некоторые исследователи считают прообразом современных исключительных прав*.

Привилегия на книгопечатание почти не отличалась от привилегий, которые выдавались в иных отраслях промышленности, более того, существует подход, согласно которому защите подлежали не права на произведения, а технологии книгопечатания [2], возможно защите подлежал некий симбиоз культурной и экономической ценности произведения.

Однако привилегию нельзя назвать аналогом исключительного права на произведение: вплоть до 1816 года [1] издателю вообще не требовалось подтверждать наличие у него прав на публикацию конкретного произведения, кроме того, привилегия выдавалась на ведение издательской деятельности в целом с установлением ряда ограничений.

Помимо системы привилегий, в начале XIX века происходит *формирование цензурного законодательства*, которое стоит рассматривать во взаимосвязи с выдачей привилегий.

Говоря о дальнейшем развитии авторского права в России, стоит отметить, что с 1877 года соответствующие положения были перенесены в Свод законов Российской империи с рядом правок, коснувшихся вопросов доказывания, а также признания за новыми объектами (например, публичными выступлениями и частными дневниками) статуса объектов авторских прав, кроме того, начиная с XVIII века вплоть до первой четверти XIX века [8] происходит формирование идеи авторства.

Более того, с 1870 года начинает формироваться система коллективного управления правами авторов, а именно возникновение обществ защиты соответствующих прав [1].

В 1911 году Государственным Советом был принят Закон об авторском праве [10], раскрывавший круг объектов, подлежащих охране, сроки действия авторских прав и вопросы их нарушения и защиты. Положениями было проведено разграничение административно-правовых («полицейских») и гражданско-правовых норм, признаны материальные и нематериальные права авторов, а также обозначено право авторов на перевод произведения, зафиксированы процессуальные особенности защиты прав авторов [5], и, наконец, применявшаяся ранее конструкция литературной и художественной собственности была заменена понятием исключительных прав [1].

Продолжая рассмотрение истории формирования системы прав интеллектуальной собственности, стоит перейти к изучению законодательства **советского периода**.

Принятые после Октябрьской революции Декреты ЦИК от 29 декабря 1917 г. «О государственном издательстве» и СНК от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» отменили существовавшие ранее законы относительно прав на интеллектуальную собственность, установили для произведений статус «государственного достояния». Используя ранее договоры с издателями были признаны недействительными в связи с изданием Декрета СНК от 10 октября 1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства», Постановлением Народного Комиссариата по просвещению от 14 февраля 1918 года ряд произведений были национализированы [4]. В то же время за авторами произведений, не объявленных подлежащими национализации, сохранялись права по распоряжению, за исключением возможности передачи по наследству. Стоит, однако, отметить, что ограничение прав авторов, тем не менее, осуществлялось не на безвозмездной основе: за ними сохранялось право на получение гонорара, а их наследники имели право на получение содержания от государства [4].

В целом, можно говорить о том, что *начальный период становления интеллектуальных прав в советском государстве характеризуется тенденцией преобладания общественного интереса*, что нашло отражение также в Декрете СНК РСФСР от 29 июля 1919 года «Об отмене частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях», а также Декрете СНК РСФСР от 10 октября 1919 «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства».

Изменение подхода к интеллектуальной собственности в рассматриваемый период связано с пересмотром методов ведения хозяйственной деятельности в целом: общий курс на национализацию и переход к плановой экономике, повышение значения государства как одного из центральных субъектов экономической деятельности [6] нашли отражение в актах, регламентирующих правовой режим объектов интеллектуальной собственности.

Постановлениями ЦИК СССР, СНК СССР – «О патентах на изобретения» [11] и «О промышленных образцах (рисунках и моделях)» [12] 1924 года были закреплены исключительные права, в том числе распоряжения, а также право передать патент по наследству, однако указанные постановления были отменены в 1932 и 1936 годах соответственно.

Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925 «Об основах авторского права» [13], Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 11 октября 1926 «Об авторском праве» [14], а также принятыми вслед за ними Постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1928 [15], изменившим установленные ранее основы авторского права, и Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 08 октября 1928 «Об автор-

ском праве» [16] был начат процесс восстановления и дальнейшего формирования в отечественном законодательстве системы авторских прав в частности и права интеллектуальной собственности в целом: устанавливался территориальный принцип действия авторского права, право автора на имя, исключительные права на публикацию произведения или на его публичное исполнение, равно как закреплялись права автора на получение вознаграждения (гонорара), нашли отражение вопросы соавторства, права редакторов древних произведений и т.д. [4] Были приняты также акты специализированного характера: Постановление ЦИК и СНК СССР «О праве передачи по радио и проводам публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов» [17] от 10 апреля 1929 года, Постановление ЦИК и СНК СССР «О правах заказчиков на изготовленные по их заказам архитектурные, инженерные и иные технические планы, чертежи и рисунки» [18] от 23 ноября 1930 года.

Таким образом, законодательство об интеллектуальной собственности начала XX века характеризуется введением ставки авторского вознаграждения, пределов авторских прав при создании служебных произведений, а также усложнением регламентации возникших отношений [7].

Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 года и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года представляли собой кодификацию законодательства, в которой отдельным разделом были выделены права авторов. В это время происходит дальнейшее ограничение прав авторов в части возможности распоряжения произведениями, фактически права авторов сохраняются в части личных неимущественных прав, а также получения гонорара.

Стоит отметить, что произведенная кодификация относилась к объектам права собственности, не выделяя их в отдельную категорию [7]. В целом, при характеристике прав интеллектуальной собственности в советский период нельзя не отметить влияние социалистической идеологии, а также противопоставление «буржуазному» законодательству. Права автора были существенно ограничены, возможности распоряжения практически исключены, таким образом можно отметить тенденцию к смещению внимания на имущественный аспект: обладателем исключительных прав является государство, в то время как интерес автора ограничивается получением вознаграждения за созданные результаты труда.

Следующий этап отечественной истории, начиная с 1985 года получил название перестройки, в рамках которой менялись как идеологические, так и экономические основы государства. Экономические реформы предполагали поэтапный возврат к рыночной экономике, предоставление более широких прав предприятиям, появление новых хозяйствующих субъектов. Законом СССР от 06 марта 1990 года № 1305–1 «О собственности в СССР»

к объектам права собственности были отнесены «предметы духовной культуры», равно как и законом РСФСР от 24.12.1990 № 443–1 «О собственности в РСФСР» «продукты интеллектуального и творческого труда», а также было закреплено понятие объекта интеллектуальной собственности, под которым понимаются произведения науки, литературы, искусства и других видов творческой деятельности в сфере производства, в том числе открытия, изобретения, рационализаторские предложения, промышленные образцы, программы для ЭВМ, базы данных, экспертные системы, ноу-хау, торговые секреты, товарные знаки, фирменные наименования и знаки обслуживания. Исключительные права были восстановлены в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик [19] 1991 года.

Значительное изменение условий регулирования интеллектуальных прав произошло с принятием Законов РФ от 09 июля 1993 «Об авторском праве и смежных правах» [20], которым устанавливалась система новых объектов, подлежащих защите, фиксировались права авторов, в том числе на распоряжение, а также формировалась иерархия нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы интеллектуальной собственности.

Таким образом, законодательством периода перестройки были введены новые объекты интеллектуальной собственности: цифровые произведения, базы данных, программы для ЭВМ, а также восстановлены права авторов на распоряжение и использование ими произведений.

Литература

1. Антонова, А.В. Исторические аспекты развития авторского права царской России // История государства и права. 2014. № 19. С. 17–21
2. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости // М.: Юриспруденция. 2013
3. Калмыков П.Д. О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России: Рассуждение орд. проф. Импер. С.-Петербург. ун.-та, д-ра прав П.Д. Калмыкова, чит. на публ. акте Унив. 8 февр. 1851 // Санкт-Петербург: тип. Импер. Акад. наук, 1851
4. Кубышко М.В. Развитие законодательства об авторском праве советского периода // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 171–174
5. Право интеллектуальной собственности / Под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Юрайт. 2016. С. 16–17
6. Рагулина А.В., Никитова А.А. Интеллектуальная собственность: понятие, содержание и защита. М.: Редакция «Российской газеты». 2017. Вып. 21
7. Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Наука. Инновации. Образование. 2014. № 16. С. 265–274
8. Чупова, М.Д. История авторского права в России XIX века: Дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук

9. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2, Отв. ред.: Горский А.Д.; Под общ. ред.: Чистякова О.И. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 241–403
10. Закон об авторском праве: Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой: Собрание Указаний 30 марта 1911 г., отд. I, ст. 560 // Полн. собр. законов Российской Империи. – Собрание 3-е. – Т. XXXI. – 1911. Отделение 1. СПб., 1914. С. 194–202
11. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения» // СЗ СССР. 1924. № 9. Ст. 97
12. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 «О промышленных образцах (рисунках и моделях)» // СЗ СССР. 1924. № 9. Ст. 98
13. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925 «Об основах авторского права» // СЗ СССР. 1925. № 7. Ст. 67
14. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 11.10.1926 «Об авторском праве» // СУ РСФСР. 1926. № 72. Ст. 567
15. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1928 «О введении в действие основ авторского права в новой редакции» // СЗ СССР. 1928. № 27. Ст. 245
16. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.10.1928 «Об авторском праве» // СУ РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861
17. Постановление ЦИК И СНК СССР от 10 апреля 1929 года «О праве передачи по радио и проводам публичного исполнения музыкальных, драматических и других произведений, а равно лекций и докладов» // СЗ СССР. 1929. № 26. Ст. 230
18. Постановление ЦИК И СНК СССР от 23 ноября 1930 «О правах заказчиков на изготовленные по их заказам архитектурные, инженерные и иные технические планы, чертежи и рисунки» // СЗ СССР. 1930. № 58. Ст. 613
19. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733
20. Закон РФ от 09.07.1993 № 5351–1 «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242

THE HISTORY OF THE FORMATION OF INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION IN THE DOMESTIC LEGAL SYSTEM

Kirsanova E.E.
Lomonosov MSU

The article considers the development of intellectual property legislation, as well as related acts, for more than five centuries, highlights the main characteristics of each stage. The author not only presented the main acts in which the relevant provisions were contained, but also attempted to analyze the reasons for which certain interests were subject to protection in a certain historical period.

Keywords: copyright, intellectual property, rights of writers, rights of publishers, product

References

1. Antonova, A.V. Historical aspects of the development of copyright in Tsarist Russia // History of State and Law. 2014. No 19. P. 17–21.
2. Voinikanis E.A. Intellectual property law in the digital age: a paradigm of balance and flexibility // M.: Jurisprudence. 2013.
3. Kalmykov P.D. About literary property in general and especially about the history of the rights of writers in Russia: Reasoning of hordes. prof. Imp. St. Petersburg un-that, Dr. rights P.D. Kalmykova, cheat. on publ. Act Univ. Feb 81851 // St. Petersburg: type. Imp. Acad. sciences, 1851.
4. Kubysheko M.V. The development of copyright law of the Soviet period // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No 10. P. 171–174.
5. Intellectual Property Law / Ed. L.A. Novoselova. M.: Yurayt. 2016. P. 16–17.
6. Ragulina A.V., Nikitova A.A. Intellectual property: concept, content and protection. M.: The editors of the “Russian newspaper”. 2017. Issue. 21.
7. Salitskaya EA The development of domestic legislation in the field of copyright: historical aspect // Science. Innovation Education. 2014. No.16. P. 265–274.
8. Chupova, M.D. The history of copyright in Russia of the XIX century: Diss. for the degree of candidate of legal sciences.
9. Stoglav // Russian legislation of the 10th–20th centuries: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. In 9 volumes. T. 2, Resp. Ed. : Gorsky A.D. ; Under the total. Ed. : Chistyakova O.I. – M.: Yurid. lit., 1985. P. 241–403.
10. Copyright Law: Highest Approved, Approved by the State Council and the State Duma: Collection of Legalizations March 30, 1911, Dep. I, Art. 560 // Full Sobr. laws of the Russian Empire. – Meeting 3rd. – T. XXXI. – 1911. Branch 1. St. Petersburg., 1914. P. 194–202.
11. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, SNK of the USSR from 12.09.1924 “On the Enactment of the Resolution on Patents for Inventions” // SZ USSR. 1924. No 9. Art. 97.
12. Decree of the Central Executive Committee of the USSR, SNK of the USSR from 12.09.1924 “On industrial designs (drawings and models)” // SZ USSR. 1924. No 9. Art. 98.
13. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, SNK of the USSR of 01.30.1925 “On the basics of copyright” // SZ USSR. 1925. No. 7. Art. 67.
14. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, SNK of the RSFSR of 10/11/1926 “On Copyright” // SU of the RSFSR. 1926. No. 72. Article 567.
15. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, SNK of the USSR of 05.16.1928 “On the Enactment of the Basics of Copyright in the New Edition” // SZ USSR. 1928. No. 27. Article 245.
16. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, SNK of the RSFSR of 08.10.1928 “On Copyright” // SU of the RSFSR. 1928. No. 132. Art. 861.
17. Decree of the Central Executive Committee and Council of People’s Commissars of the USSR of April 10, 1929 “On the right to transmit on radio and wires public performance of musical, dramatic and other works, as well as lectures and reports” // SZ USSR. 1929. No. 26. Article 230.
18. Resolution of the Central Executive Committee and Council of People’s Commissars of the USSR of November 23, 1930 “On the rights of customers to the architectural, engineering, and other technical plans, drawings, and drawings custom-made” // SZ USSR. 1930. No. 58. Article 613.
19. Fundamentals of civil legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Republics // Vedomosti SND and Armed Forces of the USSR. 1991. No. 26. Article 733.
20. Law of the Russian Federation of 09.07.1993 No. 5351–1 “On Copyright and Related Rights” // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 32. Article 1242.

Охрана авторских прав в сети интернет (российская и международная практика)

Кузьмин Константин Александрович,

аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“»
E-mail: k0sta_2@mail.ru

Статья посвящена охране авторских прав в сети Интернет, на основании проведенного анализа российского и международного законодательства. Автором установлено, что современным российским законодательством предусмотрены различные нормы ответственности за совершение таких правонарушений, однако для эффективных механизмов борьбы с недобросовестными конкурентами их недостаточно. Сформирован перечень рекомендаций по совершенствованию мероприятий, направленных на пресечение правонарушений в области интернет-пиратства. Автором составлены рекомендации, включающие в себя предложения по совершению различных законных действий, направленных на защиту объектов интеллектуальных прав в сети Интернет.

Ключевые слова: охрана, защита, авторское право, интеллектуальная собственность, ответственность, административный, гражданско-правовой, уголовный, правонарушитель, меры, интернет, сеть, механизм, преступление, штраф.

Как показали проведенные исследования, достаточно быстрое развитие и непрерывное совершенствование информационных и компьютерных технологий привели к необходимости решения актуальной на сегодняшний день проблемы, связанной с охраной авторских прав в сети Интернет. Данный аспект защиты является немаловажным как для нашей, так и для зарубежных стран.

Анализ проведенного исследования показал, что Россия занимает лидирующие позиции из списка стран, имеющих недостатки в механизмах защиты прав интеллектуальной собственности в сети Интернет, а потому требует особого внимания для решения данных вопросов.

При этом, недостатки описываемых механизмов охраны, связаны, в первую очередь, с отсутствием должных мер наказания правонарушителей вследствие использования нелегального контента [1–3].

Здесь, однако, хотелось бы не согласиться с описываемыми результатами данных, так как все же современными нормативно-правовыми документами в РФ предусмотрены следующие меры защиты авторских прав:

- меры гражданско-правовой ответственности на основании ст. 1252 ГК РФ и ст. 1301 ГК РФ, предусматривающие возмещение убытков правообладателю либо предоставление компенсации соответственно;
- меры административной ответственности на основании ст. 7.12 КоАП РФ, в соответствии с которой установлены размеры штрафных санкций для нарушителей (граждан, должностных лиц, юридических лиц);
- меры уголовной ответственности в соответствии со ст. 146 УК РФ, на основании которой на законодательном уровне закреплены такие меры наказания, как штраф, исправительные, принудительные работы, а также лишение свободы сроком до двух лет.

Проведенный анализ показал, что в России за последнее время на законодательном уровне были приняты различные меры по пресечению действий правонарушителей в области интернет-пиратства, однако отношение российских граждан относительно использования объектов авторских прав в системе объединенных компьютерных сетей в целом не изменилось.

Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) по состоянию на 2018 г., более 80% опрошенных россиян считают, что аудио- или видеопроизведение не является товаром, а следова-

тельно, плата за его просмотр или скачивание в Интернете не является необходимостью [3].

При этом, к законодательным аспектам пресечения неправомерного использования авторских прав в сети интернет возможно отнести следующие мероприятия, введенные в действие в рамках Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»):

- установление возможности досудебного урегулирования споров, возникающих между авторами и владельцами сайтов;
- блокирование сайтов нарушителей без возможности восстановления;
- расширение границ охраны авторских прав произведений (сюда возможно отнести книжную продукцию, музыку, программное обеспечение и т.д.);
- ограничение доступа к интернет-сайтам вследствие использования объектов авторского права без разрешения обладателя прав либо другого законодательно установленного основания.

Кроме того, на основании Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» от 02 июля 2013 № 187-ФЗ, Московский городской суд (далее – Мосгорсуд) был наделен правами суда первой инстанции для решения вопросов, связанных с охраной авторских прав на фильмы (кинофильмы, телефильмы) в различных информационных сетях (в том числе и Интернет-сетях) [4].

Первым вынесенным в рамках наделения соответствующих полномочий Мосгорсуда решением было заключение о бессрочной блокировке 12 крупных сайтов пиратского содержания [5].

Согласно данным Ассоциации производителей программного обеспечения BSA, по состоянию на 2017 г. в России было использовано около 62% пиратского программного обеспечения (далее – ПО); при этом доля нелегализованного ПО составил примерно 1,29 миллиарда долларов.

По данному показателю Россия заняла лидирующие позиции среди стран Европы, однако первое место остается за США, в которой объем пиратского ПО составляет 8,6 миллиарда долларов; второе место занимает Китай (6,8 миллиарда долларов).

Таким образом, необходимо отметить, что имеющиеся на сегодняшний день меры по охране авторских прав в РФ действуют не в полном объеме. Учитывая темпы развития и модернизации электронно-информационных сетей, необходимо постоянно проводить кропотливую работу по совершенствованию мероприятий, направленных на пресечение правонарушений в области интернет-пиратства, а именно:

1) создание более решительных мер и механизмов управления путем модернизации административных мер борьбы с правонарушителями по сравнению с уголовными вследствие:

- меры административной ответственности могут применяться к юридическим лицам, которые, главным образом, и являются основными нарушителями законных прав правообладателей;
 - для юридических лиц мерой административной ответственности предусмотрена система оборотных штрафов, являющаяся достаточно эффективным механизмом защиты авторских прав правообладателей;
 - затраты государства при привлечении лиц к административной ответственности меньше по сравнению с уголовными обязательствами.
- 2) организационно-просветительская работа пользователей сети;
- 3) усовершенствование информационных технологий по борьбе с пиратством.

Кроме того, рассмотрение и применение современного международного опыта защиты авторских прав в сети Интернет также может быть весьма полезным для нашей страны.

Так, с целью охраны прав авторов во всемирной системе объединённых компьютерных сетей, международными властями было принято решение о создании такой некоммерческой организации, как Creative Commons (далее – CC), представляющей собой открытую, безвозмездную, стандартизированную структуру системы лицензий по защите авторских прав [1,6].

Данная организация осуществляет свою деятельность более десяти лет; при этом первый пакет изданных лицензий отразил принципы свободного распространения авторами своих произведений в виду определенных ими условий. Таким образом, пользователи сети смогли получить доступ к авторским произведениям простым способом.

Новизной представленной структуры явилось то, что в опубликованный пакет вошли лицензии на право обработки информации об авторских правах в автоматическом режиме. Это способствовало не только упрощению процесса использования авторских произведений пользователями, но и их пониманию правил действия лицензий на применение объектов интеллектуальной собственности.

Разрешения CC по использованию авторских произведений основаны на законодательных аспектах охраны авторского права. При этом автору предоставляется возможность единоличного обозначения условий использования его труда неограниченному кругу лиц. Определяемый таким образом баланс по защите исключительных прав и прерогатив со стороны информационных технологий направлен на осуществимость правообладателей или организаций предоставлять третьим лицам различный объем прав на использование объектов интеллектуальной собственности.

Лицензии CC необходимы и для того, чтобы помочь в публикациях произведений авторов, создающих их на коммерческой основе, с целью распространения широкому кругу пользователей [6].

Проведенный анализ показал, что в качестве основных аспектов международного законода-

тельства за нарушение авторских прав в сети Интернет, предусматривается:

- внушительная система штрафных санкций (США);
- определение возможных лимитов применения тех или иных интернет-ресурсов; снижение скорости соединения; запрет на предоставление услуги в информационной сети (Южная Корея);
- уголовная ответственность (Франция) [7,8].

Для США законом, регламентирующим аспекты защиты авторских прав в сети Интернет, является Федеральный закон от 28 октября 1998 «Об авторском праве в цифровую эру», отличительным свойством которого является тот факт, что суд наделен соответствующими полномочиями по уменьшению объема взыскиваемой компенсации. Кроме того, если в ходе рассмотрения судебного разбирательства будет доказано, что нарушение авторских прав произошло непреднамеренно, и лицо, совершившее правонарушение, действительно заблуждалось в характере своих действий, суд вправе отказать в возмещении компенсации [9].

При этом законодательством страны предусмотрено, что уголовным преступлением считается любое предумышленное преступление против закона путем совершения деятельности, направленной на получение прибыли.

Как показал проведенный анализ, правом США не предусмотрен четкий механизм действий при нарушении авторских прав для каждого конкурентного случая. Прецедентные случаи, а также принципы добросовестности, являются в данном случае направляющим основанием для организации судебной практики нарушения авторских прав правообладателей, с целью нанесения им наименьшего вреда и материального ущерба [9].

Сфера охраны результатов интеллектуальной деятельности во Франции осуществляется на основании законодательных актов, содержащих как нормы гражданского права, так и уголовно-процессуальные.

В частности, согласно Кодексу об интеллектуальной собственности Франции (далее – Кодекс), за любое нарушение авторского или смежного права правонарушителю грозит уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком до 5 лет, а также штрафов объемом до 500 тысяч евро [10].

Все преступления, предусмотренные Кодексом, разделены на несколько групп. К таковым относятся: посягательства на авторские права, смежные права, авторские права создателя программы для ЭВМ; изменение или уничтожение какой-либо информации с целью нарушения авторских или смежных прав правообладателей, и др.

Главное место в законе о защите авторских прав отводится нормам ответственности за незаконное использование произведений авторов.

Любое действие, относящееся к объекту интеллектуальных прав (будь то рукопись, произведение живописи, музыкальное произведение, либо

любой другой объект), воспроизведенный в полном объеме либо частично, с нарушением прав правообладателя, является незаконным проступком, подлежащим наказанию.

Лица, осуществляющие создание контрафактной продукции, а также их сбыт, экспорт, импорт, подлежат уголовной ответственности со сроком наказания 3 года тюремного заключения, а также денежной компенсации в размере 300 тыс. евро. Такой нормой закона во Франции охраняются объекты интеллектуальной собственности, в случае, если их незаконное использование осуществляется в этом государстве.

При этом в случае совершения такого проступка организованной группой лиц, уголовный срок лишения свободы составляет около 5 лет, при этом сумма штрафа увеличивается до 500 тысяч евро.

В Японии, с целью недопущения нарушения авторских прав, предусмотрены специальные программы, ограничивающие загрузку нелицензионных аудио- и видео произведений; в Китае используется система доступного перевода с языка оригинала на национальный язык [11].

Европейские комиссии по защите авторских прав от недобросовестной конкуренции в Интернете отмечают рост использования пиратской продукции пользователями сети. Это связано, в первую очередь, с низким спросом потребителей на товар должного качества за оптимальную для него цену.

При этом, способом решения данной проблемы европейское законодательство видит исключительно в ужесточении запретов пользователям на использование контрафактной продукции, а также привлечения к соответствующим обязательствам все расширяющегося круга лиц (в том числе и интернет-провайдеров).

Рекомендации, включающие в себя предложения по совершению различных законных действий с объектами интеллектуальных прав, являются эффективной мерой, направленной на борьбу с недобросовестными конкурентами в сфере защиты авторских прав правообладателей, а именно:

- блокировка сайтов, уличенных в неправомерном скачивании авторских произведений с целью дальнейшего распознавания конкретных нарушителей и привлечения их к мерам ответственности;
- устранение скачиваний объектов интеллектуальных прав посредством включения в «черный список» сайтов, ссылки на которые не будут появляться при запросе информации в строке электронного поиска;
- подписание международных договоров и соглашений между компаниями по звукозаписи, кино, и интернет-провайдерами, для пресечения незаконного скачивания авторских произведений;
- введение законов, ужесточающих меры ответственности за интернет-пиратство: при первом

нарушении получение соответствующего уведомления, далее при отсутствии реагирования на них – крупный штраф либо отключение от сети Интернет на срок от полугода. Такая норма должна содержаться в договоре между пользователем и Интернет-провайдером, а это требует проведения соответствующих взаимодействий со стороны государственных властей.

Литература

1. Петросян А.А., Строкова О.Г. Особенности зарубежного регулирования авторских прав в сети «Интернет» // *Современные инновации*, 2018. № 5. С. 52–55.
2. Кириллов С.И., Кочеткова М.Н. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Великобритании и Соединенных Штатов Америки в сфере защиты авторских прав в сети Интернет // *Право: история и современность*. 2017. № 1. С. 67–73.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9243>
4. Электронный ресурс / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/
5. Решение Московского городского суда от 26.10.2015 (дело № 3–631/2015) / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.mosgorsud.ru/>
6. Будник Р.А. Проблемы имплементации лицензий Creative Commons в России // *Закон*, 2016. № 10. С. 166–174.
7. Гребенькова Л.А. Блокировка сайтов как метод борьбы с нарушением авторских и смежных прав в Интернете // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2014. № 4. С. 68–72.
8. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. 3-е изд., перераб. – М., 2011. – 529 с.
9. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). – М.: Статут, 2017. – 216 с.
10. Закон № 92–597 от 01.07.1992 г. «О Кодексе интеллектуальной собственности (Законодательная часть)» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/12766>

11. Фридман А.А. Абрамова А.С. Серов И.И. Юридические международные аспекты охраняемых авторским правом объектов в интернете // *Соотношение российского и международного права: межд. конф. (Уфа, 16 августа 2017)*. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – 180 с.

INTERNET COPYRIGHT PROTECTION (RUSSIAN AND INTERNATIONAL PRACTICE)

Kuzmin K.A.

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

The article is devoted to copyright protection on the Internet, based on the analysis of Russian and international legislation. The author has established that modern Russian legislation provides for different norms of liability for the commission of such offences, but they are not sufficient for effective mechanisms to combat unscrupulous competitors. A list of recommendations has been drawn up to improve measures aimed at suppressing offences in the field of Internet piracy. The author has made recommendations, including proposals for the commission of various legal actions aimed at protecting intellectual rights objects on the Internet.

Keywords: protection, protection, copyright, intellectual property, liability, administrative, civil law, criminal, offender, measures, internet, network, mechanism, crime, fine.

References

1. Petrosyan A.A., Strokova O.G. Features of foreign regulation of copyright in the Internet // *Modern Innovations*, 2018. No. 5. P. 52–55.
2. Kirillov S.I., Kochetkova M.N. Comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, Great Britain and the United States of America in the field of copyright protection on the Internet // *Law: history and modernity*. 2017. No. 1. P. 67–73.
3. All-Russian Center for the Study of Public Opinion / [Electronic resource] / Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9243>
4. Electronic resource / Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/
5. Decision of the Moscow City Court of 10.26.2015 (case No. 3–631 / 2015) / [Electronic resource] / Access mode: <https://www.mos-gorsud.ru/>
6. Budnik R.A. Problems of implementation of Creative Commons licenses in Russia // *Law*, 2016. No. 10. P. 166–174.
7. Grebenkova L.A. Website blocking as a method of combating copyright and related rights infringement on the Internet // *News of Southwestern State University*. 2014. No. 4. P. 68–72.
8. Leger R. Great legal systems of our time: comparative legal approach: Per. with fr. 3rd ed., Revised. – M., 2011. – 529 p.
9. Entin V.L. Copyright in virtual reality (new opportunities and challenges of the digital age). – M.: Statute, 2017. – 216 p.
10. Law No. 92–597 of July 1, 1992, “On the Intellectual Property Code (Legislative Part)” / [Electronic resource] / Access mode: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/12766>
11. Friedman A.A. Abramova A.S. Serov I.I. Legal international aspects of copyrighted objects on the Internet // *Correlation of Russian and international law: int. conf. (Ufa, August 16, 2017)*. – Ufa: AETERNA, 2017. – 180 p.

Антикоррупционная оговорка соглашения о государственно-частном партнерстве как элемент антикоррупционного комплаенса

Никифоров Сергей Анатольевич,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: e-mail: nick.sergey2009@yandex.ru

В настоящей статье рассмотрена антикоррупционная оговорка в соглашениях о государственно-частном партнерстве. Определено понятие ГЧП, его признаки и значимость заключения, исследованы формы ГЧП. В настоящее время в законодательстве РФ не содержится императивной обязанности включать в соглашение о ГЧП положения об антикоррупционной оговорке. В статье обоснована данная обязанность и предложена примерная формулировка соглашения о ГЧП об антикоррупционной оговорке. В статье предлагается утвердить содержание антикоррупционной оговорки локальным нормативным актом, предусмотрев в нем: 1) запрет совершения любых действий, носящих признаки коммерческого подкупа, дачи или получения взятки или же иных подобных нарушений; 2) определенный порядок, механизм взаимодействия сторон при возникновении подозрений, что произошло или может произойти коррупционный проступок.

Ключевые слова: антикоррупционная оговорка, коррупция, государственно-частное партнерство, порядок, закон.

В юридической литературе механизм государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) рассматривается в качестве одного из наиболее эффективных инструментов, способствующих модернизации национальной экономики в условиях дефицита государственного бюджета для финансирования дорогостоящих социально значимых проектов. Например, А.С. Бедняков утверждает, что актуальность применения механизмов ГЧП связана с изменениями в политической и экономической жизни страны, когда появляется необходимость решать задачи экономического развития страны, опираясь не только на государственные резервы, но и на частные источники [5. С. 22].

Также Е.А. Громова отмечает, что востребованность использования механизмов ГЧП возрастает в условиях дефицита бюджетных средств, а также длящегося финансово – экономического кризиса, когда государство вынуждено обращаться к частному сектору в целях поиска дополнительных источников финансирования [6. С. 34–40].

Учитывая изложенное, особую актуальность приобретает исследование правового регулирования антикоррупционной оговорки соглашения о государственно-частном партнерстве (далее – ГЧП).

В Российской Федерации осуществление инвестиционных проектов при участии государства регулируется Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ [2] (далее – Закон). Исследованию понятия, сущности и механизмов ГЧП посвящено большое количество научных работ. Под ГЧП в основном понимается срочное соглашение публичного и частного партнера, по которому публичный партнер передает частично или полностью частному партнеру функции, связанные со строительством, эксплуатацией, реконструкцией и управлением объектами социальной инфраструктуры и их финансированием.

Государственно-частное партнерство проявляется как разновидность совместной инвестиционной деятельности. Частный и публичный партнеры объединяют ресурсы, в том числе финансовые, и распределяют риски между собой. ГЧП всегда предполагает взаимовыгодное сотрудничество государственных и частных структур в различных формах [10. С. 6–8].

При этом формы ГЧП весьма разнообразны. Например, А.С. Колосов рассматривает в качестве форм ГЧП концессии, соглашения о разделе продукции, совместные предприятия (акционерные общества, либо предприятия с долевым уча-

стием), лизинг, капитальное строительство по государственному заказу [8. С. 20]. Ю.В. Хардина к формам ГЧП относит особые экономические зоны, концессии, технопарки [11. С. 19].

Наиболее популярной формой ГЧП признается концессия. Концессия характеризуется механизмом, который не предполагает передачу прав собственности на предмет концессии в полном объеме. Использование ГЧП имеет следующие преимущества:

1. Распределение рисков с учетом того, какая сторона сможет ими лучше управлять, способствует повышению качества управления проектом, что сказывается на достижении поставленных перед проектом целей с наименьшими усилиями и снижает вероятность переноса сроков, срывов и задержек.

2. Привлечение частного инвестора расширяет возможности по внедрению новых технологий, в связи с чем эффективность реализации проекта повышается.

Помимо приведенных нами преимуществ, при использовании ГЧП можно отметить более гибкое принятие частным партнером управленческих решений в отношении реализации проекта, поскольку в ходе реализации проектов возникают ситуации, требующие немедленного реагирования, для того чтобы сохранить ценность проекта, не нарушить срок его реализации.

Кроме того, преимуществом ГЧП является применение частным партнером новейших и дорогостоящих методов исследования, дорогостоящих технологий и оборудования, недоступных в рамках государственного финансирования.

Вместе с тем в литературе, посвященной государственно-частному партнерству, основными областями применения ГЧП названы: транспортная инфраструктура, ЖКХ, здравоохранение, образование. Использование механизмов ГЧП в природоохранной сфере, в частности применение механизма ГЧП при ликвидации накопленного вреда, изучено недостаточно, хотя имеет большое значение для реализации требований законодательства о ликвидации накопленного вреда и очистке загрязненных территорий. Как отмечает Е.Б. Тютюкина, природоохранные инвестиции в России занимают ничтожно малое место среди инвестиционных проектов [7. С. 200]. Это обусловлено тем, что частные инвесторы, финансируя проект, рассчитывают на получение гарантированной прибыли с минимальными рисками. При этом к характерным чертам инвестиционных проектов относятся большой объем необходимых работ, высокая капиталоемкость, неопределенность стоимостных и временных условий, неполнота современных научных исследований, обеспечивающих разрешение проблемы, что может снижать привлекательность инвестирования.

Как базовые, можно выделять следующие признаки ГЧП:

– в качестве сторон договора в ГЧП выступают государство и частный бизнес;

- для ГЧП характерна четко выраженная публичная, общественная направленность;
 - оформление взаимодействия сторон ГЧП закреплено официально, оно осуществляется на юридической основе;
 - равноправность сторон ГЧП;
 - в процессе реализации соглашения ГЧП происходит консолидация и объединение ресурсов и вкладов сторон;
 - стороны ГЧП в заранее определенных пропорциях распределяют между собой все финансовые риски (затраты), достигнутые результаты.
- Таким образом, соглашение о ГЧП – это договор, который предусмотрен гражданским законодательством РФ, но с характерными публично-правовыми особенностями, к которым мы отнесем следующее.

1. Одна из сторон соглашения – публичный партнер (РФ, субъект РФ, муниципальное образование), который на стадии заключения соглашения о ГЧП фактически выполняет возложенную на него публичную функцию.

2. Односторонний административный акт предвзвешивает стадию заключения соглашения о ГЧП.

3. Обязательность соблюдения перед заключением соглашения о ГЧП конкурсных процедур.

4. Объект соглашения о ГЧП – это имущество, которое является государственной (муниципальной) собственностью и имеет неизменное целевое назначение, при его использовании публичным субъектом реализуется общественно значимая цель соглашения.

5. Государство возлагает на себя определенные обязательства, чем предопределена его специфика ответственности как публичного партнера в рамках соглашения о ГЧП.

Противодействие коррупции на стадии заключения соглашения о ГЧП реализуется, в том числе, путем внесения в него антикоррупционной оговорки. И это не удивительно, поскольку в мире современная антикоррупционная политика в отношении юридических лиц имеет два ярко выраженных направления.

Первое – предупреждение коррупции юридических лиц, включая выявление и устранение ее причин (то есть профилактика корпоративной коррупции, предусматривающая обязанность организаций принимать меры, направленные на противодействие коррупции, включая антикоррупционные комплаенс-процедуры).

Второе – выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений юридических лиц (то есть борьба с корпоративной коррупцией).

Если первое направление антикоррупционной политики уже последовательно реализуется в Российской Федерации, то второе – лишь изучается в составе антикоррупционной политики ряда государств с проекцией на российскую ситуацию и только с недавнего времени реализуется посредством административной ответственности.

В то же время в базовом российском антикоррупционном акте – Федеральном законе «О противодействии коррупции» [1] имеет место понимание коррупции как деяний исключительно физических лиц.

Таким образом, в базовом российском Законе коррупция определяется через конкретные деяния физических лиц; констатируется, что субъектом коррупции, то есть субъектом коррупционного правонарушения, охватываемого законодательно закрепленным понятием «коррупция», может являться только физическое лицо.

Вместе с тем, из анализа положений федерального антикоррупционного закона следует, что им юридическое лицо не признается субъектом коррупционного правонарушения, но оно может быть признано субъектом ответственности (в случае совершения физическим лицом от имени или в интересах юридического лица деяния, признаваемого коррупционным правонарушением). На данный момент российским законодательством предусмотрено два вида ответственности юридических лиц: гражданско-правовая и административная. Из теории юридической ответственности следует, что это должна быть ответственность правонарушителя, то есть субъекта правонарушения, каковым, исходя из законодательно закрепленного понятия коррупции, юридическое лицо не является.

Обращаясь к рассмотрению предусмотренных законом возможностей противодействия коррупции, особо отметим антикоррупционную оговорку, которую следует понимать как условие, включающееся в соглашение о ГЧП для того, чтобы не допустить совершения коррупционных действий (в любой их форме) при исполнении соглашения.

Применение антикоррупционной оговорки законом не регламентируется. То есть закон не обязывает включать такую оговорку в соглашение о ГЧП (или же иные гражданско-правовые договоры), также законодательно не установлено ее содержание. Соблюдение и наложение обязанности применить оговорку может быть предусмотрено непосредственно антикоррупционной политикой или иным локальным нормативным актом юридического лица. В частности, подобные акты организации принимают во исполнение ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции. Кроме того, Минтруд России также рекомендовал включать в договоры антикоррупционную оговорку.

Таким образом, если такое требование содержится в антикоррупционной политике юридического лица, то оно обязано включать оговорку в свои соглашения (договоры).

Содержание антикоррупционной оговорки также может быть утверждено локальным нормативным актом. Обычно оговорка оформляется в качестве отдельного раздела в соглашении о ГЧП, который предусматривает:

1) запрет совершения любых действий, носящих признаки коммерческого подкупа, дачи или получения взятки или же иных подобных нарушений;

2) определенный порядок, механизм взаимодействия сторон при возникновении подозрений, что произошел или может произойти коррупционный проступок (в данном механизме могут быть предусмотрены обязанности сторон на, например, подачу необходимых запросов, их сроки и т.д.);

3) перечень прав стороны в том случае, если факт допущения контрагентом нарушения будет подтвержден;

4) если стороной соглашения о ГЧП выступает малое или среднее предприятие, используется антикоррупционная оговорка с общими положениями, содержащими обязанности сторон соглашения своевременно сообщить другой стороне о выявлении возможных коррупционных рисков и провести соответствующие проверки.

Кроме того, в соответствии с Мерами по предупреждению коррупции в организациях, утвержденными Минтрудом РФ [4]: если контрагент отказывается использовать антикоррупционную оговорку, рекомендуется сделать, в частности, следующее:

1) провести переговоры, чтобы выявить конкретные замечания к антикоррупционной оговорке и найти приемлемую для обеих сторон формулировку;

2) разъяснить, что антикоррупционная оговорка не влечет юридических санкций. Ответственность, предусмотренную законодательством РФ, будет нести лицо, виновное в совершении коррупционного правонарушения;

3) скорректировать в соглашении о ГЧП содержание типовой антикоррупционной оговорки, утвержденной локальным актом, если контрагент не согласен с такой формулировкой.

Если, несмотря на проведенные переговоры, контрагент не хочет заключать соглашение с антикоррупционной оговоркой, а отказаться от договорных отношений невозможно, то органу власти целесообразно получить от него официальное письмо с мотивированным отказом принять антикоррупционную оговорку или официальное письмо с заверением в том, что будут соблюдены положения антикоррупционного и иного законодательства и не будут совершены какие-либо действия (бездействие), противоречащие такому законодательству.

Письменный мотивированный отказ от включения в соглашение антикоррупционной оговорки в случае совершения контрагентом коррупционного правонарушения поможет второй стороне подтвердить, что ею были приняты все возможные меры по предупреждению коррупционных правонарушений другой стороной.

Отметим, что в настоящее время в Законе не предусматривается императивное положение об обязательном внесении в соглашение о ГЧП антикоррупционной оговорки.

С одной стороны, учитывая положения гражданского законодательства РФ о свободе договора, это можно понять. Но, с другой стороны, соглашение о ГЧП не может определяться как просто договор, предусмотренный ГК РФ.

Каждое соглашение о ГЧП имеет какую – либо общественно значимую цель. Так, в качестве примера можно привести соглашения о ГЧП в области ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Это связано с тем, что в Российской Федерации насчитывается большое количество объектов накопленного вреда в различных субъектах Российской Федерации, угрожающих окружающей среде, здоровью граждан. Проекты их ликвидации являются дорогостоящими и вряд ли могут быть реализованы без использования механизмов ГЧП.

Кроме того, в документах стратегического планирования отмечается особая роль ГЧП при государственном софинансировании мероприятий по ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью. Например, п. 17 Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. [3] установлено, что при развитии рыночных инструментов охраны окружающей среды должно быть обеспечено широкое применение ГЧП.

Использование соглашений о ГЧП в данной области имеет следующие преимущества:

1. Распределение рисков с учетом того, какая сторона сможет ими лучше управлять, способствует повышению качества управления деятельностью, что сказывается на достижении поставленных целей с наименьшими усилиями и снижает вероятность переноса сроков, срывов и задержек.

2. Привлечение частного инвестора расширяет возможности по внедрению новых технологий, в связи с чем эффективность реализации соглашения о ГЧП повышается.

Помимо приведенных преимуществ, при использовании ГЧП можно отметить более гибкое принятие частным партнером управленческих решений в отношении реализации проекта, поскольку в ходе реализации проектов возникают ситуации, требующие немедленного реагирования, для того чтобы сохранить ценность проекта, не нарушить срок его реализации. Кроме того, преимуществом ГЧП является применение частным партнером новейших и дорогостоящих методов исследования, дорогостоящих технологий и оборудования, недоступных в рамках государственного финансирования.

Все вышесказанное относится и к проектам ликвидации накопленного вреда. Проекты по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, реализуемые в виде соглашений о ГЧП, связаны с высокими затратами на очистку объектов накопленного вреда, отсутствием гарантированных доходов. Кроме того, в настоящее время в правовом регулировании в области финансирования ликвидации накопленного вреда и применения механизмов ГЧП отсутствует достаточная нормативная ясность, которая могла бы обезопасить частного инвестора при реализации ГЧП. В условиях большой правовой неопределенности проекты ГЧП в области ликвидации накопленного вреда окружающей

среде представляют собой инвестиции с высоким риском для частного сектора, что затрудняет их применение.

В литературе чаще всего применение соглашений о ГЧП рассматривается в качестве положительной тенденции для развития экономики и реализации социально значимых проектов. Повышение эффективности ГЧП происходит за счет обеспечения стабильного и безопасного положения частного инвестора. Вместе с тем практика применения соглашений о ГЧП говорит о том, что механизмы ГЧП имеют свои проблемы, а также несут серьезные риски для государства. Так, отдельными авторами [9. С. 17] утверждается, что при реализации соглашений о ГЧП отсутствует прозрачность и подотчетность при выполнении соглашений. Это также создает риск серьезного увеличения государственного финансирования и увеличения финансовой нагрузки на граждан.

Таким образом, в завершение сделаем вывод о необходимости включения в Закон императивного положения об антикоррупционной оговорке.

Так, антикоррупционная оговорка соглашения о ГЧП может выглядеть примерно следующим образом:

«5. Антикоррупционная оговорка

5.1. Исполняя свои обязательства по Соглашению Стороны, их работники и представители не предлагают выплаты денежных средств или других ценностей иным лицам с целью оказания влияния на их последующие действия (решения) для получения каких-либо неправомερных преимуществ.

Стороны, их работники и представители, в процессе исполнения Соглашения обязуются не осуществлять действия, которые квалифицируются законодательством РФ как вымогательство, взятка, коммерческий подкуп.

5.2. Если у Стороны возникло подозрение, что произошло или может произойти нарушение п. 5.1 Соглашения, то Сторона обязана в кратчайшие сроки письменно обеспечить уведомление другой стороны.

После получения уведомления Сторона, в адрес которой оно направлено, в течение пяти календарных дней направляет ответ, что нарушение не произошло или не произойдет.

5.3. Исполнение обязательств по Соглашению приостанавливается с момента направления стороной уведомления, указанного в п. 5.2 Соглашения, до момента получения ею ответа.

5.4. Если подтвердилось нарушение другой стороной обязательств, указанных в п. 5.1 Соглашения, либо не был получен ответ на уведомление, сторона вправе отказаться от исполнения Соглашения».

Литература

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.
3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «Консультант Плюс».
4. Меры по предупреждению коррупции в организациях (утв. Минтрудом России) // СПС «Консультант Плюс».
5. Бедняков А.С. Государственно-частное партнерство: мировой опыт и правовое регулирование в Российской Федерации. М.: Буки Веди, 2017. С. 22.
6. Громова Е.А. Государственно-частное партнерство в цифровую эру: поиск оптимальной правовой формы // Юрист. 2018. № 10. С. 34–40.
7. Инвестиции в природоохранные проекты: рыночные инструменты стимулирования: монография / Е.Б. Тютюкина [и др.]; Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации. М.: Дашков и К°, 2014. 215 с.
8. Колосов А.С. Государственно-частное партнерство: содержание, организация, управление развитием: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Курск, 2011. 23 с.
9. Новикова Е.В. Накопленный вред: правовые и экономические стимулы разрешения проблемы / Е.В. Новикова // Экологическое право. 2018. № 5. С. 17–21.
10. Правкин С.А., Смирнова В.В. Проблемы реализации инвестиционных проектов в соглашениях, основанных на государственно-частном партнерстве // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 6–8.
11. Хардина Ю.В. Государственно-частное партнерство в трансформирующемся российском обществе: политический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2007. 22 с.

ANTI-CORRUPTION CLAUSE OF THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AGREEMENT AS AN ELEMENT OF ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE

Nikiforov S.A.

All-Russian State University of Justice

This article examines the anti-corruption clause in public-private partnership agreements. The concept of PPP, its features and significance of the conclusion are defined, the forms of PPP are studied. Currently, Russian legislation does not contain an imperative obligation to include provisions on an anti-corruption clause in a PPP agreement. The article substantiates this obligation and offers an approximate wording of the PPP agreement on the anti-corruption clause. The article proposes to approve the content of the anti-corruption clause in a local regulatory act, providing for: 1) the prohibition of any actions that bear the signs of commercial bribery, giving or receiving a bribe or other similar violations; 2) a certain procedure, mechanism for interaction of the parties in case of suspicion that a corruption offense has occurred or may occur.

Keywords: anti-corruption clause, corruption, public-private partnership, order, law.

References

1. Federal law of 25.12.2008 № 273-ФЗ (as amended on 04.24.2020) "On combating corruption" // SZ RF. 2008. № 52 (part 1). Art. 6228.
2. Federal Law of July 13, 2015 № 224-ФЗ (as amended on July 26, 2019) "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2015. № 29 (part I). Art. 4350.
3. The basics of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012) // ATP "Consultant Plus".
4. Measures to prevent corruption in organizations (approved by the Ministry of Labor of Russia) // ATP "Consultant Plus".
5. Bednyakov A.S. Public-private partnership: international experience and legal regulation in the Russian Federation. M.: Buki Vedi, 2017. S. 22.
6. Gromova EA Public-private partnership in the digital era: the search for the optimal legal form // Lawyer. 2018. № 10. P. 34–40.
7. Investments in environmental projects: market-based incentive tools: monograph / E.B. Tyutyukina [et al.]; Financial University under the Government of the Russian Federation. M.: Dashkov and Co. °, 2014. 215 p.
8. Kolosov A.S. Public-private partnership: content, organization, development management: author. dis. ... cand. econ. Sciences: 08.00.05. Kursk, 2011. 23 p.
9. Novikova E.V. Accumulated harm: legal and economic incentives to resolve the problem / E.V. Novikova // Environmental Law. 2018. № 5. P. 17–21.
10. Pravkin S.A., Smirnova V.V. Problems of implementation of investment projects in agreements based on public-private partnership // Russian Justice. 2019. N4. P. 6–8.
11. Hardina Yu.V. Public-private partnership in a transforming Russian society: political aspect: author. dis. ... cand. watered Sciences: 23.00.02. M., 2007. 22 p.

Меры по борьбе с проявлением коррупции сквозь призму конфликта интересов

Паулов Павел Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра публичного права, Самарский государственный экономический университет
E-mail: PaulovPavel@yandex.ru

Утепкалиева Кмбат Хайруллоевна,

магистрант, кафедра публичного права, Самарский государственный экономический университет
E-mail: katerinautepkalieva@yandex.ru

Статья посвящена вопросу исследованию и выработке ряда мер для решения конфликта интересов в системе государственной гражданской службы. В теории и на практике возникает огромное количество вопросов, связанных с антикоррупционной политикой. В этой связи нельзя не отметить актуальность данного исследования. Предметом исследования является коррупция как негативное социально-правовое явление; нормативно-правовые акты по вопросам антикоррупционных действий в органах представительной власти, элементы антикоррупционной политики в исследуемой сфере правоотношений. Проблема коррупции продолжает оставаться одной из самых острых и пронизывать все сферы общественной жизни. К сожалению, коррупция имеет исторические предпосылки, одним из ярких ее представителей был Александр Меншиков. Поэтому нивелирование исторического влияния и формирование нового антикоррупционного мировоззрения – залог эффективной антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, конфликт интересов, государственная гражданская служба, антикоррупционные меры, эффективность.

В соответствии со статьей 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» конфликт интересов – это «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [1].

Конфликт интересов и коррупция, а также ее проявления находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Давно известный факт, что необходимые меры по предупреждению конфликта интересов на государственной гражданской службе является необходимым звеном в построении грамотной антикоррупционной политики [2].

Интересно раскрыть причины коррупции, ее корни, почему эта проблема настолько трудноразрешима, почему во всем мире не нашлось способов решить вопрос коррупции раз и навсегда. Очень много вопросов и совсем мало ответов.

Проблема коррупции неоднократно находила свое отражение в трудах ученых, но к единому мнению авторы научных работ и законодатели не пришли, остается множество спорных вопросов.

Можно утверждать, что такое явление, как коррупция в системе государственного управления, вызвано объективным процессом экономического развития, обменом товаров, и тесно связано с тем, что бюджет лишается значительных поступлений в виде пошлин и сборов.

Причины проявления коррупции в системе государственного управления определены в силу ряда негативных социальных факторов экономического, идеологического и духовно-нравственного характеров, а также недостатков в деятельности сотрудников органов, осуществляющих противодействие коррупции.

Расследование коррупционных преступлений является актуальной темой для исследования во всех сферах общественной жизни. Полностью искоренить преступность, к сожалению, не получается. Законодатель разрабатывает новые нормы, отвечающие требованиям современного общества, исследователи и практики находятся в постоянном поиске идеальных средств и способов быстрого раскрытия уже свершившихся преступлений.

Конечно, расследование коррупционных преступлений невозможно представить без действий следственно-оперативных групп. Следственно-

оперативная группа выступает мощным инструментом в системе взаимодействия органов следствия и дознания в рамках раскрытия самых разных видов преступлений, в том числе и коррупционных. В данном конкретном случае, когда меры антикоррупционной политики не дают должного эффекта, деятельность следственно-оперативных групп – залог раскрытия коррупционных преступлений.

Детальное исследование сущности и значения деятельности следственно-оперативной группы совершенно необходимо для становления, развития и разработки эффективных мер по борьбе с коррупцией.

Многие исследователи считают, что самым важным моментом в построении системы антикоррупционных мер является исследование способов совершения такого преступления.

Без сомнения можно сказать, что самая главная сложность при расследовании коррупционных преступлений состоит в установлении личности преступника.

Быстрый поиск виновных поможет избежать совершения подобных преступлений в будущем. Ведь если преступник выбрал такой способ ведения дел, то, наверняка, он не захочет останавливаться на достигнутом.

Важно отметить, что в последнее время уровень коррупционной преступности существенно возрос, это связано с многочисленными преобразованиями практически во всех сферах жизни общества.

При этом так называемая криминальная среда становится организованной, профессионально ориентированной, умаляет уровень правовой культуры и традиционных ценностей.

Расследование преступлений данного вида подразумевает под собой очень точного и обстоятельного подхода.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что своевременное проведение следственных действий по «горячим следам» может способствовать быстрому выявлению лиц, совершивших такое общественно опасное преступление, как экономические преступления [4].

По мнению Л.В. Косаревой и В.Н. Косарева: «Реальные угрозы, организованность и устойчивость современной преступности повышают уязвимость населения от преступлений. Уровень защищенности личности и собственности остается недостаточным и существенно отстает от уровня профессионализма преступников, тщательно подготавливающих и совершающих преступления» [3].

На наш взгляд, необходимо выделить следующие основные рекомендации, связанные с повышением эффективности антикоррупционных мер сквозь призму конфликта интересов на государственной гражданской службе:

- создание определенной всероссийской базы, где хранится вся информация об экономических преступлениях.

- повышения качества функционирования местных систем с данными о способах, времени и иных обстоятельствах совершения коррупционных преступлений, лицах, неоднократно судимых за коррупционные преступления;
- совмещение таких систем с системами данных о субъектах, способных оказать помощь в раскрытии этих преступлений;
- очень важным считаем разработку методики оперативно-розыскных действий по раскрытию экономических преступлений, учитывая психофизический портрет преступников;
- внедрение инновационных технических средств в практику следственно-оперативных групп и методик для оценки психофизиологического состояния лиц, попадающих в орбиту криминального насилия, и получения от них значимой для раскрытия экономических преступлений информации и др.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования относительно в рамках расследования преступлений экономической направленности, можно выделить определенные аспекты.

Существует проблема низкого уровня взаимодействия следователей с оперативными группами при расследовании коррупционных преступлений. Достойным решением представленной проблемы могла бы стать особая межведомственная система по оцениванию борьбы правоохранительных органов с экономическими и коррупционными преступлениями.

Важной проблемой является информационная проблема, связанная с несоответствием регионального и федерального законодательства по коррупционным преступлениям, в итоге, деяния могут быть квалифицированы по различным составам.

Для того чтобы минимизировать данный негативный опыт важно доводить до сведения следственно-оперативных групп различные методические и практические рекомендации, нововведения в законодательстве.

Далее, необходима качественная организация ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверок о коррупционных преступлениях сквозь призму соответствующих нормативно-правовых актов.

Кроме того, категория коррупционных преступлений достаточно сложная, а участники следственно-оперативной группы редко имеют экономическое образование. Поэтому, по нашему мнению необходимо привлечение специалистов узкой направленности.

Специфика проведения расследования напрямую зависит от полученной в кратчайшие сроки информации после совершения преступления обо всех фигурантах произошедшего.

Существенной особенностью расследования по таким делам является одновременное наличие нескольких версий, которые нужно отработать.

Наличие нескольких версий, их параллельное изучение – наиболее эффективный подход в рас-

следовании, а соответственно, и в построении эффективных антикоррупционных мер. Изначально всегда отрабатываются наиболее вероятные версии, которые связаны с конкретными возможными исполнителями.

Если эти версии не находят подтверждения, рассматриваются версии, по которым имеется оперативная информация о подозреваемых. Полученные в рамках отработки версий сотрудником правоохранительных органов данные дают ему возможность выбрать одну версию.

Из-за одновременного наличия нескольких версий при расследовании коррупционных необходимо тщательно планировать расследование и уделять внимание всем без исключения запланированным.

Невнимательность к деталям, недостаточная отработка всех версий являются одними из главных причин низкой раскрываемости коррупционных преступлений.

Чтобы выдвинуть версию и проверить ее в рамках следствия необходимо выяснить степень victimности потерпевшего или выявить другие факторы.

Таким образом, для эффективной выработки мер антикоррупционной политики в стезе конфликта интересов на государственной гражданской службе можно выделить, на наш взгляд, ряд аспектов:

1. Правовое закрепление механизма разрешения конфликта на государственной гражданской службе.
2. Формирование гражданского общества и гражданской принципиальной позиции по недопущению проявления коррупционного поведения.
3. Воспитание социальной активности и повышение уровня правовой грамотности населения.
4. Экспертиза нормативно-правовых актов.
5. Дальнейшее поступательное движение в сторону цифровизации, как метода обеспечения прозрачности деятельности государственных гражданских служащих.
6. Введение строгих мер наказания за совершение коррупционных преступлений.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228.

2. Голобородько Д.О., Ефремов А.В. Конфликт интересов в механизме противодействия коррупции на государственной службе: вопросы предотвращения и правовые проблемы предупреждения // Реформирование российского законодательства: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2019. С. 15.
3. Косарева Л.В., Косарев В.Н. Современный подход к познанию преступности, путей и средств ее предупреждения (методологические и прикладные аспекты). Монография. Волгоград, 2014. С. 34–45.
4. Рогова Н.Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 75.

MEASURES TO COMBAT CORRUPTION THROUGH THE PRISM OF CONFLICTS OF INTEREST

Paulov P.A., Utepkalieva K. Kh.

Samara state University of Economics

The article is devoted to the research and development of a number of measures to resolve conflicts of interest in the civil service system. In theory and in practice, a huge number of issues related to anti-corruption policy arise. In this regard, it is necessary to note the relevance of this study. The subject of the research is corruption as a negative socio-legal phenomenon; normative legal acts on anti-corruption actions in representative authorities, elements of anti-corruption policy in the studied sphere of legal relations. The problem of corruption continues to be one of the most acute and pervades all spheres of public life. Unfortunately, corruption has historical background, one of the brightest of its representatives was Alexander Menshikov. Therefore, leveling the historical influence and forming a new anti-corruption worldview is the key to an effective anti-corruption policy.

Keywords: corruption, conflict of interest, state civil service, anti-corruption measures, efficiency.

References

1. Federal law of December 25, 2008 No. 273-FZ "on anti-corruption" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part 1). Article 6228.
2. Goloborodko D.O., Efremov A.V. Conflict of interests in the mechanism of anti-corruption in the public service: issues of prevention and legal problems of prevention // Reforming Russian legislation: problems, trends, prospects. Collection of articles of the International scientific and practical conference. Volgograd, 2019. P. 15.
3. Kosareva L.V., Kosarev V.N. Modern approach to the knowledge of crime, ways and means of its prevention (methodological and applied aspects). Monograph. Volgograd, 2014. Pp. 34–45.
4. Rogova N.N. Criminal liability for qualified types of murder // Bulletin of Vyatka state University for the Humanities. 2014. No. 7. P. 75.

Европейский и исламский стандарты прав человека: сравнительно-правовой анализ

Пинчук Антон Павлович,

магистрант юридического института, Алтайский государственный университет
E-mail: gos.2207@mail.ru

Тимофеев Евгений Игоревич,

магистрант юридического института, Алтайский государственный университет
E-mail: evgen_timofeev_97@mail.ru

Решетников Глеб Евгеньевич,

магистрант юридического института, Алтайский государственный университет
E-mail: nataparina1970@yandex.ru

Шушакова Екатерина Альбертовна,

магистрант юридического института, Томский государственный университета
E-mail: kate.2319@yandex.ru

В исследовании анализируется подход к правам человека с позиции европейских и исламских стандартов на основе Конституции РФ, Декларации прав человека и гражданина, Всеобщей декларации прав человека и Всеобщей Исламской декларации прав человека. Проводится сравнительный анализ между светскими положениями обозначенных актов и религиозными догматами, на которых основывается Исламская декларация. Различие европейского и исламского мира состоит в детальной регламентации жизни человека положениями Корана в последнем случае. В связи с этим отмечается, что исламское право и сама Исламская декларация имеют синтетический характер, так как в их основе лежат религиозные догматы и местные традиции, которые создают своеобразие правовой системы стран исламского мира. В исследовании установлено, что неотделимость религиозных начал от права приводит к потери значимости индивидуальности, из-за чего в нормах мусульманского права преобладает коллективные начала.

Ключевые слова: европейский стандарт прав человека, исламский стандарт прав человека, Конституция РФ, Всеобщая декларация прав человека, Всеобщая Исламская декларация прав человека.

В условиях мировых и локальных конфликтов остро встают вопросы реализации прав человека при соотношении интересов различных субъектов. Огромное значение при этом приобретают сами подходы к пониманию и трактовке прав человека и гражданина.

Стоит отметить важность данного вопроса на фоне многонациональности российского государства, где в рамках одной страны сосуществуют различные религиозные течения и верования, моральные принципы и ментальный уклад, отсюда и разное отношение к стандарту поведения личности в обществе. Важную роль в этом играют европейский и мусульманский стандарт мировосприятия человеком, определяющие и разное отношение к самому человеку и его правам.

При этом Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), безусловно, показывает огромное влияние именно европейского стандарта, в том числе и по вопросам прав человека [1]. Во многом это продиктовано самой историей её создания. Ни для кого не секрет, что при создании российской Конституции был использован опыт Франции, имевшей на тот момент уже зрелую и испытанную временем Конституцию 1958 г. (модель конституционного строя, институт Конституционного Сопределения при разработке Конституции и т.д.). Данная Конституция является одним из образцов европейского стандарта прав человека. Сравнивая данные акты можно сделать вывод об их большой схожести. Всё это говорит о восприятии Россией европейского стандарта прав человека, поскольку нельзя отрицать тот факт, что Декларация прав человека и гражданина 1789 г., являющаяся одной из составных частей Конституции Франции, является одним из учредительных актов такого стандарта (ещё задолго до появления универсальной Всеобщей декларации прав человека).

В этой связи важно отметить, что европейский стандарт не является универсальным. Тот факт, что он воспринимается определённым рядом стран, не говорит о его пригодности для всех правовых порядков мира. Роль такого универсального акта принадлежит Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – ВДПЧ), которая создавалась как реакция на агрессию фашизма [2]. Каталог прав человека, зафиксированный во ВДПЧ и других международно-правовых документах, явился результатом длительного исторического формирования эталонов и стандартов, которые стали нормой современного демократического общества [3, с. 10].

Как отмечает И.Л. Честнов, ВДПЧ содержит в себе общие принципы, которые ВДПЧ наполняются различным конкретным содержанием в контексте отдельной цивилизации, и нельзя пытаться навязать силой свои стандарты прав человека иной культурной общности [4]. Следует исходить из того, что в некоторых регионах мира изначально существовали определенные несоответствия «универсальности» прав человека самобытности страны или же менталитету проживающего в ней народа. В этой связи вслед за глобализацией пошёл процесс регионализации, то есть адаптации универсальных прав и свобод относительно конкретных региональных образований.

В то время как Конституция РФ восприняла европейский региональный стандарт прав человека, страны исламского мира, имеющие ислам в качестве государственной религии (кроме Турции), нуждались в адаптации общего стандарта к своим условиям и традициям. Одним из первых актов, закрепивших такой региональный исламский стандарт прав человека, явилась Всеобщая Исламская декларация прав человека (далее – ВИДПЧ) [5].

ВИДПЧ была составлена либеральными исламскими правоведами, представителями исламских религиозно-правовых школ и принята во Франции 19 сентября 1981 г. Данный документ исходит из основных положений и принципов международно-правовых норм относительно прав человека, но не носит обязательного характера в силу принятия его неправительственной организацией, и потому не ставит перед исламскими государствами задачи имплементации его положений в национальное законодательство. Относительно самой ВИДПЧ, то, как отмечает Н.Б. Жданов, её юридический статус не ясен, а содержание имеет практическую значимость только для Академии «Фихха» и религиозных университетов и не более [6, с. 170].

В данном акте указано, что он декларирует права человека согласно исламу. Так, ВИДПЧ адаптирует универсальные права человека под исламскую религию. Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что на сегодняшний день наиболее распространённой является точка зрения, согласно которой между исламским подходом и либеральными западными представлениями о правах человека нет принципиальных расхождений. Различия касаются некоторых деталей и конкретных норм [3, с. 75]. Но нельзя отрицать и существование иной, полярной точки зрения.

Какие же различия между европейским и исламским стандартами прав можно проследить? Проведём такое сравнение на примере Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конституции РФ и Всеобщей Исламской декларации прав человека касательно некоторых их положений.

Любой общественный институт имеет свои истоки, которые и определяют его место и значение в системе социальных явлений, каким является и право. В этой связи, видится целесообразным

начать сравнение понимания прав человека в европейской и исламской концепции, исходя из природы их возникновения.

Так, если обратиться к международным и отечественным актам, то невозможно найти унифицированного ответа на поставленный вопрос.

ВДПЧ прямо не вносит ясности в обозначенную проблему. В соответствии со ст. 1 все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Исходя из положений данной нормы, а также социокультурного контекста, можно говорить о реализации в ней естественноправового подхода, то есть люди рождаются свободными, обладающими правоспособностью на основе лишь своего происхождения (естества). В преамбуле также указывается, что права человека должны охраняться властью закона, дабы не допустить восстания против тирании. Здесь видится деление закона на естественный и позитивный, который не должен противоречить первому. Между строк читается гарантия-предостережение недопущения времени буржуазных революций, что, таким образом, думается, сглаживает возможность восстания на основе естественного права против существующих государственных порядков. В этой связи опять-таки видится историческая отсылка к обозначенному периоду.

Конституция РФ также не отвечает прямо на вопрос происхождения прав человека. Однако положения ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, определяющие неотчуждаемость и принадлежность основных прав и свобод человеку от рождения, могут свидетельствовать об аналогичном подходе к природе прав человека.

В то же время в преамбуле ВИДПЧ можно найти теологический подход к природе указанных прав, которые были установлены Всевышним Творцом. Также закреплено, что «ни один человек, каким бы он ни был, не имеет права приостанавливать их действие или покушаться на них».

ВИДПЧ исходит из божественного характера прав и предписаний, данных людям. В Преамбуле данного акта признаётся неспособность человека создать правильную программу своей жизни независимо от Аллаха. То есть, следуя данному положению, единственный правотворец в исламском мире – Аллах. В европейской области прав человека и гражданина правотворцем выступает народ (равенство, демократия). Это прослеживается в некоторых конституциях уже с момента их принятия (Конституции РФ и Франции приняты на референдуме). А.М. Васильев отмечает, если с точки зрения европейского светского подхода источник власти и закона – нация, то в глазах мусульманских юристов такой основой является лишь воля Аллаха [7, с. 5].

Думается, что гарантированность прав, исходящих от Создателя без права вмешательства в данную сферу лиц и учреждений земных, выше (при реализации в религиозном обществе). Концепция гарантирования прав, исходя из природы людей, утверждённая силой государств и надгосу-

дарственных образований, сводит вопросы установления данных прав на уровень определения человеческим разумом и волей, что в принципе может привести и к отсутствию признания этих прав (спуская данный вопрос в сферу земной жизни).

И, забегая вперёд, в данном аспекте будет разумным указать на религиозный характер государств исламского региона с их единобожием и официальной государственной религией – Исламом. В Конституции РФ провозглашается идеологическое многообразие и светский характер государства (ст. 13, 14). Однако необходимо сделать ремарку. Согласно грядущим поправкам в Конституцию предложено впервые внести упоминание о Боге, которое будет звучать следующим образом: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство» [8]. Но это уже касается не столько прав человека, сколько характера государственного устройства.

Несмотря на то, что, как указывает А.Л. Могилевский, догматы веры не предоставляют прав мусульманину, у него имеются лишь обязательства перед Всевышним [9, с. 142–143], ВИДПЧ почти не перечисляет обязанности, оставаясь верной своему названию. Однако учитывать данный факт при сравнении всё же стоит.

После Преамбулы во ВИДПЧ начинается Глава «Права человека по исламу». Учитывая, что данный акт – не учредительный и не государственный документ, то главы подобной Главе 1 Конституции РФ наблюдать там не приходится. Разумнее данную главу сравнить с Главой 2 Конституции, которая имеет подобное название – «Права и свободы человека и гражданина».

Право на жизнь понимается более широко в исламской концепции. Ст. 3 ВДПЧ, как и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, лишь объявляет право на жизнь, не раскрывая его. При этом жизнь понимается как биологическое существование организма и заканчивается смертью. В то же время во ВИДПЧ регулирование данного вопроса уходит в такие аспекты, как гарантированность права на жизнь от посягательств других, ответственность за нарушения данного права, а также вопросы возможности лишения жизни (казни). Последнее во многом раскрывается в уголовном законодательстве ряда стран (частично данному вопросу посвящена ч. 2 ст. 20 Конституции РФ).

Важным в данном аспекте видится следующее: в ВИДПЧ выделяется понятие «духовное и материальное бытие человека» – биологическая смерть человека не означает гибель его бытия, а потому право на жизнь включает в себя также и право на достойное обращение после биологической смерти как в смысле материальном (по отношению к телу), так и духовном (по отношению к памяти, информации об усопшем). Исламское учение гласит: «смерть» косточки является нача-

лом жизни нового дерева, новой, более совершенной ступени развития». Поэтому в ВИДПЧ содержится священный наказ обращаться с мёртвыми подобающе.

Считаем важным обратить внимание также на то, что ни ВДПЧ в совокупности с Конституцией РФ, ни ВИДПЧ не предусматривают добровольный уход из жизни человека (эвтаназия) в связи с наличием неизлечимого заболевания. Однако, с одной стороны – правовое обоснование в европейской концепции, где жизнь является высшей ценностью, а с другой – религиозное отношение ислама к данному действию как греху. При этом стоит учитывать, что на европейский подход немаловажную роль оказывает и христианство, где подобный акт также греховен.

Следующее право человека, на котором следует остановиться, – право на свободу. Такое право есть как в указанных декларациях, так и в Конституции РФ.

Изначально ВИДПЧ говорит лишь о физической свободе: «нельзя никоим образом сковывать или преступать свободу людей». Российская Конституция, реализуя европейский подход, понимает под свободой возможность человека проявлять свою волю, не нарушая при этом свободу другого человека (ст. 17). В ВИДПЧ прослеживается религиозный подтекст свободы как возможности выражать свою волю в случаях, не запрещённых шариатом.

Во ВДПЧ ст. 3 также закрепляет и право на свободу, раскрывая его далее в ст. 4 – «Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах». Ст. 22 Конституции РФ закрепляет указанное право, при этом регламентирует вопросы ареста, заключения под стражу и содержания под стражей. Интересно, что Конституция РФ в этой части, в отличие от рассматриваемых международных актов, не уходит в вопросы рабства и работорговли (однако, это не означает разрешение работорговли, так как данные вопросы регламентируются уголовным законодательством).

Ст. 2 ВИДПЧ, закрепляя право на свободу личную, гарантирует и свободу коллективную, запрещая покушаться на свободу другого народа. При этом война за свободу против агрессии не только допустима, но и поощряется (раскрыта через обязанность дать отпор агрессору). Другие народы же должны поддерживать такую войну.

Акты ООН на сегодняшний день также содержат регламентацию ответа на агрессию (здесь также закреплена и возможность обороняться и поддержка международного сообщества). Однако, это, все же, право обороняющейся стороны, а не обязанность. При этом данные положения, скорее, имеют рациональную направленность на недопущение нарушения международного баланса сил.

В то же время ВИДПЧ видит в такой борьбе противостояние злу, греху, а потому даёт такой

войне статус священной. В этой части можно проследить невозможность примирения с антиобщественными и запрещенными проявлениями в исламской идеологии.

ВДПЧ не регламентирует вопросы коллективной свободы, сосредотачивая свое регулирование на субъективных правах индивида. Вопросы коллективных прав нашли свое воплощение в правах последующих поколений.

Необходимо также указать в этой части, что, исходя из ВИДПЧ права индивидуальные не могут быть отделены от прав коллективных, следовательно, прослеживается единство данных начал (синтетический подход). В то же время акты европейского общества более построены на анализе, а не синтезе (отдельно индивидуальные права и их аспекты, отдельно коллективные).

Ст. 3 ВИДПЧ указывает, что все люди равны перед шариатом. Данная статья достаточно казуистична, в ней раскрываются конкретные примеры проявления равенства людей (например, отсутствие преимущества людей в следствии разного цвета кожи или в зависимости от социального положения). В Конституции РФ же указано, что все равны перед законом и судом, отдельно подчеркивается, что женщины и мужчины имеют равные права, что является историческим отпечатком борьбы женщин за равные права.

В этой же статье указывается на единое происхождение всех людей, что делает их априори равными: «Все вы от Адама, а Адам из земли». В то же время делается оговорка, что людей могут различать поступки их и деяния, как например, если сравнивать преступников и благочестивых граждан.

Особенность подхода к равенству людей в ВИДПЧ (ст. 3) видится в признании фактического неравенства, исходя из поступков людей по отношению к Богу. При этом отмечается безусловное равенство в возможностях и доступе к ресурсам. В европейских актах данные вопросы, чаще всего, остаются за скобками.

Тем не менее, если даже ВИДПЧ закрепляет право на свободу, на равенство всех независимо от расы, пола и религии, это не значит, что данные положения всегда применяются на практике. Как отмечает Л.Р. Сюкияйнен, именно исламские принципы вместе с местными традициями существенно корректируют положения законодательства (конституций), наполняют их особым содержанием [10].

Стоит отметить, что Конституция РФ, будучи светской закрепила, что все равны вне зависимости от принадлежности к религии, когда исламское право исходит от равенства при наличии следования религиозным нормам. Но необходимо сделать оговорку, что ВИДПЧ закрепляет права меньшинств. Так, первый Принцип Корана «нет принуждения в религии» должен определять права религиозных немусульманских меньшинств. И второй принцип: в мусульманской стране представители религиозных меньшинств при ведении

своих личных и общественных дел должны иметь возможность выбора между исламским законом и их собственными законами.

Нельзя встретить в Конституции РФ право на справедливость, которое закреплено в ст. 4 ВИДПЧ. Термин «справедливость» в Конституции встречается всего лишь 1 раз – в Преамбуле (в поправках предлагается второе упоминание о справедливости – ч. 6 ст. 75). Возможно, использование такой категории в ВИДПЧ продиктовано её морально-ценностной природой, которая соприкасается с религией.

Ещё одно интересное различие, которое слабо прослеживается при сопоставлении актов, но имеет место в научной литературе, – отношение двух цивилизаций к международному праву. Э.В. Горян отмечает, что исламское право делает акцент на том, что все известные последнему права и свободы человека уже предусмотрены шариатом, который не отрицает достижения современной мировой правовой культуры, а лишь обогащает ее не знакомыми Западу правами человека [11, с. 91–101]. В конституциях стран Европы (в том числе в Конституции РФ), акцентируется внимание на наднациональном характере международного права, которое имплементируется в национальную правовую систему, тем самым её дополняя.

Представляют интерес положения ч.ч. 1 и 2 ст. 5 ВИДПЧ, раскрывающие право на справедливый суд. Исходя из данных норм главная цель суда – установление невиновности лица. При этом незнание закона может смягчить наказание.

Аналогичные положения невозможно найти в российском процессуальном законодательстве. Это продиктовано некоторыми особенностями отечественного судопроизводства.

1) Исходя из принципа независимости и беспристрастности судей, состязательности процесса, суд занимает нейтральную сторону и не должен активно вмешиваться в процесс доказывания. Обозначенная во ВИДПЧ цель суда в нахождении невиновности приводит соотношение баланса сторон защиты и обвинения к неравенству. Это положение близко по значению к презумпции невиновности, однако, при такой трактовке позволяют сменить вектор деятельности в пользу защиты, что обеспечивает права и свободы обвиняемого.

2) Несмотря на то, что перечень смягчающих обстоятельств в соответствии со ст. 61 УК РФ открыт, но применение такого обстоятельства, как незнание закона, не применяется. Думается, вопрос обретает иной оттенок в исламском праве, исходя из объема и сложности религиозных предписаний.

Ст. 6 ВИДПЧ именуется как право на защиту от произвола власти. Данное положение, опять же, исходит из божественной природы норм декларации. Речь идёт о власти государства, которое имеет значение лишь как служитель религии ислама. В европейской концепции, нашедшей свое закрепление в конституциях соответствующих го-

сударств, такое положение встретить нельзя. Права, закрепленные, например, Конституцией РФ, не являются данными свыше. Эти нормы установлены многонациональным народом – носителем суверенитета и единственным источником власти (курсив наш – авт.) в стране. Поскольку народ, согласно данной концепции сам над собой властен, то нет необходимости провозглашать право на защиту от произвола такой власти. Однако это не означает, что такого права у людей нет вообще. Оно есть, но закреплено в иных формах (например, ч. 2 ст. 24, ст. 33, ч. 2 ст. 46).

Ст. 8 ВДПЧ закрепляет право на судебную защиту, его гарантированность (соответствует ст. 46 Конституции РФ). Помимо данной гарантии и возможности самозащиты, ВИДПЧ в ст. 4 закрепляет долг и возможность каждого защитить права другого. При этом даже самый крайний случай защиты прав другого – необходимая оборона – остается лишь правом лица в соответствии с российским законодательством (ст. 37 УК РФ) [12].

Право на убежище, закрепленное в ст. 9 ВИДПЧ не идентично праву на убежище, закрепленному в ст. 63 Конституции РФ. В первом случае такое право может быть предоставлено только мусульманину и территориальные пределы такого права ограничены мусульманской природой государств. Причём толкование данной статьи способно загнать самого толкователя в тупик. Изначально речь идёт о мусульманах, имеющих такое право, но далее отмечается, что такое право имеет любой человек, независимо от вероисповедания и т.д. Российская Конституция предоставляет только политическое убежище, только по признаку гражданства (иностраный гражданин, лицо без гражданства) и только в соответствии с международным правом.

Есть различия и в природе экономических прав. Ст. 15 ВИДПЧ гласит: «Природа со всеми её богатствами есть владение Всевышнего Аллаха». Согласно ст. 9 Конституции РФ «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». При этом земельное и экологическое законодательство, развивая эти положения, прямо устанавливает государственную форму собственности на некоторые природные ресурсы (например, недра, лесные участки в составе земель лесного фонда и др.). О более «высоком» владельце природных богатств и ресурсов в российском законодательстве как развивающем положении Конституции, являющейся в свою очередь документом европейского стандарта прав человека, не говорится.

В рамках экономических прав интересно такое явление, как «закят», упоминаемое во ВИДПЧ. Закят – институт фискальной политики мусульманских стран. Закят является одной из форм перераспределения имущества, налогом, выплачиваемым зажиточными мусульманами в пользу нуждающихся, малоимущих жителей [13, с. 179–180]. В этом проявляется одно из поощряемых Ал-

лахом качеств – альтруизм, только возведенный в общеобязательное правило. Исходя из европейской концепции прав человека, речь, чаще всего, идет лишь об обязанности платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). В этой части само государство берет определенные социальные обязательства как публичный субъект при расходовании полученных средств.

Еще одно важное различие, на которое хотелось бы обратить внимание, – это право на эмиграцию. Во ВИДПЧ закрепляется право на свободу передвижения мусульман по мусульманским странам, и запрещается ограничивать это право географическими или политическими рамками. Вера выше государства. Как уже отмечалось, государство – служитель ислама. Поэтому верующий мусульманин может эмигрировать в любую мусульманскую страну, которая должна его «по-братски принять». В Конституции РФ подобным отношениям посвящена ч. 2 ст. 27, в которой закреплено, что гражданин РФ имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию. Таким образом, критерий для возвращения в Россию один – гражданство РФ.

Стоит обратить внимание также на регламентацию института семьи. Начиная с преамбулы ВИДПЧ прослеживается закрепление особого статуса данного института. При этом ВДПЧ и Конституция РФ данные вопросы не регулируют.

Ст. 19 ВИДПЧ указывает на равенство прав мужчины и женщины в семье, при этом закрепляется более высокое положение мужа в семье (общее руководство), подкрепленное соответствующими обязанностями по отношению к членам этой семьи (в частности, обязанность мужа по содержанию жены и детей). При этом, исходя из ч. 7 ст. 19 ВИДПЧ, мать пользуется большим уважением, чем отец, исходя из ее вклада в развитие семьи и детей.

Подобного рода регламентация ролей в семейных отношениях не свойственна европейскому праву и отдается на откуп самим членам семьи.

Отдельно оговариваются вопросы конфиденциальности семейной жизни, соблюдаемые мужем и женой (ч. 6 ст. 20 ВИДПЧ), в то время как российское законодательство при защите семейной тайны более исходит из необходимости внешней защиты семьи.

К слову, несмотря на то, что эксперты заявляли о невозможности закрепления института брака в Конституции РФ без созыва Конституционного Собрания [14], таковой в обход ограничений, предусмотренных для Главы 2, предлагается поправка внести в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 указанного акта.

Подводя итог, следует сказать, что в двух рассмотренных актах европейского и исламского правопорядка имеются как сходства, так и различия. Б. Льюис в этом аспекте справедливо заметил, что в основе современных международных стандартов прав человека (в том числе европейском) лежат свобода и равенство, а центральными категориями исламской концепции являются богобо-

язненность и справедливость [15, с. 154]. Безусловно, при анализе Декларации трудно не увидеть апологию ислама, наложенную на универсальные стандарты прав человека. Исследуя некоторые положения Декларации, складывается впечатление, что универсальные права человека облачили в хиджаб. Прав Л.Р. Сюкияйнен, отмечая, что во многих мусульманских странах ни один серьезный шаг в области прав и свобод человека невозможен, если он не опирается на исламскую правовую аргументацию [10].

Что касается европейского стандарта прав человека, то здесь наименьшим образом прослеживается отход от универсальной концепции. В случае с исламским обществом нормы религии переплетены с правом, они юридически обязательны, в то время как в европейском порядке, в частности в России, предписания церкви не имеют юридической силы и не составляют право.

Согласимся с Т.А. Дураевым и Н.В. Тюменевой, что принципиальная разница в понимании прав и свобод личности состоит и в том, что западные юристы возводят в абсолют естественные права человека и видят их источник в человеке, в его свободах, а исламские юристы источником прав человека считают шариат – божественный закон. Соответственно высшей справедливостью на Западе полагают признание и закрепление прав и свобод личности в законе, во-первых, для ограничения вмешательства государства в личную жизнь человека, а во-вторых, для создания системы гарантий реализации и защиты прав и свобод личности. Согласно позиции исламских богословов права и свободы личности необходимы для претворения предписаний шариата в жизнь. Следовательно, принципиально различны функциональные роли института прав и свобод личности. В западном праве права и свободы очерчивают пределы и степень вмешательства публичных институтов в сферу личной свободы человека, а в мусульманском – они необходимы для обеспечения действия самого права (шариата) [16, с. 75].

По вопросу характера предписаний ВИДПЧ можно отметить, что в нормах последней в противовес европейскому стандарту прослеживаются:

1) религиозность при теологическом подходе, здесь же неотделимость права, религии и морали, а также обоснование внешне правовых положений нормами Корана;

2) преобладание коллективных начал над индивидуализмом;

3) синтетический подход.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.] // Рос. газета. – 1998. – 10 декабря (№ 245).
3. Сюкияйнен Л.Р. Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009.
4. Честнов, И.Л. Универсальны ли права человека: Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 73–82.
5. Всеобщая Исламская декларация прав человека, принята Исламским советом Европы в Париже 19 сентября 1981 г. [Электронный ресурс] – URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm.
6. Жданов Н.В., Исламская концепция миропорядка / Жданов Н.В. М.: Международные отношения. – 2003. – 568 с.
7. Васильев А. Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 5 (550).
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. № 11. – Ст. 1416.
9. Могилевский А.Л. Правосознание и религия. Ашхабад, 1977. – С. 142–143.
10. Сюкияйнен Л. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 3 (249).
11. Горян Э.В. Исламская концепция прав человека и прогрессивное развитие международного права // Международное право. – 2015. – № 3 – С. 91–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16216.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Нуриев Б.Д. Закят в классическом мусульманском праве // Вестник КГУ. – 2015. – № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakyat-v-klassicheskom-musulmanskom-prave> (дата обращения: 15.05.2020).
14. ГД: нельзя прописать в Конституции, что брак – союз мужчины и женщины // РИА Новости. – 2014. – 2 апреля.
15. Льюис Б. Свобода и справедливость на современном Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 3. – С. 152–169.
16. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. Права человека в международных исламских документах // Вестник СГЮА. 2018. № 3 (122).

EUROPEAN AND ISLAMIC HUMAN RIGHTS STANDARDS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Pinchuk A.P., Timofeev E.I., Reshetnikov G.E., Shushakova E.A.
Altai State University, Tomsk State University

The study analyzes the approach to human rights from the perspective of European and Islamic standards based on the Constitution of the Russian Federation, the Declaration of human and civil rights, the Universal Declaration of human rights and the Universal Islamic Declaration of human rights. A comparative analysis is made between the secular provisions of the designated acts and the religious dogmas on which the Islamic Declaration is based. The difference between the European and Islamic world consists in the detailed regulation of human life by the provisions of the Koran in the latter case. In this regard, it is noted that Islamic law and the Islamic Declaration itself have a synthetic character, since they are based on religious dogmas and local traditions, which create a unique legal system of the countries of the Islamic world. The study found that the inseparability of religious principles from the law leads to the loss of the significance of the individual, which is why the norms of Muslim law are dominated by collective principles.

Keywords: European Standard for Human Rights, Islamic Standard for Human Rights, Constitution of the Russian Federation, Universal Declaration of Human Rights, Universal Islamic Declaration of Human Rights.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Collection of legislation. – 2014. – No. 31. – Art. 4398.
2. The Universal Declaration of Human Rights: [adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948] // Ros. newspaper. – 1998. – December 10 (No. 245).
3. Sukiyainen L.R. Islamic view of freedom and equality: legal consolidation and religious and ethical boundaries // Universal Declaration of Human Rights: universalism and a variety of experiences. M., 2009.
4. Chestnov, I.L. Are Human Rights Universal: Polemic Reflections on the Universal Declaration of Human Rights // Jurisprudence. – 1999. – No. 1. – P. 73–82.
5. The Universal Islamic Declaration of Human Rights, adopted by the Islamic Council of Europe in Paris on September 19, 1981 [Electronic resource] – URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm.
6. Zhdanov N.V., Islamic concept of the world order / Zhdanov N.V. M.: International relations. – 2003. – 568 p.
7. Vasiliev A. Islamic extremism as an expression of the crisis of Muslim civilization // Asia and Africa today. – 2003. – No. 5 (550).
8. The law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 N1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority” // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 11. – Art. 1416.
9. Mogilevsky A.L. Justice and religion. Ashgabat, 1977. – P. 142–143.
10. Syukiyaynen L. Human rights in the dialogue of Islamic and Western legal cultures // Russia and the Muslim world. – 2013. – No. 3 (249).
11. Goryan E.V. The Islamic concept of human rights and the progressive development of international law // International Law. – 2015. – No. 3 – P. 91–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16216.
12. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 7, 2020) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.
13. Nuriev B.D. Zakat in classical Muslim law // Bulletin of KSU. – 2015. – No. 3. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakvat-v-klassicheskom-musulmanskom-prave> (accessed: 05.15.2020).
14. DG: it cannot be prescribed in the Constitution that marriage is the union of a man and a woman // RIA Novosti. – 2014. – April 2.
15. Lewis B. Freedom and justice in today’s Middle East // Russia in global politics. – 2005. – No. 3. – S. 152–169.
16. Duraev T.A., Tyumeneva N.V. Human rights in international Islamic documents // Bulletin of the SSLA. 2018. No3 (122).

Пробелы в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения

Алешкевич Анастасия Максимовна,

студент юридической школы, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: nastiaaleshk@mail.ru

Рзаева Айнур Карамовна,

студент юридической школы, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: ajnur.alieva.98@bk.ru

Предмет исследования: нормы жилищного законодательства, регламентирующих вопросы переустройства и перепланировки жилых помещений. Целью настоящей статьи является выявление и рассмотрение существующих проблем нормативно-правового регулирования самовольного переустройства (перепланировки) и предложению возможных путей изменения норм в сфере жилищного законодательства. Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход. В работе сделан вывод о несовершенстве российского законодательства в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения, предложены поправки и дополнения в нормы жилищного кодекса.

Ключевые слова: переустройство, перепланировка, проблемы правового регулирования, пробел, жилое помещение, ответственность, многоквартирный дом, реконструкция.

Жилищные правоотношения – это то, с чем граждане сталкиваются каждый день своей жизни. Из множества актуальных проблем, связанных с правовым регулированием в данной области, актуальной является и проблема регулирования переустройства, перепланировки жилого помещения. Дом, квартира, комната – все эти помещения время от времени требуют ремонта и в плане переоборудования помещения. Предлагаем выявить наиболее актуальные пробелы и предложить пути их разрешения.

Начнём с того, что Жилищный Кодекс Российской Федерации [1] (далее – ЖК РФ) по сравнению с Жилищным кодексом РСФСР 1983 г. [2], в котором перепланировке и переустройству была посвящена лишь 84 статья Кодекса, уже сделал шаг вперёд относительно правового регулирования данной сферы, а именно, ввёл понятия «переустройство» и «перепланировка».

Однако если первое определение достаточно хорошо раскрыто в статье 25 ЖК РФ, то второе требует доработки, изменений. Законодатель определяет перепланировку жилого помещения как изменение его конфигурации, требующее внесения изменения в технический паспорт жилого помещения». Что такое конфигурация? Данное понятие не закреплено на законодательном уровне. Норма на самом деле является бланкетной, и действия по перепланировке можно найти в другом акте. Постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 N170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда [3]» приводит перечень работ, которые к ней относятся. Однако представляется неверным давать определение через неутверждённый законодателем термин, возможно, лучше было бы сформулировать понятие перепланировки как изменение «планировочных параметров помещения».

К сожалению, этим несовершенства российского законодательства в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения не ограничиваются.

Так, часть 5 статьи 29 ЖК РФ указывает, что в случае несвоевременного приведения жилого помещения в своё прежнее состояние при самовольном переустройстве или перепланировке суд вправе, на основании искового заявления уполномоченного на согласование переустройства (перепланировки) органа, принять в отношении собственника (за исключением нанимателя) решение о продаже жилого помещения с публичных торгов с выплатой последнему вырученных денег [1].

Учитывая вышеизложенное, возникает вопрос о соотношении данной нормы с положения-

ми статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], закрепляющими исчерпывающий перечень оснований прекращения права собственности, ведь жилое помещение представляет собой ничто иное, как чью-либо собственность. Однако в числе данных оснований отсутствует самовольное осуществление переустройства или перепланировки. Налицо противоречие федерального законодательства. Чьи интересы должны стоять во главе, собственника жилого помещения или же иных жильцов, чьи права подвергаются нарушениям в результате самовольного переустройства (перепланировки). Наиболее приемлемым, на наш взгляд, вариантом решения существующей коллизии с учетом сохранения части 5 статьи 29 ЖК РФ, является внесение дополнений в части 2 статьи 235 ГК РФ.

Данный пробел в сфере самовольного переустройства (перепланировки) является отнюдь не единственным. Проблемы существуют и в области защиты нарушенного права.

Дело в том, что иск в суд именно по статье 29 ЖК РФ (мы не говорим о том, что соседи не могут подать в суд!) может подать только «орган, осуществляющий согласование». Данное положение без опоры на Гражданский кодекс было бы неконституционным. В связи с чем, Конституционный Суд РФ в Определении Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 N1581-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы жилищно-строительного кооператива «Волжский» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 29 Жилищного кодекса Российской Федерации» [5] разъяснил, что «положения статьи 29 Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающие специальный механизм публично-правового контроля за соблюдением порядка перепланировки и (или) переустройства жилого помещения, не исключают возможности использования собственниками помещений в многоквартирном доме или объединениями собственников помещений в многоквартирном доме в интересах собственников гражданско-правовых способов защиты, в частности способа, предусмотренного статьей 304 ГК Российской Федерации».

Вопреки высокой значимости мнения Конституционного Суда в Российской Федерации, мы всё же находим необходимым внести дополнение в статью 29 ЖК относительно лиц, имеющих возможность обратиться в суд за защитой своего права либо наоборот убрать имеющееся указание только на орган местного самоуправления.

Не менее важной проблемой, которую можно выделить в рамках темы выступает отсутствие необходимости регулирования нормами главы 4 ЖК РФ переустройства и перепланировки такого объекта жилищных прав, как частный (индивидуальный) дом. Вместе с тем, предлагается не полное исключение регулирования, а замена разрешительного характера согласования применительно к индивидуальным жилым домам на уведомительный. Данное мнение вытекает из главной

причины согласования, которая заключается в интересах других собственников. Как быть, если собственник один? Вдобавок к сказанному, стоит отметить, что индивидуальное жилое строительство в большей мере регулируется Градостроительным кодексом РФ [6]. Строительство частного дома не предполагает наличия обязательной проектной документации, основное требование заключается в соблюдении положений градостроительного регламента. В связи с вышесказанным считаем, что необходимо исключить разрешительный характер согласования применительно к индивидуальным жилым домам.

Наконец, можно отметить ещё один существенный пробел в нормативном регулировании, хоть и не напрямую связанный с жилыми помещениями, но являющийся важным, касающийся помещений в целом, а также прав и законных интересов жильцов. Нормы, регламентирующие переустройство и перепланировку, не относятся к нежилым помещениям. Но не стоит забывать, что на некоторых этажах (в основном на первых) многоквартирных жилых домов зачастую размещаются различные организации, будь то продуктовые супермаркеты, магазины одежды, офисы и другие. А ведь для процветания бизнеса также необходимы действия по перепланировке и переустройству, которые могут навредить гражданам, проживающим по соседству.

В таком случае возникает необходимость затронуть вопрос о переводе жилого помещения в нежилое и наоборот (статья 23 ЖК РФ). На первый взгляд данный процесс может показаться простым и понятным, однако и эта процедура имеет свои подводные камни. В частности, частью 2 статьи 22 ЖК РФ установлен запрет на перевод жилого помещения в нежилое в случае отсутствия отдельного входа в здание. Соответственно, в целях удовлетворения требований законодателя, то или иное лицо, желающее осуществить перевод помещения из одной категории в другую, вынуждено осуществить акт перепланировки, с занятием земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом. Согласно пункту 4 части 1 статьи 36 ЖК РФ занимаемый земельный участок принадлежит собственникам помещений в многоквартирном доме на праве общей долевой собственности.

Вследствие этого назревает вопрос, касающийся порядка принятия решения собственниками помещений в многоквартирном доме о предоставлении земельного участка под отдельно оборудованный вход. Проблема заключается в следующем, часть 3 статьи 36 ЖК РФ устанавливает, что размер общего имущества в многоквартирном доме может быть уменьшен лишь с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции, иными словами решение должно быть принято единогласно.

В то же время, согласно пункту 2 части 2 статьи 44 ЖК РФ общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме компетентно

принимать решение, относительно пределов использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, включая введение ограничений его использования. В соответствии с частью 1 статьи 46 ЖК РФ подобные решения могут быть приняты большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме.

Таким образом, можно проследить, что количество необходимых голосов зависит в первую очередь от того, идет ли в конкретном случае речь о реконструкции. В случае если она имеет место, требуется единогласное решение собственников. При ее отсутствии вопрос о пределах использования земельного участка может быть разрешен с согласия двух третей собственников.

Итак, обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что глава 4 Жилищного кодекса РФ, посвященная переустройству и перепланировке помещения в многоквартирном доме, к сожалению, не является идеалом правового регулирования. Однако при внесении некоторых указанных поправок и дополнений или предложения иного альтернативного пути их решения, защита жилищных прав граждан станет легче.

Литература

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 N188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005, N1 (часть 1), ст. 14. (с изм. и доп. от 3.08.2018).
2. КонсультантПлюс: правовой сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=152355655103476965619325886&cacheid=7A9E3BC54D57F60FA0618E286BE4D214&mode=splus&base=LAW&n=48666&rnd=00B910FB68C9581C9BD E78000CF5D2C4#09574747934883691> – Загл. с экрана.
3. Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда: постановление Госстроя РФ от 27 ноября 2003 N170 // Российская газета. 2003. № 214.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 N51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994, N32, ст. 3301. (с изм. и доп. от 3.08.2018).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы жилищно-строительного кооператива «Волж-

ский» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 29 Жилищного кодекса Российской Федерации: Определении Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 года N1581-О-О.

6. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 N190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005, N1 (часть 1), ст. 16. (с изм. и доп. от 3.08.2018).

GAPS IN THE FIELD OF LEGAL REGULATION OF THE RE-ARRANGEMENT AND RE-PLANNING OF RESIDENTIAL PREMISES

Aleshkevich A.M., Rzaeva A.K.
Far Eastern Federal University

The subject of research: norms of housing legislation governing the issues of conversion and redevelopment of residential premises. The purpose of this article is to identify and consider the existing problems of legal regulation of unauthorized conversion (redevelopment) and to suggest possible ways to change the norms in the field of housing legislation. The research methodology consisted of a comparative, formal legal, analytical methods, a systematic approach. The paper concludes that Russian legislation is imperfect in the field of legal regulation of the conversion and redevelopment of residential premises, and amendments and additions to the norms of the housing code are proposed.

Keywords: reorganization, redevelopment, regulatory issues, space, residential premises, property, apartment building, reconstruction.

References:

1. Housing Code of the Russian Federation: Feder. Law of December 29, 2004 N188-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 01/03/2005, N1 (part 1), Art. 14. (as amended and additional. From 3.08.2018).
2. Consultant: Legal website [electronic resource] Access: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=152355655103476965619325886&cacheid=7A9E3BC54D57F60FA0618E286BE4D214&mode=splus&base=LAW&n=48666&rnd=00B910FB68C9581C9BDE78000CF5D2C4#09574747934883691> – screen title.
3. On the approval of the Rules and norms for the technical operation of the housing stock: Resolution of the Gosstroy of the Russian Federation of November 27, 2003 N170 // Russian newspaper. 2003. No. 214.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one): federal. Law of November 30, 1994 N51-ФЗ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 12/05/1994, N32, Art. 3301. (as amended and additional. From 3.08.2018).
5. On the refusal to accept for consideration the complaint of the Volzhsky Housing Cooperative on violation of constitutional rights and freedoms by Article 29 of the Housing Code of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 16, 2010 N1581-O-O.
6. Urban Planning Code of the Russian Federation: Feder. Law of December 29, 2004 N190-ФЗ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 01/03/2005, N1 (part 1), Art. 16. (as amended and additional. From 3.08.2018).

Элементы договора перевалки грузов на морских месторождениях

Скаридова Мария Александровна,

старший преподаватель, кафедра международного и морского права, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова
E-mail: alexskar@oceanlaw.ru

В настоящее время существует объективная необходимость осуществления перевалки грузов с судна на судно не только в акваториях морских портов, но и вне пределов национальной юрисдикции в виду удаленности морских месторождений. Операции по перевалке грузов с судна на судно (объекта хранения) не детерминированы международными договорами, однако современная практика все дальше уводит добычу от морского побережья и ставит правовые вопросы договорных отношений перевалки и транспортировки, а также очистки груза как объекта коммерческой деятельности. К тому же в районах морских месторождений в операциях STS участвуют суда под флагами различных государств, что означает, что содержание договора перевалки должно учитывать требования международного права и основных морских юрисдикций. Автор пытается сформулировать основные договорные элементы и сформулировать отдельные требования к возможной договорной форме.

Ключевые слова: морское месторождение, оффшорная добыча, элементы договора перевалки. договорные проформы.

Ресурсодобывающая отрасль, одна из самых наиболее развивающихся в наше время. Поисково-разведочные работы ведутся не только на суше, но и в акваториях морей и океанов. Все это привело к увеличению темпов морской нефтегазодобычи. Как отмечал в одной из своих работ В. Богоявленский «в последние годы доли морской нефти и газа от мирового объема добычи превышают 30% и перспективы добычи подтверждаются исследованиями, по которым в недрах под морским дном содержится половина общемировых запасов углеводородов». [1, С. 50]

По многим исследованиям Россия располагает самым большим шельфом в Арктике, так Филиппов А.В. отмечает, что извлекаемые из его недр «углеводородные ресурсы оцениваются в 98,7 млрд тонн в пересчете на условное топливо. При этом около 85% разведанных запасов сосредоточено на шельфе арктической акватории (Баренцево море, Карское море). Континентальный шельф Дальнего Востока содержит примерно 12–14% запасов (на шельфах Балтийского, Каспийского, Черного, Азовского морей также отмечен ряд месторождений)». [2, С. 105] И в то же время от отмечает, что «разработка месторождений на морском шельфе – это наукоёмкий, сложный по технологиям, и в то же время опасный процесс, когда оборудование устанавливается и эксплуатируется в экстремальных условиях окружающей среды (сильные шторма, приливы и отливы, морская соль, сероводород, критически низкие температуры и сложнейшая ледовая обстановка). Тем не менее, каждый год в мире бурится около 1 тыс. поисково-разведочных и примерно 2 тыс. эксплуатационных скважин различного типа». [2, С. 105]

Сегодня поиск углеводородов на шельфе осуществляют 140 государств, а их промышленная добыча ведется во многих акваториях мирового океана, включая Мексиканский и Персидский заливы, Северное море, Каспий, побережье Бразилии, Канады, западной Африки и Юго-восточной Азии. [3]

По некоторым оценкам в настоящее время, на шельфах мирового океана добывают 35% нефти и около 32% газа, что повлияло не только на рост перевозок нефти (в 2018 г. объем мирового флота танкеров, судов, перевозящих сырую нефть и нефтепродукты увеличился на 73%), но и на организацию доставки. Более традиционные направления транспортировки – «порт-порт», начинают уступать направлению «оффшорное месторождение – порт», делая прямую дистрибуцию более эффективным инструментом.

РФ также разрабатывает и вводит в эксплуатацию углеводородные месторождения в территориальном море и в исключительной экономиче-

ской зоне, включает соглашения с иностранными партнерами для сотрудничества и транспортировки углеводородов с морских месторождений.

В основе технологической схемы доставки нефти из района морской добычи – операции по перевалки добытой нефти с судна-хранения на танкер, осуществляющий в дальнейшем доставку нефти в порт. По данным Clarksons Research [4] объемы перевалки и транспортировки добытой нефти в офшорных районах выросли примерно на 3,3 процента, а общий объем грузовых тонн в миллионах оценивался в 58812 миллиардов. По данным ЮНКТАД «Челночный флот», который используется для этих целей продолжает рост и уже состоит из 102 танкеров и еще 14 должны в ближайшее время вступить в строй. [5]

Морской район добычи, представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, среди которых одна или несколько платформ, буровые суда; суда снабжения буровых платформ; специализированные несамоходные грузовые суда для доставки секций стационарных установок к месту монтажа; средства для строительства морских трубопроводов; плавучее грузоподъемное и монтажное оборудование; хранилища добытой нефти и газа и прочее. На практике, район морской промышленной разработки углеводородов представляет собой обширные акватории, могущие охватывать морские пространства радиусом около 10–20 морских миль из точки установки буровой установки. На размеры района морской добычи влияют многочисленные факторы, включая тип буровой (плавучая, полупогруженная, стационарная) и климатические условия района добычи, наличие морских сил обеспечения (буксиры, спасательные суда, транспортные танкера, бункеруемые для транспортировки и танкера аварийного хранения, другие суда обеспечения. Указанные обстоятельства требуют учета в договорах перевалки, определяющих отношения между грузо/судо владельцами и операторами морских месторождений.

Международно-правовые нормы не регулируют операции по перевалке в местах морской добычи. Известные конвенции определяют общий порядок морской транспортировки грузов и, в основном, сосредоточены на регламентации оборота договорных и транспортно-распорядительных документов в операциях по направлению «порт-порт». Операции «судно-хранения-судно танкер-доставщик-порт» упомянутыми конвенциями не регламентированы. Вместе с тем, в виду практической необходимости компании, вовлеченные в процесс оборота морской добычи и доставки вынуждены самостоятельно разрабатывать документы по перевалки углеводородов на морских месторождениях. Государства по разному «удалены» от процесса нормативного регулирования данных операций. Некоторые издаю специальные законы, другие предлагают к использованию «наилучшие практики», однако, практически все сводят нормативные положения к содержанию Приложения 1 МАРПОЛ, что вряд ли может обеспечить ясное и унифицирован-

ное конструирование договорных отношений по перевалке в морских удаленных районах добычи.

Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации допускает осуществление перевозки грузов, погрузки (выгрузки) грузов, однако только между портами. Порядок перевалки грузов вне портовых акваторий Кодексом не определен.

Применительно к «морской перевалке» следует констатировать, что по *договору перевалки в офшорных районах (вне акваторий портов) одна сторона «грузовладелец» (или его представитель) выгружает с одновременной передачей на борт судна «перевозчика» груз, определенный в приложении к договору...». Указанное соглашение может быть и трехсторонним, если перевалка осуществляется в условиях контроля и обеспечения безопасности со стороны руководителя морского месторождения, частично выполняющего обязанности капитана офшорной акватории (по аналогии с капитаном порта.).*

Если перевалка осуществляется в морских районах, находящихся под юрисдикцией РФ, а участники перевалки под российским флагом, то регламентация операций по перевалки регламентируется российскими нормативными источниками. Гражданский кодекс РФ констатирует необходимость соответствия договора императивным законодательным нормам, действующим в момент его заключения. Однако, ситуация потребует международно-правового регулирования, – случись одному из участников быть зарегистрированным в иностранном государстве, – именно поэтому, по мнению автора, необходимо разработать унифицированные правила морской (в пространствах, расположенных вне российской юрисдикции) перевалки.

В России до настоящего времени не удалось построить логически и юридически непротиворечивую систему законодательных и нормативных требований, устанавливающих исчерпывающий набор технических, технологических и экологических требований и ограничений при развитии морской нефтегазовой отрасли. Полагаем необходимо принять комплексный нормативный источник по всем вопросам производственной деятельности на континентальном шельфе, который бы также регулировал взаимоотношения государственных надзорных органов и добывающих компаний, детерминировал правовой статус искусственных сооружений и иного оборудования, используемого в морских районах производственной деятельности, устанавливал принципы обеспечения безопасности и порядок взаимодействия частных добывающих компаний с ВМФ и Береговой охраной Пограничной службы ФСБ России.

Если рассматривать морской договор как основание возникновения обязательного правоотношения или как само правоотношение, возникшее из этого основания, или как документ, в котором закреплён факт установления обязательств, то он представляет собой юридический факт. А если на все стороны распространяется российская юрисдикция, то применяются положения ст. 420 ГК

РФ, в соответствии с которой договор признается соглашением двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. На этот договор будут распространяться нормы национального (если морское месторождение на континентальном шельфе или в акватории ИЭЗ) и международного права.

Как указывает в своей работе Хабибулаев А.Х. [6] если договор перевалки в морском месторождении является самостоятельным (и обязательства сторон не включены в договор перевозки), то он должен признаваться реальным, двусторонним (или трехсторонним при участии оператора месторождения) и возмездным. Также он отмечает: чартер, как договор перевозки груза, имеет консенсуальный характер и это по сути способствовало тому, что в КТМ РФ есть определение договора перевозки груза отличное от определения в ГК РФ и которое указывает на консенсуальный характер договора.

Между тем, если обязательства по приему груза на морском месторождении включаются в договор по перевозке груза по чартеру или коносаменту, то некоторые авторы [7,8] реальным такой документ не считают.

Статья 785 ГК РФ [12] говорит, что «по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату». В этом случае договор перевозки требует передать груз перевозчику, значит можно его представить как реальный. Что касается иных договоров морской перевозки, то чартер признать реальным нельзя, а договор перевозки по коносаменту не всегда будет являться реальным. Учитывая вышеизложенные положения, отметим двойственность договора морской перевозки груза, он может быть как консенсуальным, так и реальным.

Витрянский В.В. отмечает: «представляется, что консенсуальный характер договора перевозки, когда обязанность доставить в пункт назначения определенный груз на согласованных сторонами условиях возникает не из факта передачи груза, а из соглашения сторон, является предпочтительным, в особенности с точки зрения защиты прав и законных интересов грузоотправителя». [9]

Субъектами обязательства по морской перевалке являются как перевозчик, так и грузоотправитель (фрахтователь). Основной чертой, которая характеризует принимающее судно как перевозчика является факт заключения договора от своего имени, однако перевозчиком может являться как собственник судна, так и лицо, эксплуатирующее судно на ином законном основании (фрахтователь судна по договору тайм-чартера или бербоут-чартера). Фрахтователь по рейсовому чартеру или отправитель груза по коносаменту также вправе вступить в субдоговор с третьим лицом – грузовладельцем.

Известно, что Брюссельская конвенция 1924 г. не детерминирует «перевозчика», лишь британ-

ское законодательство при его определении делает акцент на то, кто является стороной в договоре перевозки груза и кто, судовладелец или фрахтователь, выписывает коносамент.

Вопрос о включении договорных обязательств по морской перевалке в коносамент остается открытым.

В своей работе Косовская В.А. [10] отмечает, что понятие «отправитель» международными конвенциями не определено и применительно к передающему терминалу на морском месторождении может быть употреблено в двух различных значениях:

- сторона договора морской перевозки груза, заключенного без предоставления для перевозки всего судна, его части или определенных судовых помещений;
- это лицо, от своего имени сдавшее груз перевозчику.

Отметим также некоторые отличия международной морской перевозки груза от перевозки внутреннего сообщения:

- по источникам правового регулирования;
- стороной является иностранное физическое или юридическое лицо;
- отличия в порядке оформления договора перевозки, в его условиях, а также в порядке разрешения возможных споров.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы, что в российском морском праве договор перевалки имеет отношении только к акваториям портов и представляет собой разновидность договора возмездного оказания услуг, обязательство сторон по которому определяются российским законодательством. Договор по оффшорной перевалке на месторождении – либо отдельный возмездный договор по погрузке вне акваторий порта, либо представляет собой перечень и порядок оказания услуг по грузовым операциям в составе коносамента или чартера, на который распространяются положения норм международного права и которые могут быть учтены в специализированной договорной проформе.

Что касается перевалки в районах морских месторождений, несмотря на активную практику, подобной проформы пока не принято. Данное обстоятельство понуждает компании, вовлеченные в шаттл-перевозки с морских месторождений разрабатывать и использовать собственные проформы. Проект такой проформы может быть разработан на основе изучения практики как отечественных участников рынка перевозок, так и зарубежных компаний, включая крупнейшего владельца и оператора челночных танкеров – компании Teekay Shuttle Tankers L.L.C., образованной в 2017 г. и ставшей основным международным поставщиком услуг по морским перевозкам из районов добычи, хранению, и обслуживанию объектов морского бурения.

В отличие от машинизированной формы, принятой в БИМКО, предполагаемая проформа может быть выполнена в виде обычного соглашения, содержащего типовые положения с возмож-

ностью включения уникальной информации, имеющей отношение к описанию сторон и их обязательств (мы предлагаем назвать эту проформу «Transshipment 2020»).

Известно, что с 2016 г. Министерство транспорта РФ предпринимает усилия по проектированию положений КТМ РФ, закона РФ «О портах» с целью внедрения положений о перевалки грузов. В 2019 г. Минтрансом был представлен проект типовых форм договора об организации работы по обеспечению перевалки грузов в морском порту. Вместе с тем, указанные проекты имели отношения только к перевалке на портовом терминале, а практика ресурсодобывающей деятельности требует правового обеспечения разработки оффшорных месторождений, что несомненно требует соответствующего правового обеспечения.

Литература

1. Богоявленский В.И. Перспективы и проблемы освоения месторождений нефти и газа шельфа Арктики // Морской сборник. Том 1983. № 6. 2012. С. 50–58.; См. так же Специализированный журнал «Бурение и Газ». Электронный ресурс. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2012-11/1> (дата доступа 15.05.2020)
2. Филиппов А.В. Нефть и газ – морское продолжение земной истории // Нефтегазовая вертикаль. № 3. 2013. С. 104–107; См. так же Электронный ресурс. URL: <http://www.ngv.ru/upload/iblock/7c6/7c69c7f291bf54b38baeabeb3a1c3bfa.pdf>
3. Разработка морских месторождений // Горная энциклопедия. Электронный ресурс. URL: <http://www.mining-enc.ru/r/razrabotka-morskix-mestorozhdenij> (дата доступа 15.05.2020)
4. www.clarksons.net/portal. *Clarksons Research* – одна из наиболее авторитетных компаний, занимающихся оценкой аналитических данных по глобальным морским перевозкам.
5. The Review of Maritime Transport 2019. UN publication issued by the United Nations Conference on Trade and Development / UNCTAD RMT/2019.
6. Хабибулаев А.Х. Институт морской перевозки груза в системе российского и международного частного права (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты). Автореферат диссертации. Санкт-Петербург, 2008. <http://lawtheses.com/institut-morskoy-perevozki-gruza-v-sisteme-rossiyskogo-i-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava#ixzz6NB6xQEId>
7. Иванова С.Г. Договор перевозки как разновидность договора возмездного оказания услуг // Российское государствоведение. 2016. № 4. С. 44–67
8. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации / Под ред. Г.Г. Иванова. М., 2000. С. 189–190.
9. Брагинский М.И., Витрянский. Договорное право. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. Книга четвертая. 2006. Электронный ресурс. URL: <https://jurisprudence.club/grajdanskoe-pravo-uchebnik/dogovornoe-pravo-dogovoryi-perevozke.html>
10. Косовская Виктория Александровна. Морская перевозка груза как частноправовой институт: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Санкт-Петербург, 2006. 160 с.: ил.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020) // СПС Консультант Плюс.

ELEMENTS OF A CONTRACT FOR THE TRANSSHIPMENT OF CARGO FROM OFFSHORE FIELDS

Skaridova M.A.

Admiral Makarov State Maritime University

Currently, there is an objective need for transshipment of cargo from ship to ship. Operations on transshipment of cargo from ship to ship (storage facility) are not determined by international treaties, however, modern practice is increasingly diverting production from the sea coast and raises legal issues of contractual relations of transshipment and transportation, as well as cargo clearance as an object of commercial activity. The author tries to formulate the main contractual elements and formulate individual requirements for a possible contractual proforma.

Keywords: offshore field, offshore production, elements of a transshipment contract, contractual proforms.

References

1. Epiphany V.I. Prospects and problems of development of oil and gas fields in the Arctic shelf // Marine collection. Volume 1983. No. 6. 2012.S.50–58.; See also Specialized Journal “Drilling and Gas”. Electronic resource. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2012-11/1> (access date 05/15/2020)
2. Filippov A.V. Oil and gas – a marine continuation of earthy history // Oil and Gas Vertical. No. 3. 2013. S. 104–107; See also Electronic resource. URL: <http://www.ngv.ru/upload/iblock/7c6/7c69c7f291bf54b38baeabeb3a1c3bfa.pdf>
3. Development of offshore deposits // Mountain Encyclopedia. Electronic resource. URL: <http://www.mining-enc.ru/r/razrabotka-morskix-mestorozhdenij> (access date 05/15/2020)
4. www.clarksons.net/portal. *Clarksons Research* is one of the most reputable global shipping companies in the world.
5. The Review of Maritime Transport 2019. UN publication issued by the United Nations Conference on Trade and Development / UNCTAD RMT / 2019.
6. Khabibulaev A. Kh. Institute of the sea transportation of cargo in the system of Russian and international private law (historical-legal and theoretical-legal aspects). Abstract of dissertation. St. Petersburg, 2008. <http://lawtheses.com/institut-morskoy-perevozki-gruza-v-sisteme-rossiyskogo-i-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava#ixzz6NB6xQEId>
7. Ivanova S.G. The contract of carriage as a form of contract for the provision of services // Russian state science. 2016. No 4. P. 44–67
8. Commentary on the Merchant Shipping Code of the Russian Federation / Ed. G.G. Ivanova. M., 2000.S. 189–190.
9. Braginsky M.I., Vitryansky. Contract law. Contracts for transportation, towing, freight forwarding and other services in the field of transport. Book Four. 2006. Electronic resource. URL: <https://jurisprudence.club/grajdanskoe-pravo-uchebnik/dogovornoe-pravo-dogovoryi-perevozke.html>
10. Kosovskaya Victoria Alexandrovna. Sea shipping as a private law institution: the dissertation ... of the candidate of legal sciences: 12.00.03. St. Petersburg, 2006.160 pp., ill.
11. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14-ФЗ (as amended on 03/18/2019, as amended on 04/28/2020) // ATP Consultant Plus.

К вопросу о некоторых проблемах применения гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности

Чернышова Елизавета Валерьевна,

студент, Юридическая школа, Дальневосточной федеральный университет

E-mail: chernyshova.ev@students.dvfu.ru

В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности, а также предложенные пути их решения, анализируется зарубежный опыт, а также международное законодательство. В результате проведенного исследования предлагается внести ряд изменений в действующее законодательство о гражданско-правовой ответственности в медицинской сфере деятельности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, медицинская деятельность, врачебная ошибка, страхование риска, медицинские работники, момент рождения, эмбрион, договорная ответственность, внедоговорная ответственность.

Издrevле, занятие медицинской деятельностью было одновременно почитаемым и весьма опасным занятием, поскольку риск совершенных ошибок мог привести не только к утрате деловой репутации, но и к наиболее страшному исходу – утрате человеческой жизни. И хотя основным видом юридической ответственности в мировой истории являлась уголовная, реализуемая через вынесение смертных приговоров врачам, древнейшие памятники права также свидетельствуют и о зачатках материальной ответственности за совершенное деяние. Так, согласно Законам Ману, причинение вреда пациенту грозило уплатой штрафа для врача, размер которого находился в зависимости от касты больного. [1, с.108] И хотя законодательство Древней Индии еще не в полной мере могло различать правонарушения по степени вреда, а также осознать необходимость восстановления нарушенного положения перед самим потерпевшим, а не только перед государством, следует предположить, что имущественные лишения такого характера могли быть прародителями нынешней гражданско-правовой ответственности.

Для дальнейшего обсуждения необходимо уяснить, что, являясь институтом Общей части гражданского права, гражданско-правовая ответственность, в аспекте ее применения в медицинской сфере, не меняет своего внутреннего содержания и основной ее отличительной чертой применения являются лишь участие специфических субъектов – медицинских организаций любой организационно-правовой формы и физического лица в качестве врача. Однако именно общее регулирование и приводит к некоторым законодательным проблемам.

Согласно распространенной классификацией (в зависимости от основания возникновения) гражданско-правовой ответственности выделяют – договорную и внедоговорную. Наступление договорной ответственности непосредственно связано с нарушением обязательств в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения медицинской организацией условий договора. Данный вопрос регулируется как Гражданским кодексом, так и Законом РФ «О защите прав потребителей». [2] Согласно первому, в случае неисполнения договора заказчиком он должен возместить оплату фактических расходов второй стороне по договору, в случае же неисполнения исполнителем, последний обязан полностью возместить убытки своему контрагенту. Также, для заказчика представляется возможным потребовать от ис-

полнителя возмещения убытков, если исполнитель не приступает к исполнению обязательства в срок либо если во время работы станет очевидно, что обязательство не может быть исполнено надлежащим образом исполнено. [3] Закон РФ «О защите прав потребителей» преимущественно регулирует вопрос качества оказанной услуги, в том числе медицинской, и обязует исполнителя оказывать услугу качественно или же по обычно применяемым требованиям. В случае нарушения потребителем исполнитель несет ответственность, предусмотренную законом или договором. [4]

Тем не менее, постановка такого значимого фактора как «качество оказания медицинской услуги» под условие обычно применяемых требований в связи с особенностью предмета оказания данной услуги – человеческой жизни, на что ссылаются также и подзаконные акты, не раскрывая соответствующего понятия, представляется нецелесообразным [5]. Так как помимо профессиональных факторов, на лечении пациента также могут повлиять и экономические, социальные факторы, а также условия окружающей среды. [6]

Несмотря на то, что правовое регулирование медицинской деятельности для Российской Федерации не является новшеством, а жизнь и здоровье человека можно выделить в качестве первостепенного вопроса для социального государства, представляется невозможным одностороннее регулирование отношений в области медицины. А именно отсутствие института страхования ответственности медицинских работников.

Основополагающий нормативно-правовой акт в сфере здравоохранения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в своем содержании не дает определение, часто употребляемому в практике, термину «врачебная ошибка». Однако данное понятие существует и широко употребляется в мотивировочной части судебных решений, где судьи определяют его исходя из литературного значения, как «ошибку врача при исполнении своих профессиональных обязанностей, имеющую в своей основе несовершенство современной науки, незнание или неспособность использовать имеющиеся знания на практике». [7] Таким образом в связи с отсутствием легального определения, законодатель допускает возможность того, что практически любое действие врача, совершенное с неблагоприятным для пациента результатом, может рассматриваться как врачебная ошибка и послужит основанием для привлечения к ответственности не только к гражданской, но вплоть и до уголовной. Более того, в России отсутствуют статистические показатели, которые могли бы в полной мере оценить масштаб потенциальной угрозы для врачей в несении ответственности возможно и за действия от них не зависящие.

Законодательно предусмотрена обязанность осуществления страхования медицинской организации на случай причинения вреда жизни и (или)

здоровью пациента [8]. Однако она направлена на формирование защищенного положения получателя услуги, так как объектом страхования выступает имущественные интересы, связанные с оплатой организации и оказания медицинской и лекарственной помощи (медицинских услуг), тогда как непосредственно специалист, оказывающий эту услугу остается в стороне, тем самым ставя всю осуществляемую деятельность под угрозу [9]. И хотя возможность страхования рисков частнопрактикующего врача также предусмотрена законодательно, она носит исключительно декларативный характер несмотря на то, что именно данная категория граждан менее защищена в случае наступления обязанности по возмещению имущественного или морального вреда [8]. Именно данный механизм является формой правовой и социальной защиты медицинских работников от непредвиденных обстоятельств профессиональной деятельности, куда и входит врачебная ошибка, в частности ошибка в установлении диагноза, в выписки лекарственных препаратов. Реализация данного института было бы справедливым решением, так как неправомерно применять меры ответственности к медицинскому работнику в следствии несовершенств медицинской науки или индивидуальных особенностей организма пациента [10, с.49].

Подобный институт существует в зарубежных странах и реализуется несколькими способами. Так, система страхования профессиональной ответственности медицинских работников США существует в двух видах. Согласно первому, страховая компания берет на себя обязанность выплачивать компенсации по всем жалобам об ущербе здоровью в течение года – период действия выданного страхового полиса. При этом время возникновения ущерба не имеет значения. Другой вариант предполагает внесение компенсаций за те жалобы, которые имели место в том же году [11].

Тем не менее в реалиях Российской Федерации такой подход может быть не реализован. Связано это в первую очередь с тем, что большая часть населения проходит лечение в муниципальных или государственных медицинских учреждениях, а условия, на которых страховые компании осуществляли бы такую деятельность были бы слишком обременительны для частнопрактикующих врачей.

В связи с чем, разумной представляется идея введения института обязательного страхования риска профессиональной ответственности медицинского работника. Где объектом страхования будут выступать имущественные интересы врача, как физического лица, связанные с ответственностью, возникшей в связи с причинением вреда жизни и здоровью граждан, морального вреда, с договорной ответственностью.

В направлении развития данного института двигаются и депутаты Государственной Думы РФ. Парламентарий Борис Менделевич указал на то, что врачи обеспокоены отсутствием нормативного

регулирования вопросов отграничения стандартных и непредвиденных реакций человеческого организма, что приводит к масштабным судебным разбирательствам. В связи с чем была выдвинута инициатива внесения законопроекта об обязательном страховании профессиональных рисков врачей [12].

Другим проблемным вопросом является возможность наступления гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, здоровью или организма человеческого плода.

На протяжении долгого времени дискуссионным вопросом остается момент отсчета начала человеческой жизни и ее защиты. Традиционно, российское законодательство, как и многие другие страны, признает за человеческим существом статус индивида, а также возникновение гражданской правоспособности, только с момента рождения. Однако законодательство таких стран как Испания, Польша, Ирландия и других признают право на жизнь человека еще до его рождения [13, с.20–21].

Нормы международного права также рассматривают эмбриона как субъекта права и призывает обеспечить правовую защиту в связи с физической и умственной незрелостью еще до рождения ребенка [14].

А так как нормы международного права является неотъемлемой частью российской правовой системы, а Декларация прав ребенка была ратифицирована Российской Федерацией, возникает нестыковка национального и международного законодательства и необходимость приведения первого в соответствии со вторым.

Так, представляется необходимым дополнить гражданское законодательство нормой, предусматривающей ответственность за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью человеческого эмбриона (плода). Состояние беременности является наиболее уязвимым для здоровья женщины и отсутствие специальной регулирующей нормы ставит жизнь матери и ее плода под угрозу, особенно угрозу совершения врачебной ошибки.

Данный вопрос косвенно поднимался в Концепции развития гражданского законодательства РФ, в которой предполагалось расширение детального регулирования 8 главы ГК РФ («Нематериальные блага и их защита»), однако, до нынешнего времени продвижения данного вопроса не наблюдается [15].

Таким образом, существующие законодательные пробелы не позволяют в полной мере и надлежащем объеме реализовать нормы о гражданско-правовой ответственности в связи с отсутствием должной защиты сторон медицинских отношений – как медицинских работников, так и еще не родившихся получателей медицинских услуг, что во многом связано с проблемами юридической техники и отсутствием унифицированной судебной практики в вопросах, касающихся врачебной ошибки.

Литература

1. Сисакьян А.К. К истории юридической ответственности врачей // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – С. 108.
2. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): фед. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
4. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 24.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
5. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
6. Рожкова Е.В. Качество медицинской услуги и его оценка // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/389/30/lang.ru/>
7. Решение Переволоцкого районного суда Оренбургской области: от 16 мая 2014 года. Д. № 2–1144/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/q1PQAe5qzg5m/>
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: фед. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
9. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон от Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 24.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
10. Романовская О.В. Обязанности медицинских организаций // Менеджер здравоохранения. – 2014. – № 5. – С. 49.
11. Риффель А.В. Избранные вопросы медицинского права: моногр. М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=24>
12. В Государственной Думе призвали к обязательному страхованию рисков врачей и созданию института независимых медэкспертов: круглый стол на тему «Медицина и право. Врач и пациент» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/29825/>
13. Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. – Сер. – 14. – 2011. – № 4. – С.20–21.

14. Декларация прав ребенка: резолюция 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс
15. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009, п. 3.5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс

PROBLEMS OF APPLYING CIVIL LIABILITY IN THE IMPLEMENTATION OF MEDICAL ACTIVITIES

Chernyshova E.V.

Far Eastern Federal University

The article considers the problems of legislative regulation of civil liability in the implementation of medical activities, as well as the proposed ways to solve them, analyzes foreign experience, as well as international legislation. As a result of the study, it is proposed to make several changes to the current legislation on civil liability in the medical field.

Keywords: civil liability, medical activity, medical error, risk insurance, medical workers, moment of birth, embryo, contractual liability, non-contractual liability.

References

1. Sisakyan A.K. To the history of doctors' legal responsibility // Law and order: history, theory, practice. – 2015. – P. 108.
2. On the consideration by courts of civil cases in consumer protection disputes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 dated June 28, 2012. [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
3. Civil Code of the Russian Federation (part two): fed. Law of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on March 18, 2019, as amended on April 28, 2020). [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
4. On the protection of consumer rights: the law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 (as amended on 04.24.2020). [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
5. On approval of the Rules for the provision of paid medical services by medical organizations: Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2012 No. 1006. [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
6. Rozhkova E.V. Quality of medical services and its evaluation // Social aspects of public health. 2012. No1. [Electronic resource]. – Access mode: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/389/30/lang.ru/>
7. Decision of the Perevolotsky District Court of the Orenburg Region: dated May 16, 2014. D. No. 2–1144 / 2013. [Electronic resource]. – Access mode: <http://sudact.ru/regular/doc/q1PQA-e5qzg5m/>
8. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Fed. Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on April 24, 2020). [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
9. On the organization of insurance business in the Russian Federation: law from the Law of the Russian Federation of November 27, 1992 No. 4015–1 (as amended on April 24, 2020). [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
10. Romanovskaya O.V. Duties of medical organizations // Health Manager. – 2014. – No. 5. – P. 49.
11. Riffel A.V. Selected issues of medical law: monograph. M., 2008. [Electronic resource]. – Access mode: <https://monographies.ru/en/book/view?id=24>
12. The State Duma called for compulsory insurance of the risks of doctors and the creation of an institute of independent medical experts: a round table on the topic "Medicine and Law. Doctor and patient" [Electronic resource]. – Access mode: <http://duma.gov.ru/news/29825/>
13. Turshuk L.D. Modern problems of civil liability for harm caused by damage to health or the death of a citizen // Bulletin of St. Petersburg State University. – Ser. – 14. – 2011. – No. 4. – P. 20–21.
14. The Declaration of the Rights of the Child: Resolution 1386 (XIV) of the UN General Assembly of November 20, 1959. [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus
15. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation of 07.10.2009, clause 3.5. [Electronic resource]. – Access mode: ATP Consultant Plus

О некоторых аспектах правового регулирования дистанционного банковского обслуживания

Вильская Екатерина Сергеевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: catewil7@gmail.com

В настоящее время система дистанционного банковского обслуживания (ДБО) показывает высокие темпы роста, а также дальнейшие перспективы развития. В данной работе рассмотрены теоретические основы и особенности правового регулирования дистанционного банковского обслуживания. Современные методы информационных технологий предоставляют возможность дистанционно совершать определенные операции с наименьшими временными затратами. В связи с этим они считаются предметом особого интереса в банковской сфере. Особенность практической реализации рассматриваемой темы, определяется тем, что в России она начала своё существование только двадцать пять лет назад. В ходе исследования автором сформулированы выводы о том, что на данный момент, комплексная нормативная база в сфере дистанционного банковского обслуживания отсутствует. Анализ судебной практики показывает, что, в спорах о ДБО между клиентами и банками, судьи чаще принимают сторону клиентов, поскольку банк не является фискальным органом и у него нет прав ограничивать граждан и организации в пользовании их имуществом.

Ключевые слова: дистанционное банковское обслуживание, отдалённый банкинг, банковская система, интернет банкинг, онлайн обслуживание

С увеличением роста количества дистанционных операций возникает потребность в разработке новых способов дистанционного обслуживания клиентов.

Появление системы дистанционного банковского обслуживания (далее-ДБО) начинается с внедрения прообразов банкоматов «банкографа» в City Bank, расположенного в Нью-Йорке в 1962 году. С помощью банкографа клиенты осуществляли операции по пополнению счетов, принятию монет, купюр, чеков, но отсутствовала функция выдачи наличных. В других источниках указано, что благодаря использованию телефонной связи появилась первая попытка введения системы ДБО [17, с. 266].

Первые банкоматы в нашей стране были поставлены Госбанком СССР и Сбербанком СССР в 1989 году. В 1994 году были установлены банкоматы, которые начали обслуживать карты платежных систем таких как EURO CARD и MASTER CARD. В начале 2000-х гг. в России банкоматы имели функцию выдачи наличных, распечатки квитанции и запроса информации об остатке средств на счету [16, с. 135]. Стоит отметить, что банкоматы начали расширять свои функциональные возможности и использовать биометрические технологии для обеспечения безопасности для идентификации клиентов. Так, в России Сбербанк осуществил свой пилотный проект по введению биометрии в банкоматы и POS терминалы в 2017 году.

После появления банкографов на банковском рынке была представлена новая система дистанционного банковского обслуживания – телефонный банкинг. В 1980-ых National Westminster Bank первый ввёл систему телефонного банкинга. Клиенты банка должны были ввести пятизначный код, который позволял получить доступ к управлению своего счёта по телефону. Функции телефонного банкинга позволяли оплачивать счета, переводить по счетам внутри банка, покупать иностранную валюту и т.д. [18, с. 48].

В России система телефонного банкинга появилась в октябре 1997 года. Гутабанк внедрил данную систему для частных клиентов, которая позволяла с помощью стационарного телефона совершать операции со счёта. Несмотря на все преимущества телефонного банкинга данная система не смогла предоставить визуальное изображение во многих странах (включая Россию). В связи с развитием кабельного телевидения в 1980-ых

клиенты могли визуализировать возможность «домашнего банка» и появилась новая система – ТВ банкинг. В 2001 году 30% европейских банков предлагали услуги ТВ банкинга [23, с. 186]. В России данная система не являлась популярным направлением развития в сфере ДБО. Федеральная целевая программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» [11] предполагала, что развитие ТВ банкинга будет развиваться, если увеличить долю распространения интерактивного цифрового телевидения.

Тем не менее наиболее удобное применение дистанционного обслуживания отразилось в РС-банкинге (от англ. Personal computer – персональный компьютер). Под РС банкингом понимают дистанционное банковское обслуживание с использованием персонального компьютера и прямого подключения к банковским серверам для удаленного управления счетами в режиме off-line. На данный момент РС банкинг представлен системой «клиент-банк», которая обслуживает корпоративных клиентов. Работа данной системы заключается в соединении банка с компьютером клиента через телефонную сеть с передачей данных через модем. Также необходимо установить программное обеспечение на компьютере клиента для работы с РС банкингом. В 1982 году данная система начала своё существование в Великобритании под названием «Homelink» и обслуживалась банком Шотландии и телефонной компанией British Telecom для строительной компании Nottingham Building Society. В России система «клиент-банк» появилась в 1980-ых годах. В связи с возрастанием популярности Интернета на основе системы «клиент-банк» в 1990-ых начала развиваться система «интернет-банкинг». Система «интернет-банкинг» удобна в использовании, так как передача данных осуществляется через Интернет, что позволяет быстро совершать банковские операции без привязки к определенному компьютеру с банковским программным обеспечением. Идея создания интернет-банкинга возникла в США в связи с возникшим в Америке ограничением на открытие банками своих филиалов. Кредитным организациям пришлось искать варианты для обхода данного ограничения. Поэтому в 1995 году американский банк Presidential Saving Bank предложил клиентам онлайн доступ к банковским услугам. Далее в 1996 году в США Security First Network Bank появился первый виртуальный банк, который был мобилен в предоставлении информационных технологий в банковском деле, а также безопасным при работе в сети [15, с. 54].

В России первый интернет-банкинг появился в 1998 году под названием «Интернет Сервис Банк» от Автобанка. В 1999 году, спустя время, «интернет-банкинг» начал обслуживать не только корпоративных клиентов, но и частных. Только в 2008 году Сбербанк внедрил систему интернет-банкинга для физических лиц под названием «Электронная сберкасса» [22, с. 88].

С развитием мобильных девайсов появилась другая система под названием «мобильный банкинг». Принято считать, что данная система появилась в 1992 году, когда клиентам финского банка Merita Nordbaken Group отправлялись смс-уведомления. Спустя время мобильный банкинг позволил совершать банковские операции и был широко использован в разных странах.

В начале 2000-ых годов в России использовали WAP (англ. Wireless Application Protocol – беспроводной протокол передачи данных) технологии мобильного девайса, с помощью которого можно было получить банковские информационные услуги. Например, можно было узнать информацию о котировках валютных и фондовых бирж через WAP сервис МДМ-банка.

Основное развитие мобильного банкинга в России пришлось на 2003–2004 гг. Тогда появилась функция совершения транзакций. Мобильный банкинг эволюционировал с SMS-банкинга до Java-банкинга. SMS-банкинг – это один из видов ДБО, предполагающий использование номера мобильного телефона, предварительно зарегистрированного в банке, для доступа и управления счётом в любое время. Java-банкинг предполагает определённое мобильное приложение, которое устанавливается на девайс с помощью которого клиент банка может осуществлять определённые банковские операции через телефон. Первым, кто использовал данную технологию, был «Транспортный Банк». Большая часть известных банков в России осознаёт стремительное развитие мобильных технологий и используют данную систему для удобства своих клиентов [19, с. 32]. Таким образом, история дистанционного банковского обслуживания развивалась долгие годы, но в России она начала своё существование только двадцать пять лет назад.

Понятие ДБО законодательно не закреплено. Ю.Е. Корнилова предлагает такое определение: «Дистанционное банковское обслуживание – это общий термин технологий предоставления банковских услуг на основании распоряжений, передаваемых клиентом удалённым образом (без его визита в банк), чаще всего с использованием компьютерных и телефонных сетей» [21, с. 51]. Также, под дистанционным банковским обслуживанием подразумевают возможность клиента проводить банковские операции с применением различных каналов телекоммуникации, не приходя в банк.

В отечественной и зарубежной практике также применяют термин «home banking», подразумевающий осуществление банковских операций на дому как самостоятельной формы банковских услуг клиентам с помощью использования электронной техники. Стоит отметить, что понятие ДБО рассматривается намного шире и включает в себя обслуживание физических и юридических лиц. Таким образом, термин дистанционного банковского обслуживания заключается в обслуживании клиентов на основании предоставленных ими распоряжений вне банка. ДБО подразумева-

ет удаленный доступ от клиента к банку с использованием таких элементов доступа как смартфон, компьютер и т.д.

Большинство российских банков развивают услуги ДБО для привлечения новых клиентов, повышения качества оказываемых услуг, получения дополнительной прибыли. Статистика говорит о том, что примерно половина банковских учреждений активно внедряет дистанционные формы обслуживания для оптимизации расходов и удобства клиентов [20].

С точки зрения способов организации дистанционного обслуживания клиентов можно выделить следующие наиболее распространенные виды систем:

1. Система «Клиент-банк» – это программный комплекс, который позволяет клиентам производить операции по счету без посещения офиса кредитной организации, с помощью использования персонального компьютера и специализированного клиентского приложения, которое хранит в памяти компьютера все персональные данные, такие как платежные поручения и выписки по счетам, а также список контрагентов.
2. Интернет-банкинг – способ дистанционного банковского обслуживания клиентов, проводимый кредитными организациями в сети Интернет. Любой клиент кредитной организации, может, не выходя из дома выполнять различные банковские операции: обменивать валюту, оплачивать мобильную связь, штрафы ГИБДД, следить за своими расходами.
3. Мобильный банк – это сервис, который позволяет получать информацию об операциях по картам, переводить деньги и совершать другие операции с помощью мобильного телефона. При совершении любой банковской операции по счету банк присылает клиенту СМС.
4. Обслуживание с использованием банкоматов – Любой человек с кредитной или дебетовой картой может получить доступ к большинству банкоматов.

Согласно Стратегии развития банковского сектора разработка и применение кредитными организациями новых банковских технологий позволяет повысить эффективность их деятельности. В связи с этим возник вопрос по формированию нормативно правовой базы [1]. На данный момент комплексная нормативная база отсутствует. Лишь небольшой перечень нормативно правовых актов регламентирует ДБО.

В настоящее время единственным урегулированным направлением ДБО является его использование в целях совершения безналичного расчета. В данном случае нормативной основой ДБО выступает Гражданский Кодекс РФ. Основанием предоставления ДБО будет выступать договор банка с клиентом [8]. В «Положении о правилах перевода денежных средств» № 383-П, утвержденным Банком России 19.06.2012 подробно рассматриваются формы безналичных денежных средств и правила их перевода [3]. Одной из форм безна-

личного расчёта в данном положении выступает расчет в форме перевода электронных денежных средств.

Регулирование некоторых аспектов ДБО, в частности, порядка совершения платежных операций, прослеживается в Федеральном законе «О национальной платежной системе». Согласно статье 1 данный акт регулирует порядок осуществления перевода денежных средств, использования электронных средств платежа. В законе отражены требования к организации и функционированию платежных систем, порядок осуществления надзора и наблюдения в национальной платежной системе [2].

В отношении противодействия легализации (отмыванию) доходов, которые были получены преступным путём, ДБО будет регулироваться Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Применительно к ДБО данным законом установлены права и обязанности организаций при осуществлении денежных операций и подлежащие обязательному контролю определенные денежные операции [5].

Федеральными законами о «О персональных данных» [4] и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] обеспечивается правовая защита персональных данных в банковской сфере.

Стоит отметить, что в ФЗ «О персональных данных» существует только одна статья (ст. 19), в которой указаны меры безопасности при обработки персональных данных. В данной статье указано от каких посягательств нужно защищать персональные данные: изменения, распространения, копирования, уничтожения, предоставления, блокирования, от неправомерного или случайного доступа к ним. Также в данной статье установлена обязанность оператора по принятию организационных, правовых, технических мер по обеспечению их принятия с целью охраны, защиты персональных данных при их обработке. Отметим, что в п. 2 ст. 19 примерный перечень, который содержит меры по обеспечению безопасности персональных данных, не отражает каких – либо примеров «правовых мер».

Банком России осуществляются определенные попытки регулирования вопроса правовой защиты персональных данных в системах ДБО. Письмо Банка России от 30.01.2009 № 11-Т «О рекомендациях для кредитных организаций по дополнительным мерам информационной безопасности при использовании систем интернет-банкинга» [6] и Письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании» [14] посвящены вопросу безопасности дистанционного банковского обслуживания. Следует учесть, что данные Письма Банка России не носят нормативных характер.

Особый интерес представляет ст. 27 ФЗ «О национальной платежной системе» в части защиты

персональных данных в системе дистанционного банковского обслуживания при проведении платежных операций. В статье указана обязанность оператора по переводу денежных средств, по обеспечении защиты персональных данных и «иной информации, подлежащей обязательной защите в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Следует обратить внимание, что действующее законодательство, которое регулирует систему ДБО, требует совершенствования. Для этого необходимо развить терминологический аппарат и определить название элементов ДБО, и закрепить их в соответствующих нормативно-правовых актах.

Споры с банками в последнее время набирают обороты: клиентам кредитных организаций часто приходится бороться за свои права. Ведь банки отказывают им в обслуживании счетов, проведении операций и даже удерживают у себя их деньги. Как показывает судебная практика, судьи чаще принимают сторону клиентов. Поскольку банк не является фискальным органом и у него нет прав ограничивать граждан и организации в пользовании их имуществом.

Показательным примером правоприменительной практики является дело по исковому заявлению ООО «Амурмехтранс» к публичному акционерному обществу «Сбербанк России» о признании действий ответчика по одностороннему приостановлению оказания услуги дистанционного банковского обслуживания и блокированию (замораживанию) расчетного счета незаконными. Пунктом 4.4.8 Условий банка банку предоставлено право оказать клиенту в исполнении платежного документа, приостановить на неограниченный срок, а также полностью прекратить предоставление услуг по договору. Вместе с тем, приостановив ДБО по системе «Сбербанк Бизнес ОнЛ@йн», банк продолжал выполнение всех обязательств по договору банковского счета с истцом. Кроме того, предоставление платежных документов для осуществления платежных операций в электронном виде является дополнительным, а не общеобязательным для банка. На основании вышеизложенного, оснований для удовлетворения требований истца не имеется [13].

Значительная доля судебных решений связана с взысканием удержанных комиссий, уплаченных штрафов банку. Так, например в судебном деле Арбитражного суда г. Москвы указано, что в качестве основания для удержания денежных средств Истца Банком был указан штраф за неисполнение и/или несвоевременное исполнение запроса Банка, предоставление недостоверных документов и/или предоставление документов, не отражающих экономический смысл проводимых операций. Судом было отмечено, что Федеральный закон № 115-ФЗ и иные НПА, не содержат норм, которые позволяли банкам в качестве мер противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, устанавливать специальное ко-

миссионное вознаграждение или взимать штраф. Взыскание комиссии за непредставление клиентом документов и (или) исчерпывающих пояснений либо представление недостоверных и (или) недействительных документов, формой контроля не является [9].

В ходе рассмотрения следующего судебного дела выявлено, что суды признают в качестве единственного основания для отказа в заключении договора и, соответственно, открытии расчетного счета, если у банка есть основания полагать, что в дальнейшем этот счет будет использоваться для отмывания доходов. Так, АО «Альфа-Банк» в кассационной жалобе указывает, что Банк, отказывая клиенту в заключении договора о расчетно-кассовом обслуживании, осуществлял действия и выполнял обязанности, возложенные на него ФЗ № 115-ФЗ. Суды указали, что единственным основанием для отказа в заключении договора и, соответственно, открытии расчетного счета стало предположение, что в дальнейшем этот счет будет использоваться для отмывания доходов, полученных преступным путем или для финансирования терроризма, согласно уведомлению об отказе в заключении договора о расчетно-кассовом обслуживании в АО «Альфа-Банк» [10].

Исходя из анализа правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными спорами являются:

- 1) о взыскании с коммерческой организации суммы неосновательного обогащения. Как правило, поводом для обращения в таких случаях служит установление Банком штрафных санкций за несвоевременное исполнение или же за неисполнение запроса Банка о предоставлении определенных документов, позволяющих сделать вывод о характере финансовой операции, в проведении которой Клиенту было отказано.
- 2) о признании незаконными действий банка по приостановлению расчетно-кассового обслуживания. В данном случае Банк апеллирует тем, операции Клиента признаны сомнительными, что послужило основанием для приостановления на неопределенный срок обслуживания.
- 3) о признании отказа в заключении договора о расчетно-кассовом обслуживании незаконным и понуждении заключить договор о расчетно-кассовом обслуживании. Отказ правомерен при наличии факторов, указанных ФЗ № 115-ФЗ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 13.08.2001. № 33. Ч. 1. Ст. 3418.

3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 04.07.2011. № 27. Ст. 3872.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
6. Письмо Банка России от 07.12.2007 № 197-Т «О рисках при дистанционном банковском обслуживании» // Вестник Банка России. 12.12.2007. № 68.
7. Письмо Банка России от 30.01.2009 № 11-Т «О рекомендациях для кредитных организаций по дополнительным мерам информационной безопасности при использовании систем интернет-банкинга» // Документ опубликован не был (СПС «КонсультантПлюс»).
8. «Положение о правилах осуществления перевода денежных средств» (утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П) (ред. от 11.10.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2012 № 24667) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.01.2019)
9. Постановление 9 ААС от 15 февраля 2017 г. по делу № А40–111576/2016 // Архив Арбитражного суда г. Москвы
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 февраля 2017 г. по делу № А40–31759/2016). // Архив Арбитражного Суда Московского округа
11. Постановление Правительства РФ от 03.12.2009 № 985 (ред. от 14.12.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 50, 14.12.2009, ст. 6097
12. Решение Арбитражного Суда г. Москвы от 23.01.2017 по делу № А40–224417/2016 // Архив Арбитражного суда г. Москвы
13. Решение Арбитражного суда г. Москвы № А40–219854/16–162–2009 // Архив Арбитражного суда г. Москвы
14. Chou D.C. A Guide to the Internet Revolution in Banking // Information Systems Management. 2000. Vol. 17. Iss. 2. – P. 51–57.
15. Банковское дело: учебник / О.И. Лаврушин под ред., Н.И. Валенцева и др. – Москва: КноРус, 2016. – 800 с. – Для бакалавров. – ISBN978–5–406–04591–6.
16. Банковское дело. Организация деятельности коммерческого банка: учебник для бакалавров 3-е изд. / под ред. Г.Н. Белоглазовой, Л.П. Кроливецкой. СПб.: Питер, 2014. – 400 с.
17. Ванин А., Сумманен К. Банк, который всегда с тобой // Банковские технологии. 1999. № 4. – С. 46–51.
18. Воронцов С. Три типа и три аспекта мобильного банкинга // Банковские технологии. 2008. № 10. – С. 31–33.
19. Заявление Правительства РФ № 1472п-П13, Банка России № 01–001/1280 от 05.04.2011 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» // Вестник Банка России. 20.04.2011. № 21.
20. Корнилова, Ю.А. Дистанционное банковское обслуживание: обзор предложений / Ю.А. Корнилова // Экономика современного предприятия. – 2011. – № 10. – С. 48–54.
21. Медведская Т.К. Интернет-банкинг в системе дистанционного банковского обслуживания в РФ: дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2006. – 172 с.
22. Рудакова О.С. Банковские электронные услуги: Учебное пособие/ Рудакова О.С. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА–М, 2013–400 с.

ON SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF REMOTE BANKING

Vilskaya E.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, the remote banking system (RBS) shows high growth rates, as well as further development prospects. In this paper, the theoretical foundations and features of the legal regulation of remote banking services are considered. Modern methods of information technology provide the ability to remotely perform certain operations with the least amount of time. In this regard, they are considered a subject of special interest in the banking sector. The peculiarity of the practical implementation of this topic is determined by the fact that in Russia it began to exist only twenty-five years ago. During the study, the author formulated conclusions that at the moment, there is no comprehensive regulatory framework in the field of remote banking services. An analysis of judicial practice shows that, in disputes about RBS between clients and banks, judges more often take the side of clients, since the bank is not a fiscal body and it does not have the right to restrict citizens and organizations in using their property.

Keywords: remote service, remote banking, banking system, home banking, online service.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 № 14-ФЗ // SZ RF. 01/29/1996. № 5. Art. 410.
2. Federal Law of 07.08.2001 № 115-ФЗ “On counteracting the legalization (laundering) of criminally obtained incomes and the financing of terrorism” // SZ RF. 08/13/2001. № 33. Part 1. Art. 3418.
3. Federal law of June 27, 2011 № 161-ФЗ “On the national payment system” // SZ RF. 07/04/2011. № 27. Article 3872.
4. Federal Law of July 27, 2006 № 149-ФЗ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // SZ RF. 07/31/2006. № 31. Part 1. Art. 3448.
5. Federal Law of July 27, 2006 № 152-ФЗ “On Personal Data” // SZ RF. 07/31/2006. № 31 (part I). Art. 3451.
6. Letter of the Bank of Russia dated 07.12.2007 № 197-Т “On Risks in Remote Banking Services” // Bank of Russia Bulletin. 12.12.2007. № 68.
7. Letter of the Bank of Russia dated 30.01.2009 No. 11-Т “On Recommendations for Credit Organizations on Additional Information Security Measures when Using Internet Banking Systems” // The document was not published (ATP “Consultant Plus”).
8. “Regulation on the rules for the transfer of funds” (approved by the Bank of Russia 06.19.2012 № 383-P) (as amended on 10/11/2018) (Registered in the Ministry of Justice of Russia 06.22.2012 № 24667) (as amended., entered into force on January 6, 2019)
9. Resolution 9 of the AAC of February 15, 2017 in case No. А40–111576 / 2016 // Archive of the Arbitration Court of Moscow

10. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of February 15, 2017 in case No. A40–31759 / 2016). // Archive of the Arbitration Court of the Moscow District
11. Decree of the Government of the Russian Federation of December 3, 2009 № 985 (as amended of December 14, 2018) "On the federal target program" Development of television and radio broadcasting in the Russian Federation for 2009–2018"// Collected Legislation of the Russian Federation, No. 50, December 14, 2009, St. 6097
12. The decision of the Moscow Arbitration Court of 01/23/2017 in the case No. A40–224417 / 2016 // Archive of the Moscow Arbitration Court
13. Decision of the Moscow Arbitration Court No. A40–219854 / 16–162–2009 // Archive of the Moscow Arbitration Court
14. Chou D.C. A Guide to the Internet Revolution in Banking // Information Systems Management. 2000. Vol. 17. Iss. 2. – P. 51–57.
15. Banking: textbook / O.I. Lavrushin under the editorship of N.I. Valentseva et al. – Moscow: KnoRus, 2016. – 800 p. – For bachelors. – ISBN 978-5-406-04591-6.
16. Banking. Organization of the activities of a commercial bank: a textbook for bachelors 3rd ed. / ed. G.N. Beloglazova, L.P. Krolivetskaya. St. Petersburg: Peter, 2014. – 400 p.
17. Vanin A., Summanen K. Bank, which is always with you // Banking technologies. 1999. No 4. – P. 46–51.
18. Vorontsov S. Three types and three aspects of mobile banking // Banking technologies. 2008. No 10. – P. 31–33.
19. Statement by the Government of the Russian Federation № 1472p-P13, Bank of Russia № 01–001 / 1280 dated 04/05/2011 "On the Development Strategy of the banking sector of the Russian Federation for the period up to 2015" // Bulletin of the Bank of Russia. 04/20/2011. № 21.
20. Kornilova, Yu.A. Remote banking: a review of proposals / Yu.A. Kornilova // Economics of a modern enterprise. – 2011. – No. 10. – P. 48–54.
21. Medvedskaya T.K. Internet banking in the system of remote banking services in the Russian Federation: dis. ... cand. econ. sciences. Rostov-on-Don, 2006. – 172 p.
22. Rudakova O.S. Banking electronic services: Textbook / Rudakova OS – M.: University textbook: INFRA – M, 2013–400 p.

Сравнительный анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья и УК РФ по регулированию ответственности за незаконную рубку леса и нелегальный оборот древесины

Бубнова Татьяна Георгиевна,

преподаватель, ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления», аспирант кафедры уголовного права и процесса, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
E-mail: urist.tatyana17@gmail.com

Объектом исследования выступают общественные отношения, предусматривающие ответственность за нелегальный оборот древесины и незаконную рубку леса в России и странах ближнего зарубежья. Предметом исследования являются положения (нормы) зарубежного законодательства об ответственности за преступления, посягающие на экологические и экономические отношения, связанные с оборотом лесных ресурсов. В исследовании автор проводит сравнительный правовой анализ нормативных актов, действующих в настоящее время. Целью работы является выявление отличительных особенностей уголовного законодательства зарубежных стран в сравнении с нормами УК РФ – ст. 191¹ и 260 УК РФ. На основании проведенного исследования автором отмечается важность изучения зарубежного опыта с целью дальнейшего улучшения правового регулирования ответственности за нарушения, связанные с причинением вреда лесным ресурсам. В качестве методологической основы познания в работе были использованы общенаучные методы: анализ, сравнение, дедукция, индукция и частно-научные: формально-юридический и метод анализа нормативно-правовых актов и иных документов. Научная новизна заключается в проведении детального сравнительного анализа отечественного законодательства и уголовно-правовых норм стран ближнего зарубежья, на основе которого автором выявлены отличительные особенности уголовно-правового регулирования и обращено внимание на специфику уголовно-правовых институтов каждого из них. Результат анализа может быть востребован для разработки рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в лесной сфере, а также послужит методической основой для правоприменителей.

Ключевые слова: зарубежное законодательство, уголовная ответственность, лесные отношения, нелегальный оборот древесины, незаконная рубка леса, сравнительный анализ, лесные ресурсы, отличительные особенности, ближнее зарубежье, экологические преступления.

В последнее время общество особо интересуется вопросами состояния экологии. Можно наблюдать, что сфера правового регулирования всех стран мира затрагивает экологические вопросы. Многие государства особое внимание уделяют лесным отношениям, устанавливая ответственность за преступные посягательства, связанные с незаконной рубкой леса и оборотом древесины. Это вполне логично, так как с каждым годом количество лесных ресурсов сокращается, следовательно, их ценность возрастает. Актуальность исследования обусловлена особой экологической и экономической ценностью леса для каждого государства в виду активного повышения лесной преступности. По причине того, что ответственность за лесные преступления в некоторых зарубежных странах была введена гораздо раньше, чем в России, следовательно, у них сформировалась определенная практика применения норм. В связи с чем, считаем необходимым обратиться к опыту других государств, с целью выявления положений, которые могут стать основой для совершенствования отечественного законодательства.

Действующее уголовное законодательство России содержит несколько составов преступлений, направленных на защиту лесных ресурсов. В частности, в ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] предусмотрена ответственность за нарушения, связанные с незаконной рубкой, а равно повреждением до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере. Значительным размером по данной статье признается ущерб, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей.

В 2014 году законодателем была введена ст. 191¹ УК РФ, основная задача которой состояла в урегулировании отношений по использованию и обороту древесины. В рамках данной статьи предусмотрена ответственность за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенные в крупном размере. Круп-

ным размером признается стоимость незаконно заготовленной древесины, превышающей восемьдесят тысяч рублей, а в особо крупном размере – двести тридцать тысяч рублей.

Статистика преступности по данным нормам в России выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Данные о зарегистрированных преступлениях и назначенном наказании по статьям 191¹ и 260 УК РФ с 2014 по 2018 год

Норма права	260 УК РФ		1911 УК РФ	
	Зарегистрировано	Осуждено	Зарегистрировано	Осуждено
2014	5255	—	14	—
2015	14192	4690	134	5
2016	14233	4458	264	13
2017	17089	4219	223	22
2018	9533	4030	195	11

Исходя из анализа приведенных данных, можно отметить, что из количества зарегистрированных преступлений, количество осужденных лиц по ст. 260 УК РФ практически в 3 раза меньше. Согласно данным, содержащимся в Агентстве правовой информации, на наш взгляд, ситуация с применением ст. 191¹ УК РФ еще более противоречива. Данный вывод обусловлен тем, что количество лиц, привлеченных к ответственности, составляет в среднем в 20 раз меньше, чем рассмотренных дел [2]. Так как чаще всего по причине отсутствия элемента состава преступления или малозначительности деяния, лица освобождаются от ответственности. Следует отметить, что данный показатель свидетельствует о критичности сложившейся ситуации, так как в реальности совершенных преступлений в рамках изучаемой нормы гораздо выше. К сожалению, большинство преступлений остаются не раскрытыми и дела приостанавливаются.

Следовательно, уголовно-правовые методы борьбы с лесными преступлениями оказываются недостаточно продуктивными. Для более эффективного применения отечественного законодательства предлагаем исследовать нормы уголовного законодательства отдельных зарубежных стран, которые обратили внимание на данную проблему раньше, чем в России.

Естественно в силу определенных различий каждая страна регулирует изучаемые деяния в соответствии со своим законодательством и сложившейся практикой, что также обусловлено национальными традициями и политическим устройством.

Во-первых, рассмотрим законодательство Эстонии, которое представляет для нас особый интерес, в том числе по причине того, что между данным государством и Россией выстроены длительные отношения еще с 1920 годов.

Так, например, Уголовный кодекс Эстонии [3] содержит ст. 155 «Незаконная порубка леса. Не-

законная порубка деревьев или кустарников, если она повлекла причинение значительного ущерба по таксам, установленным для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный незаконной порубкой деревьев и кустарников, или если виновный подвергался дисциплинарному или административному взысканию за такое же нарушение».

Данная норма, в отличие от ст. 260 УК РФ предусматривает дисциплинарную и административную преюдицию, а именно наступление уголовной ответственности за повторное совершение административного правонарушения или дисциплинарного проступка. Действующее административное законодательство России предусматривает ответственность за рубку леса по ч. 1 ст. 8.28 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [4]. Различие ст. 260 УК РФ и ч. 1 ст. 8.28 КоАП РФ заключается в размере причиненного ущерба. При этом данная уголовная норма не предусматривает наступление ответственности при совершении правонарушения, предусмотренного нормой КоАП РФ.

Некоторые ученые спорят о целесообразности введения данного института в виду наличия проблем применения уголовного закона. Ряд авторов указывают на то, что административная преюдиция при ее грамотном использовании может стать эффективным средством противодействия преступности и будет способствовать достижению следующих основных результатов: повысит эффективность практического применения уголовного законодательства, обеспечит реализацию принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения [5]. На наш взгляд, стоит рассмотреть возможность применения преюдиции в том случае, когда лицо многократно совершает правонарушение. Так как это свидетельствует о том, что применение административного наказания не достигло цели, заключающейся в предупреждении совершения новых противоправных деяний.

В апреле 2000 года в УК Эстонии была введена статья 155_3: «Нарушение требований, предъявляемых к сделкам, совершаемым с лесоматериалами, и к перевозке лесоматериалов, совершенным после применения к виновному административного взыскания за такое же нарушение. Нарушение требований к перевозке лесоматериалов либо к сделкам, предметом которых являются право рубки леса на корню и лесоматериалы, а также требований к передаче леса на корню под рубку, если виновный подвергался административному взысканию за такое же нарушение».

Таким образом, в Эстонии уже в 2000 году были приняты меры, направленные на криминализацию незаконного оборота древесины. Что на наш взгляд, является положительным моментом и хорошим примером для других стран. Что касается России, то лишь спустя 14 лет была введена отдельная норма за указанные деяния. Обратим внимание на то, что в отличие от ст. 191¹ УК РФ, в ст. 155_3 УК Эстонии содержится более чем ши-

рокое понятие для определения объективной стороны, которая выражена в форме сделок, совершаемых с лесоматериалами.

В соответствие со ст. 153 Гражданского кодекса РФ [6] сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом законодатель Эстонии решил отдельно выделить перевозку лесоматериалов. Однако, в преступлениях, связанных с незаконным оборотом древесины, перевозка не является самым существенным элементом объективной стороны. В свою очередь, в ст. 191¹ УК РФ разумно установлен исчерпывающий список альтернативных действия объективной стороны. На наш взгляд, отечественное законодательство выделило самые основные действия, которые совершаются с лесоматериалами с целью сбыта.

Стоит предположить, что предмет исследуемых статей является единым, так как с оригинального перевода эстонское слово *ruit* переводится как дерево, лесоматериалы и древесина.

В Уголовном кодексе Грузии [7] имеется статья 303: «Незаконная порубка деревьев и кустарников. 1. Незаконная порубка деревьев и кустарников, повлекшая значительный ущерб». К тому же в ч. 2 ст. 303 УК Грузии имеется квалифицирующий состав, указывающий на повышенную ответственность за деяние, совершенное неоднократно. В отличие от УК Грузии, в рамках уголовного законодательства России такой признак как неоднократность был исключен из большинства составов преступлений.

Уголовный кодекс Казахстана [8] содержит статью 340 с внесением изменений в июле 2018 года: «1. Незаконная порубка, уничтожение или повреждение деревьев и кустарников, не входящих в лесной фонд и запрещенных к порубке, кроме деревьев и кустарников на приусадебных, дачных и садовых участках, а равно уничтожение или повреждение лесных культур, сеянцев либо саженцев в лесных питомниках и на плантациях, а также молодняков естественного происхождения, подростов, либо самосевов на площадях, предназначенных для воспроизводства лесов и лесоразведения».

Часть 2 ст. 340 УК Казахстана: «Незаконная порубка, уничтожение или повреждение деревьев и кустарников, входящих в лесной фонд». Квалифицирующие признаки отражены в ч. 3, 4 ст. 340 УК Казахстана, в которых указано на совершение деяний неоднократно, лицом с использованием своего служебного положения, с причинением крупного ущерба; на особо охраняемых природных территориях и преступной группой». Содержание статьи объединяет в себя ответственность двух норм – ст. 260 и 261 УК РФ, предусматривающих незаконную рубку леса и причинение вреда лесным ресурсам.

Республика Кыргызстан содержала более подробный состав преступления в Уголовном кодексе от 1 октября 1997 года № 68 [9]: ст. 279: «Незаконная порубка деревьев и кустарников». Часть

(1) ст. 279 УК Кыргызстана следующего содержания: «Незаконная порубка, а равно повреждение до степени прекращения роста деревьев и кустарников в лесах либо защитных или озеленительных зонах, не входящих в государственный лесной фонд, если эти действия повлекли причинение значительного ущерба, а равно незаконная порубка или повреждение до степени прекращения роста особо охраняемых деревьев в любых местах». Однако с 1 января 2019 года УК Кыргызстана утратил силу, в новом Уголовном кодексе имеется статья аналогичного содержания. К тому же в ст. 288 нового УК Кыргызстана [10] появилось наказание в виде лишения свободы.

В свою очередь, законодатель в ч. 1 ст. 279 УК Кыргызстана отдельное внимание уделяет специальной категории леса, а также особо ценным породам деревьев.

Также в примечании по аналогии со ст. 260 УК РФ законодатель Республики Кыргызстан дает понятие значительного ущерба, под которым понимается исчисленный по установленным таксам ущерб, в двадцать раз превышающий минимальную месячную заработную плату, установленную законодательством Кыргызской Республики на момент совершения преступления, а под крупным размером – в сто раз. Исходя из содержания, следует, что законодатель не применял специальную методичку, при подсчете причинения вреда, а лишь привязывался к заработной плате.

Часть (2) указанной статьи содержит квалифицирующие признаки, а именно совершение незаконных действий: 1) повлекших причинение крупного ущерба; 2) неоднократно; 3) лицом с использованием своего служебного положения. И снова мы встречаем неоднократно в качествеотягающего признака преступления, как в законодательстве Грузии. Остальные пункты аналогичны ст. 260 УК РФ, кроме дополнительного квалифицирующего признака – группа лиц.

Далее рассмотрим ст. 234 УК Таджикистана [11]: «Незаконная порубка деревьев и кустарников. 1. Незаконная порубка, а равно повреждение до степени прекращения роста деревьев, кустарников и лиан в лесах первой группы либо в особо защитных участках лесов всех групп, а также деревьев, кустарников, лиан, не входящих в лесной фонд или запрещенных к порубке, если эти деяния совершены в значительном размере. 2. Незаконная порубка, а равно повреждение до степени прекращения роста деревьев, кустарников и лиан в лесах всех групп, а также насаждений, не входящих в лесной фонд, если эти деяния совершены: а) повторно; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) в крупном размере».

Уголовный кодекс Туркменистан [12] содержит статью 322: «Незаконная порубка деревьев и кустарников. (1) Незаконная порубка, а равно повреждение до степени прекращения роста деревьев и кустарников в лесах первой группы либо в особо защитных участках лесов всех групп, а также деревьев и кустарников, не входящих

в государственный лесной фонд или запрещенных к порубке, если эти действия повлекли причинение значительного ущерба. (2) Незаконная порубка, а равно повреждение до степени прекращения роста деревьев и кустарников в лесах всех групп, а также насаждений, не входящих в государственный лесной фонд, если эти действия совершены:

- а) повторно.
- б) лицом с использованием своего служебного положения.
- в) в крупном размере».

Примечание содержит понятие значительного размера в настоящей статье, под которым признается исчисленный по установленным таксам ущерб, в пять раз превышающий среднемесячный размер оплаты труда, установленный законодательством Туркменистана на момент совершения преступления, крупным размером в двадцать пять раз.

Уголовное законодательство Таджикистана и Туркменистан также содержат квалифицирующий признак – повторность совершения деяния.

Уголовный кодекс Азербайджана [13] имеет свои особенности. Статья 259: «Незаконная порубка деревьев» УК Азербайджана предусматривает ответственность за незаконную порубку деревьев или кустарников в лесах, заповедных лесах, национальных или естественных парках, выполняющих функции защитного, санитарно-гигиенического и оздоровительного характера, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба».

Отличительным признаком от ст. 260 УК РФ данной нормы УК Азербайджана можно назвать указание на особый статус леса, тем самым подчеркивая важность его функций.

В Уголовном кодексе Украины [14] ответственность за аналогичные деяния закреплена в ст. 246. Указанная норма сочетает в себе деяния ст. 260 УК РФ и 191¹ УК РФ: «Незаконная порубка или незаконная перевозка, хранение, сбыт леса. 1. Незаконная порубка деревьев или кустарников в лесах, защитных и других лесных насаждениях, перевозки, хранение, сбыт незаконно срубленных деревьев или кустарников, причинившие существенный вред». В частях 2, 3, 4 содержатся квалифицирующие и особо квалифицирующие составы:

- те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц;
- действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в заповедниках или на территориях, или объектах природно-заповедного фонда, или в других особо охраняемых лесах;
- действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия.

В примечании к статье дается понятие, что является существенным вредом – это вред, который в двадцать и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан, или другая существенный вред, причиненный окружающей среде в части обеспечения эффективной охраны, надлежа-

щей защиты, рационального использования и воспроизводства лесов. В этой статье тяжелыми последствиями считаются такие последствия, которые в шестьдесят и более превышают необлагаемый минимум доходов граждан.

В Уголовном кодексе Молдавии [15] имеется ст. 231: «Незаконная порубка леса. Незаконная порубка деревьев и кустарников лесного фонда или природных территорий, охраняемых государством, совершенная: а) лицами, ответственными за охрану и защиту леса; б) в крупных размерах».

Особенностью ст. 231 УК Молдавии заключается в указании на специальный субъект состава преступления – лицо, которое ответственно за охрану и защиту леса.

В Уголовном кодексе Белоруссии [16] ответственность определена в статье 277, имеющее очень схожее содержание со ст. 260 УК РФ: «Незаконная порубка деревьев и кустарников 1. Незаконные порубка или повреждение до степени прекращения роста деревьев и кустарников в лесах первой группы либо порубка или повреждение не входящих в лесной фонд защитных и озеленительных насаждений (незаконная порубка деревьев и кустарников), повлекшие причинение ущерба в крупном размере».

В части 2 указывается на незаконную рубку в эксплуатационных лесах, а ч. 3 делает упор на особо крупный размер причиненного ущерба. Согласно примечанию, ст. 275 УК Белоруссии, особо крупным размером ущерба в настоящей статье признается размер ущерба на сумму, в пятьсот и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Уголовный кодекс Латвии [17] содержит статью 109, в которую в 2012 году были внесены изменения и дополнения: «Самовольная порубка деревьев в чужом лесу или на другом чужом земельном участке». В части 2 ст. 109 УК Латвии законодатель делает упор на защиту деревьев от незаконной порубки особо охраняемой государством природной территории или объекта, в парке, на дендрологическом объекте, на земельной или водной защитной полосе, в городской зеленой зоне или в других защитных полосах или зонах. Часть 3 данной статьи имеет квалифицирующий состав, который предусматривает ответственность за причинение существенного вреда.

Уголовный кодекс Литвы [18] содержит статью 273: «Незаконная порубка леса либо уничтожение болот. 1. Тот, кто без разрешения вырубил либо иным способом уничтожил более одного гектара своего леса, либо осушил болото. 2. За деяния, предусмотренные настоящей статьей, ответственность несет и юридическое лицо». Особенность статьи заключается в том, что часть 2 предусматривает ответственность за деяния, совершенные юридическим лицом. Согласно ст. 19 УК РФ ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста.

Уголовный кодекс Узбекистана [19] в статье 198: «Повреждение, уничтожение посевов, леса или других насаждений в результате неосторожного обращения с огнем, повлекшее причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия». Законодательство Узбекистана не предусматривает ответственность за рубку леса, а лишь причинение вреда.

Проанализировав законодательство стран ближнего зарубежья, мы отметим особенности регулирования уголовной ответственности. Уголовное законодательство многих стран ближнего содержит нормы, имеющие схожий состав преступления со ст. 260 УК РФ, отличаясь лишь видом наказания и размером причинного ущерба (Грузия, Украина, Латвия, Литва, Казахстан, Белоруссия, Узбекистан).

На наш взгляд, это обусловлено тем, что ранее государства входили в состав СССР и развивались в одном направлении, а также ряд стран входят в состав СНГ.

При этом мы обратили внимание на то, что действующее законодательство многих стран не имеет систему и единого подхода к ответственности. В некоторых странах и вовсе отсутствует какая-либо ответственность за нелегальный оборот древесины. Считаем данный факт серьезным пробелом в законодательстве многих стран ближнего зарубежья.

Однако некоторые государства гораздо раньше приняли меры по совершенствованию лесного законодательства и криминализации действий, связанных с незаконной рубкой леса и нелегальным оборотом древесины, которые обладают определенным своеобразием и имеют отличительные особенности:

- специальный субъект (Молдавия, Литва);
- административная и дисциплинарная преюдиция (Эстония);
- особый статус леса (Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан).
- повторность и неоднократность, как квалифицирующие признаки (Грузия, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Украина).

Следует отметить, что ответственность за незаконный оборот древесины встречается лишь в уголовном законодательстве Эстонии.

Именно поэтому особое внимание заслуживает УК Эстонии, который содержит норму, предусматривающую ответственность за нарушение требований, предъявляемых к сделкам, совершаемым с лесоматериалами, и к перевозке лесоматериалов. В отличие от ст. 191¹ УК РФ, ст. 155_3 УК Эстонии относится к категории экологических преступлений, а не экономических.

Также отличительным элементом в статье является наличие преюдиции. Следует предположить, что законодатель ввел преюдицию для привлечения к уголовной ответственности в качестве выполнения превентивной функции. Конечно, это не приводит к отсутствию ответственности, однако позволяет привлечь к уголовной ответственно-

сти только при наличии признака неоднократности [20].

Итак, анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья продемонстрировал правовые механизмы, которые устанавливают запреты в отношении лиц, совершающих незаконные действия с лесом. Сравнив зарубежные нормы права и статьи 191¹ и 260 УК РФ, в целом можно отметить, что отечественное законодательство соответствует общему направлению в регулировании преступлений, связанных с рубкой леса и оборотом древесины. Особо отметим, что структура статьи 191¹ УК РФ и четкое описание объективной стороны состава преступления может послужить примером для большинства зарубежных стран.

Исследуя вопросы охраны лесных отношений в России, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на положительный опыт стран ближнего зарубежья с целью заимствования положений, которые могут стать основой в совершенствовании отечественного законодательства, в том числе возможность применению преюдиции на основе опыта законодательства Эстонии.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – № 25.
2. Министерство природных ресурсов и экологии РФ. За незаконный оборот древесины и рубки лесных насаждений в 2018 г. возбуждено порядка 5 тысяч уголовных дел. // http://www.mnr.gov.ru/press/news/za_nezakonnyy_oborot_drevesiny_i_rubki_lesnykh_nasazhdeniy_v_2018_g_vozbuzhdeno_poryadka_5_tysyach_u/?sphrase_id=153014 (дата доступа – 22.02.2020)
3. Уголовный кодекс Эстонии (Repealed – 12.06.2002 entered into force 01.09.2002 – RT I 2002, 56, 350) Passed 7 May 1992 // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-эстонии.html> (дата доступа – 22.11.2019).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. – 2001. – 31 декабря. – № 256.
5. Тихон И.А., Бавсун И.Г., Бавсун М.В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2019) // Собрание законодательства РФ.-1994.-05 декабря.-№ 32, ст. 3301.
7. Уголовный кодекс Грузии: Принят 22 июля 1999 года; Введен в действие с 1 июня 2000 года // URL: <http://www.law.edu.ru/norm/>

- norm.asp?normID=1241370 (дата доступа – 22.11.2019).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.04.2019 г.) // Казахстанская правда. 2014. 9 июля. № 132 (27753).
 9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.08.2018 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». 1998 г.. № 7. ст. 229.
 10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.05.2019 г.) // Эркин Тоо. 2017. 10 февраля. № 19–20.
 11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2019 г.) // Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан» 1998 г. № 9, ст. 68–70.
 12. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.06.2019 г.). URL: <https://online.zakon.kz/> (дата доступа – 22.11.2019).
 13. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2019 г.) // URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата доступа – 22.11.2019).
 14. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.04.2019 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины». 2001. 29 июня. № 25–26.
 15. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.11.2018 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. 13 сентября. № 128–129/1012.
 16. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2018 г.) // Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь». 1999. 15 октября. № 24. ст. 420.
 17. Уголовный закон Латвии Закон, принятый Сеймом 17 июня 1998 года и обнародованный Президентом государства 8 июля 1998 года (С изменениями, внесенными по состоянию на 21 апреля 2016 года) // Юридическое бюро Александра Хрулёва. 2016.
 18. Уголовный кодекс Литовской Республики: Утвержден 26 сентября 2000 года законом № VIII-1968. // URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=10010773,100107738,100107776,100107959#text> (дата доступа – 22.11.2019).
 19. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.05.2019 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.
 20. Горбунова А.А. Административная преюдиция при привлечении должников, уклоняющихся от уплаты алиментов, к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ // Вестник исполнительного производства. 2018. № 3. С. 71–85.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF NEIGHBORING COUNTRIES AND THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE REGULATION OF LIABILITY FOR ILLEGAL LOGGING AND ILLEGAL TIMBER TRADE

Bubnova T.G.

Komi Republican Academy of Public Administration and Management

The object of the study is public relations, providing for liability for illegal timber trade and illegal logging in Russia and neighboring countries. The subject of the research is the norms of foreign legislation on liability for crimes encroaching on environmental and economic relations related to the circulation of forest resources. In the study, the author conducts a comparative legal analysis of regulatory acts currently in force. The aim of the work is to identify the distinctive features of the criminal legislation of foreign countries in comparison with the norms of the Criminal Code of the Russian Federation – Art. 191¹ and 260 of the Criminal Code. Based on the study, the author notes the importance of studying foreign experience with the aim of further improving the legal regulation of liability for violations related to damage to forest resources. As a methodological basis of cognition in the work, general scientific methods were used: analysis, comparison, deduction, induction and private-scientific: formal-legal and a method of analysis of regulatory legal acts and other documents. Scientific novelty consists in conducting a detailed comparative analysis of domestic legislation and criminal law of neighboring countries, on the basis of which the author identified the distinctive features of criminal law regulation and drew attention to the specifics of the criminal law institutions of each of them. The result of the analysis can be called for to develop recommendations for improving criminal legislation in the forest sector, and will also serve as a methodological basis for law enforcement.

Keywords: foreign legislation, criminal liability, forest relations, illegal timber circulation, illegal logging, comparative analysis, forest resources, distinctive features, neighboring countries, environmental crimes

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on August 2, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – June 17. – No. 25.
2. The Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. In 2018, about 5 thousand criminal cases were opened for illegal trafficking of wood and cutting of forest stands. // http://www.mnr.gov.ru/press/news/za_nezakonny_oborot_drevesiny_i_rubki_lesnykh_nasazhdeniy_v_2018_g_vozbuzhdeno_poryadka_5_tysyach_u/?sphrase_id=153014 (access date – 22.02.2020)
3. The Estonian Criminal Code (Repeated – 12.06.2002 entered into force 01.09.2002 – RT I 2002, 56, 350) Passed 7 May 1992 // URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/criminal-code-of-estonia.html> (access date – 11/22/2019).
4. The Code of the Russian Federation on administrative offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 31, 2017) // Russian newspaper. – 2001. – December 31. – No. 256.

5. Tikhon I.A., Bavsun I.G., Bavsun M.V. Administrative prejudice and prospects for its application at the present stage // Administrative law and process. 2008. No. 6. P. 6–9.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 3, 2018) (as amended and supplemented, entered into force on June 1, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994.-December 05. – No. 32, Article 3301.
7. The Criminal Code of Georgia: Adopted on July 22, 1999; Entered into force on June 1, 2000 // URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370> (access date – 11/22/2019).
8. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended and supplemented as of April 19, 2019) // Kazakhstanskaya Pravda. 2014.9 July. No. 132 (27753).
9. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of October 1, 1997 No. 68 (as amended and supplemented as of August 4, 2018) // Vedomosti of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic. ” 1998. No. 7. Art. 229.
10. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated February 2, 2017 No. 19 (as amended and supplemented as of May 15, 2019) // Erkin Too. 2017.10 February. No. 19–20.
11. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan dated May 21, 1998 No. 574 (as amended and supplemented as of 02.01.2019) // Akhbori Majlisi oli of the Republic of Tajikistan. 1998 No. 9, Art. 68–70.
12. The Criminal Code of Turkmenistan dated June 12, 1997 No. 222-I (as amended and supplemented as of June 8, 2019). URL: <https://online.zakon.kz/> (access date – 11/22/2019).
13. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ) (as amended on March 29, 2019) // URL: https://online.zakon.kz/m/document/?document_id=30420353 (access date – 11/22/2019).
14. The Criminal Code of Ukraine of April 5, 2001 No. 2341-III (as amended and supplemented as of April 25, 2019) // Vedomosti of the Verkhovna Rada of Ukraine”. 2001. June 29. No. 25–26.
15. The Criminal Code of the Republic of Moldova dated April 18, 2002 No. 985-XV (as amended and supplemented as of November 15, 2018) // Official Monitor of the Republic of Moldova. 2002. September 13th. No. 128–129 / 1012.
16. The Criminal Code of the Republic of Belarus dated July 9, 1999 No. 275-3 (as amended and supplemented as of July 17, 2018) // Vedamasti Natsiyanalnaga immediately to the Republic of Belarus”. 1999. October 15th. No. 24. Art. 420.
17. Criminal Law of Latvia. Law adopted by the Sejm on June 17, 1998 and promulgated by the President of the state on July 8, 1998 (as amended on April 21, 2016) // Legal Bureau of Alexander Khrulev. 2016.
18. Criminal Code of the Republic of Lithuania: Approved on September 26, 2000 by Law No. VIII-1968. // URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107738,100107776,100107959#text> (access date – 11/22/2019).
19. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2012-XII) (as amended and supplemented as of May 28, 2019) // Vedomosti of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan. 1995. No. 1.
20. Gorbunova A.A. Administrative prejudice when bringing debtors evading child support to criminal liability under Art. 157 of the Criminal Code // Herald of enforcement proceedings. 2018. No. 3. P. 71–85.

Об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны

Жадан Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru

Статья посвящена вопросам об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны на основе анализа нормативных и иных правовых актов, общетеоретических положений, научных подходов и авторского понимания. На основе анализа Указов Президиума Верховного Совета СССР и иных правовых актов дана характеристика уголовно-правовых норм о новых преступлениях, совершаемых виновными лицами в военный период, и которые дополняли и реформировали действующие уголовно-правовые положения и принимались с учетом военного положения. По результатам проведенного исследования сделан вывод об уголовном законодательстве в годы Великой Отечественной войны, что оно основывается на уголовно-правовых нормах о преступлениях, предусмотренных в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовном кодексе РСФСР (1926), а также в условиях военного положения принятых новых уголовно-правовых нормах, в том числе об освобождении от наказания и снятия судимости с различных категорий осужденных, что позволило сформировать правовую систему, которая на основе общественно-политического строя обеспечила СССР и его многонациональному народу пройти тяжелейшие испытания и победить фашистскую Германию, ее союзников Западной Европы и милитаристскую Японию.

Ключевые слова: особенности, уголовное законодательство, Великая Отечественная война, анализ, правовые акты, положения, подходы.

Великая Отечественная война (1941–1945 г.) для СССР (далее – Советский Союз) и всего его многонационального народа стала серьезной проверкой и тяжелейшим испытанием, которую принято выделять, как особый период в истории отечественного государства. В это время Советский Союз был вынужден перестроиться на военный лад и в единый боевой порядок под лозунгами: «Родина-мать зовет!», «Все для фронта! Все для Победы!». В таких условиях общественно-политический строй, и государственное устройство СССР прошли серьезную проверку на возможность существования в жесточайших военных условиях и значительной оккупации европейской части ее территории и проживающего на ней населения, а также готовности переустроить все органы государственной власти и управления, армейские части и соединения, промышленные и сельскохозяйственные производства по противостоянию и борьбе с хорошо обученной и технически оснащенной фашистской Германией, на стороне которой был военный и экономический потенциал всей Западной Европы, а также ее европейские союзники и милитаристская Япония.

Не менее серьезному испытанию в этот период была подвергнута и правовая система Советского Союза, включающая и уголовное законодательство и возможность противостоять не только общеуголовным и военным преступлениям, но и новым видам общественно опасных деяний в условиях военного времени.

Как известно в военных условиях основными направлениями развития отечественного уголовного законодательства являлось принятие новых нормативных и иных правовых актов, которые предусматривали новые составы преступных деяний, а также расширение и ужесточение уголовной ответственности за государственные, военные и общеуголовные преступления. При этом наряду с действующим довоенным общесоюзным и республиканским уголовным законодательством в принимаемых новых нормативно-правовых актах предусматривалось расширение персонализации уголовной ответственности и введение новых составов преступных деяний, вызванных требованиями военного времени.

Вопросам анализа деятельности органов государственной власти, правоохранительных органов, правовой системы Советского Союза в период Великой Отечественной войны, отдельных видов отраслей отечественного права, в том числе уголовного права и законодательства в военное время [1–3], посвящено немало публикаций

в научной литературе и материалов в Интернет-ресурсах. Такой интерес и наличие соответствующих публикаций и материалов ни в коей мере не лишают автора продолжить рассмотрение определенных вопросов об уголовном законодательстве в военное время.

Предметом данного исследования будут отдельные вопросы об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны.

Исходя из предмета исследования в центре авторского интереса будут следующие вопросы: какие органы, осуществляли привлечение к уголовной ответственности и назначали наказания; какое применялось уголовное законодательство в годы Великой Отечественной войны; какие были приняты новые нормативные и иные правовые акты, предусматривающие уголовную ответственность; за какие деяния расширялась и ужесточалась уголовная ответственность; какие вводились новые виды преступных деяний; какие наказания, определялись за совершение преступных деяний в военное время; за какие преступные деяния назначалась смертная казнь и каторжные работы; когда была отменена смертная казнь?

В день начала Великой Отечественной войны (22.06.1941 г.) Президиумом Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) был принят Указ «О военном положении» [4] (далее – Указ «О военном положении»), а 29.06.1941 г. Советом Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР) и Центральным Комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (далее – ЦК ВКП(б)) была принята директива [5] к советско-партийным организациям прифронтовых областей, в которой определялись мероприятия по организации и осуществлению борьбы с фашистской Германией и ее союзниками.

Учитывая введение военного положения 30.06.1941 г. ПВС СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением [6] создали Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО), который в условиях военного времени и с учетом полномочий ПВС СССР и других государственных органов определял усиление централизации государственной власти и управления во всей стране.

В этот период была перестроена роль органов милиции и следствия, прокуратуры и суда, которая включала возможность производства дознания органами милиции и другими подразделениями Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР), а следствие – военными следователями военной прокуратуры и войск НКВД, военными следователями Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР (далее – НКО СССР), следователями Прокуратуры СССР и прокуратур союзных и автономных республик, краев, областей и районов, а рассмотрение уголовных дел Верховным Судом СССР, верховными судами союзных и автономных республик, краевыми и областными судами, районными судами, а в армии и на фло-

те – военными трибуналами. Естественно, военное время требовало перестройки всего народного хозяйства, армии и флота в соответствии с запросами и потребностями фронта, а поэтому от всех граждан требовалось беспрекословное выполнение правовых предписаний и распоряжений государственных органов и должностных лиц, повсеместного соблюдения порядка, укрепления военной и трудовой дисциплины, высокой организованности как основополагающих условий достижения победы в Великой Отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками. При этом лица, нарушающие правовые предписания и требования, в том числе совершающие дезертирство, прогулы, уклоняющиеся от мобилизации в армию и флот или для выполнения работ на предприятия и другие виды производств, от выполнения специальных повинностей, совершающие иные преступные деяния привлекались к уголовной ответственности, и наказывались с учетом законов военного времени.

Основными законами, определяющими уголовно-правовые нормы о преступлениях, были Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовный кодекс РСФСР (1926) [7] (далее – УК РСФСР), в который за годы Великой Отечественной войны не были внесены изменения и дополнения. В довоенный период в УК РСФСР последние изменения были внесены Указом ПВС СССР от 13.12.1940 г., а после войны первые изменения были внесены Указом ПВС РСФСР от 27.06.1947 г.

Как известно УК РСФСР предусматривал систему преступлений, которая включала такие виды преступлений, как контрреволюционные (государственные), против порядка управления, должностные, хозяйственные, против жизни, здоровья, свободы и достоинства, имущественные, воинские и другие.

В годы Великой Отечественной войны наряду с действовавшим уголовным законодательством СССР и РСФСР были приняты новые правовые акты, которые дополняли и реформировали действующие уголовно-правовые положения и применялись в условиях военного положения.

К числу первых нормативных актов, принятых в этот период относится Указ ПВС СССР от 06.07.1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [8], на основании которого в военных условиях за распространение ложных слухов и возбуждающих тревогу у населения определялась уголовная ответственность в виде тюремного заключения от 2 до 5 лет, если же слухи носили антисоветский характер, то они приравнивались к контрреволюционной агитации, а виновные лица осуждались по приговору военного трибунала.

Согласно совместного приказа Народного комиссариата юстиции СССР (далее – НКЮ СССР) и Прокуратуры СССР от 24.06.1941 г. № 102/58 [9], военные трибуналы армии и флота рассматрива-

ли дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и военнообязанными во время нахождения ими на учебных сборах, а также все дела о таких преступлениях, как измена Родине, диверсии, террористические акты, шпионаж и т.д. Уголовные дела об этих преступлениях рассматривались военными трибуналами фронтов, армий и иных соединений. В последующем были приняты и другие совместные приказы НКЮ СССР и Прокуратуры СССР, в которых определялась подсудность других уголовных дел военным трибуналам, в том числе и военным трибуналам войск НКВД СССР.

Как известно на начальном этапе войны наиболее распространенными среди совершаемых военнослужащими были такие преступления, как дезертирство, паникерство, трусость, распространение пораженческих настроений, членовредительство (эти преступления относились к категории «контрреволюционных преступлений») и как свидетельствует статистика, например, с 05–10.07.1941 г. в Красной армии за указанные преступления было привлечено к уголовной ответственности 2681 человека, из них 605 человек приговорены к расстрелу [10, с. 31].

На основании постановления ГКО от 17.09.1941 г. № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» [11] были приняты два постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11.10.1941 г.; первым № 42/22/у [12] определялась подсудность дел военным трибуналам о преступлениях, совершенных лицами, уклонявшимися от военного учета, призыва или мобилизации, а также лицами, уклоняющимися от обязательного обучения военному делу в местностях, объявленных на военном положении; вторым № 42/23/у – подсудность дел военным трибуналам о преступлениях, совершенных лицами, состоящими в частях народного ополчения, в том числе в истребительных батальонах, в формировании противовоздушной борьбы и т.д.

Согласно постановления Пленума Верховного Суда СССР от 08.01.1942 г. [13], уголовные дела государственным, против порядка управления и особо тяжким общеуголовным преступлениям (например, убийства, бандитизм, разбойные нападения, крупные хищения и т.д.) незавершенные производством незавершенные производством в отношении лиц, совершивших эти преступления до призыва в армию и флот, и незавершенные производством, подлежали передаче через военную прокуратуру в военные трибуналы по месту службы обвиняемого.

По Указу ПВС СССР от 15.11.1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [14] уголовные дела о лицах, совершивших эти преступления, передавались также в военные трибуналы.

Указом ПВС СССР от 27.01.1944 г. «Об ответственности начальствующего и рядового состава военизированной охраны предприятий и военизи-

рованной пожарной охраны НКВД СССР за преступления по службе» [15] определялась уголовная ответственность указанных лиц, за совершенные ими преступные деяния по службе наравне с военнослужащими за воинские преступления, а подсудность дела – военным трибуналам.

Для характеристики уголовного законодательства военного времени представляет интерес Указ ПВС СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [16]. На основании данного Указа вводилась уголовная ответственность за самовольный уход с работы и прогулы без уважительной причины, за совершение которых виновные лица по приговору народного суда наказывались тюремным заключением от 2 до 4 месяцев или исправительно-трудовыми работами по месту работы до 6 месяцев и с удержанием до 25% из заработной платы; в отношении директоров предприятий и начальников учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе или лиц, виновных в прогулах без уважительных причин, либо принявших на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и из учреждений предусматривалось привлечение к судебной ответственности, но не указывались конкретные виды наказания. При этом «указники», как правило, приговаривались к исправительно-трудовым работам по месту основной работы до 6 месяцев и с удержанием до 25% из заработной платы.

В это же время по данному Указу в местах отбывания наказания (в лагерях, колониях) применялись более жесткие виды наказания. Так, в январе 1941 года начальник Главного управления лагерей (далее – ГУЛаг) НКВД СССР В. Чернышов направил начальникам лагерей и колоний ГУЛага приказ, в котором назывались 26 заключенных, приговоренных Верховным трибуналом войск НКВД за систематические отказы от работ и нарушения лагерного режима, из них 21 человек к расстрелу, а 5 человек к дополнительным 10 годам. Также в приказе предусматривалось, что по аналогичным делам приговоры должны объявляться всем заключенным ГУЛага [17].

Для сравнения, после введения военного положения и на основании Указа ПВС СССР от 26.06.1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день, для лиц до 16 лет – не более 2 часов в день, отменялись очередные и дополнительные отпуска [18] и т.д., но не предусматривались никакие меры уголовно-правового характера.

В дополнение к указанным правовым актам Указом ПВС СССР от 26.12.1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [19] определялась уголовная от-

ветственность лиц за самовольный уход с указанных предприятий, а уголовные дела были подсудны военным трибуналам.

В последующем был принят и другой правовой акт – Указ ПВС СССР от 29.09.1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» [20], на основании которого указанные работники, работающие на предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, были переведены на положение мобилизованных и закреплены за ними по месту работы, а уголовные дела о самовольном оставлении этими лицами работы или об их отказе от эвакуации передавались на рассмотрение военным трибуналам.

Для рассмотрения вопросов по данной теме представляет особый правовой интерес Указ ПВС СССР от 19.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [21], которым для немецко-фашистских захватчиков и их пособников за совершение указанных преступлений вводились наказания в виде смертной казни через повешение, а в отношении пособников из местного населения и уличенных в оказании содействия в этих преступных деяниях – ссылка на каторжные работы от 15 до 20 лет. Как известно наказание как каторжные работы не предусматривались Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и УК РСФСР.

Этим же Указом было предусмотрено создание военно-полевых судов, которые учреждались при дивизиях и других военных соединениях, о чем объявлялось в приказе НКО СССР от 19.04.1943 г. № 0283 с грифом «Без опубликования в печати» [22].

Представляют интерес и такие нормативные и иные правовые акты, к которым относятся Указы ПВС СССР от 08.09.1943 г. и от 24.05.1944 г., на основании которых военные трибуналы получили право рассматривать уголовные дела ранее подсудные военно-полевым судам по преступлениям, предусмотренным Указом ПВС СССР от 19.04.1943 г. № 39 и другим уголовным делам. В этой части принято постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.11.1943 г. [23], в котором было дано разъяснение о не привлечении к уголовной ответственности лиц, оказывавших помощь партизанам и частям армии и флота. При этом было обращено внимание на нечеткое разграничение лиц, подпадающих под категорию изменников и пособников. В отношении изменников предусматривалось их осуждение по п. «а» ст. 58–1 или п. «б» 58–1 УК РСФСР либо по ст. 1 Указа от 19.04.1943 г. № 39, а пособников по ст. 58–3 УК РСФСР или по ст. 2 данного Указа. В тоже время лица, служившие в администрациях в период фашистской оккупации, не подлежали уголовной ответственности, если они помогали партизанам,

скрывали запасы продовольствия или имущества, саботировали заготовки или отправки, либо другими способами содействовали борьбе с фашистскими захватчиками. К этой же категории относились врачи, учителя и иные мелкие служащие.

В это же время для лиц, проживавших на оккупированных территориях после их освобождения, предписывалось обязанность в течение суток сдать оружие, боеприпасы, трофейное имущество и иное снаряжение, а при неисполнении данного приказа, виновные лица подлежали наказанию в виде штрафа, тюремного заключения до 6 месяцев, а при отягчающих обстоятельствах – к расстрелу. При этом к ним могли применяться основания освобождения от уголовной ответственности в случаях незнания закона или приказа.

К числу первых судебных процессов подсудных военным трибуналам называется уголовное дело над военными преступниками в соответствии с Указом ПВС СССР от 19.04.1943 г. № 39, предусматривающего назначение наказания в виде смертной казни через повешение, называется судебное заседание, которое проводилось с 15–18.12.1943 г. в Харькове. В ходе рассмотрения уголовного дела под председательством генерал-майора юстиции А. Мясникова военный трибунал 4-го Украинского фронта в отношении 2 военнослужащих германской армии, сотрудника Гестапо и гражданина СССР из числа пособников, как обвиняемых в зверствах и расстрелах военнопленных и гражданского населения Харькова и Харьковской области в период фашистской оккупации, всех подсудимых приговорили к смертной казни через повешение [24].

На основании Указа ПВС СССР от 05.12.1944 г. полномочия военно-полевых судов по рассмотрению уголовных дел о военных и иных преступлениях были переданы выездным сессиям Военной коллегии Верховного Суда СССР, в том числе и совершенных членами националистических организаций на территориях Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики.

Следует также назвать и Указ ПВС от 02.11.1942 г., на основании которого была создана Чрезвычайная государственная комиссия СССР (ЧГК СССР), включающая как на всесоюзном, так и на региональном и местном уровнях представителей советско-партийных и правоохранительных органов, представителей различных слоев общественности, в том числе и священнослужителей, перед которой была поставлена цель установления и расследования преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками, в том числе членами националистических организаций на территориях Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики, а собранные ею материалы использовались, как в судебных процессах на территории СССР, так и в последующем были представлены Советским Союзом на Международном военном трибунале (получившим название по месту его проведения – Нюрнбергский трибунал).

Следует также отметить, что в условиях военного времени военные трибуналы к военнослужащим, осужденным к лишению свободы без ограничения в правах достаточно часто применяли отсрочку исполнения приговора, которая распространялась до окончания военных действий, с обязательным направлением виновного в военные соединения армии и флота. Естественно, в таких случаях военный трибунал при назначении отсрочки исполнения приговора учитывал мотивы и характер совершенного преступного деяния, личность военнослужащего, его морально-политические, профессиональные и иные качества, а также пригодность к военной службе и т.д., но к лицам, осужденным за государственные и иные особо тяжкие, преступления отсрочка исполнения приговора не применялась. При этом такие осужденные в начальный период войны направлялись в действующие воинские соединения, а с октября 1942 года – в штрафные подразделения (роты, батальоны).

В.Н. Замулин в своей работе приводит такой случай: «12.05.1943 г. 12 красноармейцев вместе с командиром отделения 793-го стрелкового полка 213-ой стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии оставили свой рубеж и перешли на сторону врага. При этом данный переход не был своевременно предотвращен командирами подразделения, которые видели переход, но не открыли огонь по изменникам, а поэтому командир роты лейтенант Клейменов, заместитель командира по политчасти лейтенант Сатаров и командир отделения Сантагалиев были признаны виновными и приговорены военным трибуналом к 10 годам лишения свободы, но с заменой на направление в штрафную роту сроком на 3 месяца или до первого ранения» [25].

В дальнейшем на основании Указа ПВС СССР от 07.07.1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» [26] предусматривалось освобождение различных категорий осужденных от наказания в виде не более 3 лет лишения свободы и более мягких видов наказания; осужденных за самовольный уход с военных и иных предприятий; военнослужащих, осужденных с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР; лиц, осужденных за военные преступления по УК РСФСР. На основании данного Указа предусматривалось и снятие судимости с таких категорий осужденных, как лиц, осужденных к лишению свободы на срок не свыше 1 года и к более мягким видам наказания; осужденных по Указу ПВС СССР от 26.12.1941 г.; военнослужащих осужденных на основании п. «в» ст. 1 Указа, то есть осужденных к которым была применена отсрочка исполнения приговора.

В условиях мирного времени и на основании Указа ПВС СССР от 26.05.1947 г. [27] смертная казнь в Советском Союзе, установленная за преступления действующими законами была отменена, а максимальным наказанием устанавливалось тюремное заключение до 25 лет с направлением в ГУЛАг. Поэтому в 1949 году в отношении воен-

нослужащих Квантунской армии, проходивших по уголовным делам, по так называемому «Хабаровскому процессу», и учитывая предъявленные им обвинения на основании п. 1 Указа ПВС СССР от 19.04.1943 г. № 39 военным трибуналом были назначены только тюремные заключения от 2 до 25 лет.

В заключение следует выделить особенности уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны, к которым можно отнести:

- основными законами, определяющими уголовно-правовые нормы о преступлениях, были Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.), в которые в условиях войны не вносились изменения и дополнения;
- в военный период были приняты новые нормативно-правовые акты, которые дополняли и реформировали действующие уголовно-правовые нормы в Указах ПВС СССР по различным видам преступлений, как государственные, против порядка управления, должностные, хозяйственные, против жизни, здоровья, свободы и достоинства, имущественные, воинские и другие;
- в условиях военного положения на основании Указов ПВС СССР предусматривалось ужесточение уголовной ответственности и наказания по преступлениям, предусмотренным в УК РСФСР и вводились новые составы преступных деяний и совершаемые в военное время, которые были направлены на предупреждение и пресечение преступности в условиях борьбы с немецко-фашистскими захватчиками;
- на основании Указов ПВС СССР предусматривалось усиление борьбы против государственных, против порядка управления, имущественных, воинских и иных преступлений, объектом которых являлась социалистическая собственность, дезорганизация правил работы на промышленных и иных предприятиях, подрывающая военную и трудовую дисциплину, и других объектов с учетом требований военного времени;
- на основании Указов ПВС СССР и иных правовых актов создавались военные трибуналы и военно-полевые суды, а также определялась их подсудность;
- для немецко-фашистских захватчиков и их пособников за совершение истязаний и убийств военнопленных, гражданского населения, изменников из числа граждан СССР и шпионов было введено наказание в виде смертной казни через повешение с последующей заменой на расстрел, а в отношении местного населения из числа пособников и уличенных в оказании содействия в совершении расправ и насилий над военнопленными, гражданским населением – каторжные работы от 15 до 20 лет;
- на основании Указа ПВС СССР от 26.05.1947 г. смертная казнь в Советском Союзе была отме-

нена (это касалось и случаев, когда смертная казнь не была приведена в исполнение), а самым строгим наказанием предусматривалось тюремное заключение осужденного до 25 лет с направлением в ГУЛАг.

Проведенное исследование дает возможность сделать вывод о том, что уголовное законодательство в годы Великой Отечественной войны, основываясь на уголовно-правовых нормах о преступлениях, предусмотренных в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовном кодексе РСФСР (1926), а также в условиях военного положения принятых новых уголовно-правовых нормах на основании Указов ПВС СССР о преступлениях, совершаемых виновными лицами в этот период, и которые дополняли и реформировали действующие уголовно-правовые положения и принимались с учетом военного времени, а также уголовно-правовых норм об освобождении от наказания и снятия судимости с различных категорий осужденных, что позволило сформировать правовую систему, которая на основе общественно-политического строя обеспечила Советскому Союзу и его многонациональному народу пройти тяжелейшие испытания и победить фашистскую Германию, ее союзников Западной Европы и милитаристскую Японию.

Таким образом, данное исследование может пониматься как анализ нормативных и иных правовых актов СССР и РСФСР, историко-теоретических положений и научных подходов, а также авторского понимания отдельных вопросов об особенностях уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны.

Литература

- Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/pobeda23102018/voennye-tribunaly-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-5c235998aa910500a9247a8f> (дата обращения: 30.04.2020).
- Особенности уголовного права в СССР в военные годы. – URL: <http://www.refsr.com/referat-10716-6.html> (дата обращения: 30.04.2020).
- Черепанова Е.Б. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. – 2010. – № 10 (166). – С. 139–145.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131126-o-voennom-polozhenii-ukaz-ot-22-iyunya-1941-g> (дата обращения: 30.04.2020).
- Директива Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) партийным и советским организациям прифронтовых областей. 29.06.1941. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/102731> (дата обращения: 30.04.2020).
- Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Комитета ВКП(б) от 30.06.1941 «Об образовании Государственного Комитета Обороны». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25218#03801832087252359> (дата обращения: 30.04.2020).
- Уголовный кодекс РСФСР. 1926 (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР от 19.02.1926 // СЗ СССР, 1926, № 9, ст. 71; от 05.03.1926. СЗ СССР, 1926, № 15, ст. 106). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (Утратил силу с 01.01.1961 г. в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1961 года) (дата обращения: 30.04.2020).
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.07.1941 «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4324.htm (дата обращения: 30.04.2020).
- Приказ Народного комиссариата юстиции СССР № 102, Прокуратуры СССР № 58 от 24.06.1941 «О порядке направления в военные трибуналы дел о преступлениях, предусмотренных ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении»». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41828#008115295719259707> (дата обращения: 30.04.2020).
- Паничев В.В. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Законность. – 1995. – № 3. – С. 28–34.
- Постановление Государственного Комитета Обороны от 17.09.1941 № ГКО-690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». – URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194109/gko_0690.html (дата обращения: 30.04.2020).
- Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.10.1941 № 42/22/у «Об уголовной ответственности граждан, уклоняющихся от всеобщего обязательного обучения военному делу». – URL: <http://istmat.info/node/24376>; постановление № 42/23/у «О рассмотрении дел о преступлениях лиц, состоящих в частях народного ополчения». – URL: <http://istmat.info/node/24388> (дата обращения: 30.04.2020).
- Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 08.01.1942 № 1/2/у «О направлении незаконченных дел в отношении лиц, призванных в Красную Армию и Военно-Морской Флот, и о порядке исполнения приговоров к лишению свободы в отношении этих лиц». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41817#08987471229857737> (дата обращения: 30.04.2020).

14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.11.1943 «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» ». – URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/supremecouncil/index.html?id=4553> (дата обращения: 30.04.2020).
15. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.01.1944 «Об ответственности начальствующего и рядового состава военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны НКВД СССР за преступления по службе». – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131195-ob-otvetstvennosti-nachalstvuyuschego-i-ryadovogo-sostava-ohranu-predpriyatij-i-voenizirovannoy-ukaz-ot-27-yanvarya-1944-g> (дата обращения: 30.04.2020).
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3573#07954811754787476> (дата обращения: 30.04.2020).
17. Тюремная система в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://62info.ru/history/node/7653> (дата обращения: 30.04.2020).
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4322.htm (дата обращения: 30.04.2020).
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». – URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo-ispolnenie-nakazaniy/16/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-26-12-1941.html> (дата обращения: 30.04.2020).
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.09.1942 «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3992#05581459135758547> (дата обращения: 30.04.2020).
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9446#0998434508468395> (дата обращения: 30.04.2020).
22. Приказ Наркомата обороны СССР от 19.04.1943 № 0283 «Об объявлении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». – URL: <https://ok.ru/vov1945/topic/69652315185167> (дата обращения: 30.04.2020).
23. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.11.1943 № 22/м/16/у/сс «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками». – URL: <https://geostart.ru/doc/read/15848/3#> (дата обращения: 30.04.2020).
24. Приговор именем Союза Советских Социалистических Республик (18.12.1943). – URL: <http://www.illuminats.ru/home/29-new/3621-18-1943> (дата обращения: 30.04.2020).
25. Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной дуги. – М.: «Яуза», 2009, стр. 126–127.
26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.07.1945 «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». – URL: <https://www.lawmix.ru/sssr/15003> (дата обращения: 30.04.2020).
27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 «Об отмене смертной казни». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4642.htm (дата обращения: 30.04.2020).

ABOUT FEATURES OF CRIMINAL LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Zhadan V.N.

Elabuga Institute Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to questions about the features of criminal legislation during the great Patriotic war based on the analysis of normative and other legal acts, General theoretical provisions, scientific approaches and author's understanding. Based on the analysis of decrees Of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and other legal acts, the author gives a description of the criminal law norms on new crimes committed by guilty persons during the war period, which supplemented and reformed the existing criminal law provisions and were adopted taking into account the military situation. Based on the results of the research, it is concluded that the criminal legislation during the great Patriotic war is based on the criminal law norms on crimes provided for in the Basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union republics (1924) and the Criminal code of the RSFSR (1926), as well as in the conditions of martial law, new criminal law norms were adopted, including the release from punishment and the removal of criminal records from various categories of convicts, which allowed the formation of a legal system, which on the basis of the socio-political system provided the USSR and its multi-ethnic people to pass the hardest tests and defeat Nazi Germany, its allies in Western Europe and militaristic Japan.

Keywords: features, criminal legislation, the Great Patriotic war, analysis, legal acts, regulations, approaches.

References

1. Military tribunals during the Great Patriotic War. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/pobeda23102018/voennye-tribunaly-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-5c235998aa910500a9247a8f> (accessed: 04/30/2020).

2. Features of criminal law in the USSR during the war years. – URL: <http://www.refsr.ru/referat-10716-6.html> (accessed: 04/30/2020).
3. Cherepanova E.B. Criminal law during the Great Patriotic War: the main development trends // Journal of Russian Law. – 2010. – No. 10 (166). – P. 139–145.
4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 06.22.1941 “On martial law” // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. – 1941. – No. 29. – URL: <http://docs.historyrussia.org/en/nodes/131126-o-voennom-polozhenii-ukaz-ot-22-iyunya-1941-g> (accessed: 04/30/2020)
5. Directive of the Council of People’s Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to party and Soviet organizations in the frontline regions. 06/29/1941. – URL: <http://docs.historyrussia.org/en/nodes/102731> (accessed: 04/30/2020).
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the Council of People’s Commissars of the USSR, the Central Committee of the CPSU (b) of 06.30.1941 “On the formation of the State Defense Committee.” – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25218#03801832087252359> (accessed: 04/30/2020).
7. Criminal Code R.S.F.S.R. 1926 (as amended and supplemented by Decisions of the Central Executive Committee of the USSR dated 02.19.1926 // SZ USSR, 1926, No. 9, Article 71; dated 05.03.1926. SZ USSR, 1926, No. 15, Article 106). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (It has expired since 01.01.1961 in connection with the adoption of the RSFSR Criminal Code of 1961) (appeal date: 04.30.2020).
8. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 07/06/1941 “On responsibility for the dissemination in wartime of false rumors that cause alarm among the population.” – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4324.htm (accessed: 04/30/2020).
9. Order of the People’s Commissariat of Justice of the USSR No. 102, Prosecutor’s Office of the USSR No. 58 of 06.24.1941 “On the procedure for referring cases of crimes under the Art. 7 of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of 06.22.1941 “On Martial Law”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41828#008115295719259707> (accessed: 04/30/2020).
10. Panichev V.V. Military Prosecutor’s Office during the Great Patriotic War // Legality. – 1995. – No. 3. – P. 28–34.
11. Resolution of the State Defense Committee of September 17, 1941 No. GKO-690 “On universal compulsory military education of citizens of the USSR.” – URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194109/gko_0690.html (accessed: 04/30/2020).
12. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 11.10.1941 No. 42/22 / u “On the criminal liability of citizens who evade universal compulsory military education.” – URL: <http://istmat.info/node/24376>; Decree No. 42/23 / u “On the consideration of cases of crimes of persons consisting of parts of the people’s militia”. – URL: <http://istmat.info/node/24388> (accessed date: 04/30/2020).
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 08.01.1942 No. 1/2 / u “On the direction of unfinished cases in relation to persons called up for the Red Army and the Navy, and on the procedure for the execution of sentences of imprisonment in relation to these persons”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41817#08987471229857737> (accessed: 04/30/2020).
14. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 11/15/1943 “On responsibility for the disclosure of state secrets and for the loss of documents containing state secrets”. – URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/supreme-council/index.html?id=4553> (accessed: 04/30/2020).
15. By a decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 27, 1944, “On the responsibility of the commanding and rank-and-file personnel of the militarized protection of enterprises and the militarized fire protection of the NKVD of the USSR for crimes of service.” – URL: <http://docs.historyrussia.org/en/nodes/131195-ob-otvetstvennosti-nachalstvuyuschego-ryadovogo-sostava-ohrany-predpriyatii-i-voenizirovannoy-ukaz-ot-27-yanvarya-1944-g> (Date of treatment: 04/30/2020).
16. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 06/26/1940 “On the transition to an eight-hour working day, a seven-day working week and the prohibition of unauthorized withdrawal of workers and employees from enterprises and institutions.” – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3573#07954811754787476> (accessed: 04/30/2020).
17. The prison system during the Great Patriotic War. – URL: <https://62info.ru/history/node/7653> (accessed date: 04/30/2020).
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1941 “On the regime of working hours of workers and employees in wartime.” – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4322.htm (accessed: 04/30/2020).
19. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 12/26/1941 “On the responsibility of workers and employees of military industry enterprises for unauthorized departure from enterprises.” – URL: <http://www.alppp.ru/law/ugolovnoe-pravo-ispolnenie-nakazaniy/16/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-26-12-1941.html> (accessed: 04/30/2020).
20. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 09.29.1942 “On the transfer to the position of mobilized workers, office workers and engineering and technical workers in areas close to the front.” – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3992#05581459135758547> (accessed: 04/30/2020).
21. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943 No. 39 “On punitive measures for Nazi villains guilty of murders and tortures of the Soviet civilian population and captured Red Army soldiers, for spies, traitors from among Soviet citizens and for their accomplices”. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9446#0998434508468395> (accessed: 04/30/2020).
22. Order of the People’s Commissariat of Defense of the USSR of April 19, 1943 No. 0283 “On the announcement of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On punitive measures for Nazi villains guilty of murders and tortures of the Soviet civilian population and captured Red Army soldiers, for Soviet spies, traitors from among the Soviet citizens and for their accomplices.” – URL: <https://ok.ru/vov1945/topic/69652315185167> (accessed: 04/30/2020).
23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of November 25, 1943 No. 22 / m / 16 / u / ss “On the Qualification of the Actions of Soviet Citizens to Assist the Enemy in Areas Temporarily Occupied by the German Invaders”. – URL: <https://geostart.ru/doc/read/15848/3#> (accessed date: 04/30/2020).
24. The verdict in the name of the Union of Soviet Socialist Republics (12/18/1943). – URL: <http://www.illuminats.ru/home/29-new/3621-18-18-1943> (date of access: 04/30/2020).
25. Zamulin V.N. Forgotten battle of the Arc of Fire. – M.: “Yauza”, 2009, P. 126–127.
26. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 07.07.1945 “On amnesty in connection with the victory over Nazi Germany.” – URL: <https://www.lawmix.ru/sss/15003> (accessed date: 04/30/2020).
27. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 05.26.1947 “On the abolition of the death penalty.” – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4642.htm (accessed: 04/30/2020).

Перспективы российской уголовной политики в отношении предпринимателей

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, вице-президент Российской криминологической ассоциации
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, вице-президент Российской криминологической ассоциации, заместитель директора Уральского института ВГУЮ (РПА Минюста России), доцент кафедры уголовного права УрГЮУ
E-mail: tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, преподаватель Уральского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), член Российской криминологической ассоциации, нотариус

Уголовная политика является одной из ведущих и самостоятельных отраслей российского права и существенно отличается от других – имеет свой предмет и метод регулирования входящих в общую систему российского права. Уголовная политика является законодательной базой для определения преступности и наказуемости деяний, оснований уголовной ответственности, применения наказаний и освобождения от ответственности, ни одной другой политике этот признак не присущ. Уголовная политика имеет и собственный предмет регулирования – только те общественные отношения, которые возникают в связи с совершением преступления, ни одна другая политика не может регулировать эти отношения. Уголовная политика как метод регулирования и способ реагирования на юридические факты в виде совершения преступлений опирается на «свою» нормативную базу – Конституцию РФ и «новый» Уголовный кодекс РФ, принятый Государственной Думой РФ 24 мая 1996 г.

«Новый» Уголовный кодекс и уголовная политика отражает идеологию и политику реформенного и настоящего периода. Можем ли мы сказать, что уголовная политика уже решила все свои проблемы и, следовательно, теперь осталось только изучать накопленный опыт для решения практических вопросов? Как нам представляется, нет – происходит постановка новых проблем в области уголовной политики. Уголовная политика, как и научное исследование вообще, представляет собой непрекращающийся процесс выдвигания и разрешения все новых и новых проблем. Отсутствие проблем приводит к прекращению исследований, к неподвижности и разрушению «существующей» уголовной политики. Уголовная политика в постоянном развитии ставит новые проблемы как теоретического, так и практического характера. Начиная от постановки и формулировки проблемы и кончая их решением, мы изучаем что-то новое, познаем его, обогащаем практику идеями их реализации.

Ключевые слова: уголовная политика, преступление, предприниматель, законодательство.

Под уголовной политикой принято понимать уголовно-правовую защиту граждан и их имущества от преступных посягательств, а также защиту государственных структур. Для выполнения этих задач используются нормы и средства уголовного права, которое в свою очередь является частью общей правовой политики. Безупречной уголовная политика может считаться в том случае, если в ней предусмотрена перспектива развития событий с учетом настоящего момента, разработана концепция решений, отмечены положения, подлежащие изменениям, и выделены положительные аспекты действующего законодательства. [25] Уголовная политика в отношении предпринимателей ориентируется на наиболее острые проблемы, обуславливаемые в «основном» экономической преступностью. И не содержит «новаторских» замыслов в законодательстве и практике реализации. Происходящие сегодня в уголовной политике изменения тесно связаны с изменениями в социально-политической, экономической, культурной сфере гражданского общества. И концепция уголовной политики в отношении предпринимателей следуют этим изменениям, или, наоборот, противодействуют им.

Исходя из динамики развития «криминогенной» обстановки и тех негативных последствий, которые обусловлены этим развитием, можно утверждать, что проводимая в настоящее время уголовная политика в отношении предпринимателей не отвечает предъявляемым к ней требованиям. [18]

Поэтому в ней должны «проявляться» новые аспекты уголовного права, будь то толкование понятия «преступление» или система наказания, уголовное преследование или исполнение приговора. За последние десятилетия законы, формирующие материальные и формальные стороны уголовного права, изменились «сотни» раз, что говорит о постоянной потребности в реформах и необходимости активных действий в области уголовной политики. [11] Сегодня уголовная политика и реформа уголовного права воспринимаются как одно целое.

Стремление к «рациональности» в уголовной политике просматривалось уже в Х111 в, когда «божий суд» сменила инквизиция. Второй поворот к рациональности связан с эпохой просвещения, с началом самоанализа, с попытками создать нечто лучшее, чем уголовное право. Дух уголовной политики был пронизан духом оппозиции, свободы, прав человека. Это свойственно к критическим замечкам и нашей современности. [16]

Такое восприятие уголовной политики неудивительно, если речь идет не о научном познании

и анализе, а о новом социальном переустройстве с помощью только политики. Но так как современная правовая система достаточно подвижна, приспособляется к социальным переменам, восприимчива к реформированию, то и социального переустройства уже недостаточно, возникают новые альтернативы и встречные реформы.

Речь идет о «прагматических» компромиссах в «некоторых» случаях. «Опережении», «другом» подходе к преступности», «новой концептуальной и структурной ориентации», словом, о «новой уголовной политике». Прежнее движение конституционной «социальной защиты» оказалось беспомощным, уязвимым и «бесперспективным».[14]

Такую динамику развития уголовной политики можно оценить не как присущую системе, а скорее как подрывающую систему. «Новые» направления в уголовной политике пока слабо учитывают материальные возможности, подчиняются только государственному регулированию, а появившиеся лозунги типа «разоружение уголовного права» всегда импонируют общественным массам, но не находят компромисса. И не случайно у нас так долго не был принят антикоррупционный закон, развивались события движения к аболиционизму. Действия бизнеса ориентируются на упразднение уголовного права, предлагают и сегодня «новейшие» альтернативы.[29] Специалисты уголовного права и криминологи с этим не согласны, так как знают по исследованиям, что «бизнес», во-первых, отличается крайним эгоизмом и всегда будет работать только на себя, во-вторых, эффективно решают проблемы предприниматели только в условиях отторжения всех видов социального контроля, правового, нравственного, экономического, политического, социального. (Изучение уголовных дел, документов, интервью у тех, кто осужден, которые до того, как пошли на преступление, являлись сотрудниками правоохранительных органов, служили Родине. Нужно очень многое, чтобы перевернулось их сознание, и они пошли на преступление. О причинах преступного поведения можно судить только после всестороннего исследования.)

Они наталкиваются на встречное требование ужесточения уголовного права, особенно в части усиления борьбы с правозэкстремистским насилием, защиты окружающей среды и даже в таких деликатных сферах, как например, насилие в семье, сексуальные правонарушения, детская порнография и курение в общественных местах. И хотя постоянная «реформа» уголовного права охватывает широкий спектр новых для уголовной политики явлений, вплоть до «новых» экономических преступлений, инициативы государства в области реформы представляются все еще недостаточными. [4]

Наука и общество испытывают научную потребность в правовых изменениях, однако «противники» таковых тормозят дело, мешают определиться, в каком направлении должна развиваться уголовная политика. И здесь трудно выделить наиболее убедительные аргументы.[23]

В частности, предлагать руководствоваться понятием «уголовная политика в отношении предпринимателей» не совсем объективно. Однако оказалось, что дать определение рациональности и современности уголовной политики в отношении предпринимателей весьма непросто. Поэтому законодательной и исполнительной властью было предложено опираться, например, на принятие иррациональных волевых решений, на прагматическое улаживание отдельных случаев, которые не вписываются в общую концепцию. В данном случае речь идет в основном о создании умеренной системы уголовно-правового социального контроля, которая будет включать в себя общепризнанные нормы уголовной политики и которую можно будет обосновать, перепроверять и корректировать. То, что это стало возможно, подтверждается моделью развития уголовной политики последних лет. И все же остается многозначным и мало эффективным. Если говорить о эффективности оценок, то за этим можно было бы понимать элементарные нормы поведения, принятые в обществе т.е. исходить из задач социальной этики и философии права. Но можно еще говорить и о рационализме целей и под этим иметь в виду успешное внедрение в жизнь программ. Их цели общеизвестны: это контроль над преступностью и профилактика преступлений. Средства достижения этих целей и очередность решения задач требуют уточнений. Этим и должны заниматься специалисты в области уголовной политики. Сделать выводы, является ли политика успешной или нет, можно только на основе изучения ее результатов. Оценки этих результатов, усиливают аргументы в пользу рационализации целей, когда речь идет о выборе путей совершенствования уголовной политики в отношении предпринимателей. В частности, должен быть оценен процесс развертывания программ и их действенность. Это обеспечивает обратную связь с государственными, общественными и частными лицами. Таким образом, оценка является контролирующим и управляющим инструментом рациональной уголовной политики.[21; 27]

Защитить «современную уголовную политику» от «депутатской» научности должны эмпирическая криминологическая база и уголовно-правовой анализ. Нельзя забывать и о практике. Можно было бы сказать, что «современная уголовная политика» – это научно обоснованная уголовная политика. Но вся трудность заключается в том, что она опирается на политические реалии. Как наука она опирается на объективное изучение преступления в его юридических и эмпирических проявлениях, но, с другой стороны, как составляющая политика она защищает определенные идеи и интересы. Эти противоречия затрудняют создание реалистичной и экономической концепции уголовной политики. Но с таким положением дел нельзя мириться. Нужно искать подходы для объединения различных представлений о «современности», т.е. устранить конфликт. Нужно сразу говорить, что для его решения пока нет методик

и моделей. Для того чтобы достичь соглашения и при этом опираются на рациональные аргументы, необходимо признать, что рационализм и плюрализм мнений, как и переоценка ценностей имеют границы. Для устранения конфликта необходимо политическое решение со всей его «хрупкостью» и зависимостью от общественного мнения. Это может быть, например, сохранение уголовного права в отношении наркотических средств, несмотря на его невысокую эффективность. При этом условии возможно также определение рамок свободы действий для преступника и жертвы. Свобода действий в принятии политических решений правомерна только тогда, когда признается невозможной, недопустимой или нежелательной «псевдонаучность» этих решений.[5; 17]

Современная уголовная политика в отношении предпринимателей окажется несостоятельной, если предположить, что возможна нестыковка понятий «современности» в теории и на практике и что различные формы знаний нельзя объединить друг с другом. Нельзя не признать, что в практической деятельности используются свои формы и методы, образ мышления и исполнительные структуры, даже своя собственная культура. При этом она стыкуется с общепризнанными нормами права. И все же невозможен контроль над уголовно-политической программой без вклада науки и накопленного опыта. Учитывая, что обобщенная теория уголовной политики еще не состоялась, в обозримом будущем, видимо, более целесообразно двигаться вперед в данной области небольшими шагами, соблюдая требования обоснованности, ясности, очевидности и прав человека.[22]

Правоохранительные органы и правосудие нуждаются в постоянном анализе ситуации и прогнозах на будущее, чтобы соответствовать целям и задачам «профилактической» и «предупредительной» уголовной политики. На практике же уголовная политика выступает не только в качестве пассивного потребителя анализа и прогнозов, но и сама участвует в их создании. При этом происходит автоматическая замена чисто репрессивного аппарата на защитный, что помогает поднять у населения чувство защищенности, безопасности, которое в настоящее время, мягко говоря, снизилось.[12]

Правоохранительные органы и суды используют опыт и знания, полученные на практике для воздействия на общественность. Начиная с 90-х гг. криминологи предупреждали об опасности экономических преступлений и организованной преступности. Конечно, раннее распознавание уголовных проявлений или развития «криминогенной» обстановки требовало осторожных подходов, чтобы не получить нежелательные побочные эффекты. Под этим имелось в виду, что иногда предупреждения, наблюдения и прогнозы криминологов используются недобросовестными «политиками» и «коммерсантами» в своих меркантильных интересах. Правоохранительные органы регулярно «заявляют» о своем участии в дискуссии о контроле над преступностью более органи-

зованно и наглядно, чем правосудие. Аудиторская сеть PricewaterhouseCoopers (PwC) и аналитический центр НАФИ провели совместное исследование по сравнению условий ведения бизнеса в России в 90-х годах и сейчас. В опросе участвовали 1000 представителей крупного, среднего и малого бизнеса. При этом респонденты были разделены на две группы – старшее поколение (предприниматели 1957–1963 годов рождения) и младшее (предприниматели 1980–1991 годов). 60% опрошенных ответили, что в 90-х невозможно было вести бизнес честно и законно. Но исследователей удивило то, что 40% респондентов придерживаются такого мнения и относительно современной России. При этом пессимизм в этом вопросе проявило старшее поколение. Молодые бизнесмены склонны идеализировать прошлое, отметили исследователи. Лишь 54% из них считают, что в 90-х вести бизнес было сложно. При этом среди людей, которые занимались бизнесом в то время, 70% выбрали этот вариант ответа. Старшее поколение указывает, что сейчас в бизнесе нет криминала, стало больше возможностей и доступных услуг, а также отмечают возросшую конкуренцию.[1]

В современной уголовной политике трудно выявить, ее «практическое» понятия и определения «получаются» размыты, ими трудно оперировать. Изменения в социальной и экономической системе, миграционные процессы, преступность – все это вызывает «противодействие» при попытках органов правопорядка вмешаться в процесс их развития.[13]

И повлиять на них можно только «опосредованно». Там, где полагают, что вмешательство может быть успешным, эффект бывает прямо противоположным.[32] Чтобы избежать ложных оценок, необходимы политические консультации. Ранее использовались заключения, выводы и анализы криминологических исследований, деятельность которых была почетна и престижна. Сегодня, ошибочно представляется, что наука не успевает отвечать на ежедневные острые потребности практической уголовной политики. Например, в России растет число выявленных фактов получения и дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве. При этом мелкие взятки фиксируются все реже. По данным Генпрокуратуры, в 2019 году было 13867 фактов получения и дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве, в 2018 году – 12527, в 2017 году – 12111. При этом случаи мелкого взяточничества (получение или дача взятки в размере 10 тыс. рублей) фиксируется все реже (в 2019 году – 5408, в 2018 году – 5437, в 2017 году – 5841), хотя они и составляют более трети всех выявляемых фактов взяточничества.[10]

Поэтому решения здесь вынужденно принимаются при частичном или неполном объеме знаний. И только позже становятся возможными исследования результатов примененных на практике программ. К сожалению, политические консультации, проходящие в форме экспертиз, слушаний, высказываний точек зрения, зачастую носят бесси-

стемный, неполный характер, и нередко выводы по ним не совпадают с различными прогнозами, например, с прогнозами в области молодежной, социальной политики. Сейчас оптимизм, который имел место в 80-х гг. по поводу политических изменений, улетучился.[7]

Разочарование криминальной практикой оборачивается нередко равнодушием, а иногда и агрессивностью населения. Социальное неравенство, беспрепятственные миграционные потоки, несвоевременное решение политических вопросов приводят к кризису, правовому и государственному «безразличию» и «нигилизму». Это осложняет положение и роль правоохранительных органов и грозит им «постоянными» реформами. Правоохранительные репрессии служат в том случае как бы затычкой и являются признаком «плохой» уголовной политики. Население не участвует в принятии решений, касающихся его самого, чувствует себя брошенным на произвол судьбы. Политики же избегают четких позиций, если речь идет о движениях протеста или о проблемах миграции. Высказывания, имеющие целью успокоить, ослабить ситуацию – попытка уйти от решения вопроса. Тем временем социальные конфликты приобретают уголовный характер, и ими должны заниматься правоохранительные органы и правосудие. Но решить проблему можно только на уровне политических, экономических и социальных действий. Одним из главных «завоеваний» развития общества всегда является правовое государство, где выражением равенства служит процессуальный принцип – обязанность прокуратуры возбуждать уголовное преследование во всех случаях совершения преступления. Однако из-за возможности его исполнения, особенно в случаях мелких уголовных экономических преступлений незаинтересованности в этом общественности, принцип заменяется принципом целесообразности. «Мощностей и средств» правоохранительных органов без политической и социальной поддержки явно не хватает, чтобы все выявленные преступления расследовать соответствующим образом. Принцип необходимости «отбирать» дела, когда более 40% правонарушений со стороны взрослых и более половины правонарушений, совершенных молодежью, улаживаются, исходя из принципа целесообразности.[20]

Однако полностью снять уголовную ответственность за мелкие правонарушения нельзя, так как это приведет к лишению гражданских прав лиц, страдающих от мелких правонарушителей. Выход может быть найден в ослаблении принципа, чтобы дать полицейскому больше простора для использования целесообразных мер, а также в активизации действий таких представителей судебной власти, как мировых или федеральных судей, которые в состоянии урегулировать незначительные конфликты. Например, за девять месяцев в 2019 года следствие направило 6468 уголовных дел об 11664 коррупционных преступлениях. Из 6902 обвиняемых, представших перед судом,

3952 человека являются должностными лицами. Больше всего коррупционных преступлений совершили сотрудники МВД – 752. Еще 476 обвиняемых представляли органы местного самоуправления, кроме того, 181 и 84 человек являлись сотрудниками ФСИН и ФССП России соответственно. [6; 24]

Другое дело, когда речь идет о монополии государства на применение силы, например, в борьбе с организованной преступностью. Имеется много признаков того, что разложение и коррупция «ослабили» государственную монополию на применение силы. И если мы не хотим, чтобы полицейские, прокуроры и судьи были коррумпированы или убиты, то необходимо точное соблюдение, строгая регламентация уголовной политики и активные действия общественности. И это тем более необходимо для безопасности предпринимателей, чем «шире» становятся границы бесконтрольности (взяточничество, наркомания, рейдерские захваты и т.п.) Эти виды деятельности организованной преступности интернациональны по своему характеру. Поэтому «криминальная» уголовная политика также не должна оставаться монополизированной, а должна предполагать сотрудничество между государствами. Если уничтожаются границы, крепнут экономические и политические связи, то должна возникать и потребность в новых видах сотрудничества. Только правовая помощь и помощь в аресте преступника уже «недостаточны», необходимо сотрудничество правоохранительных органов на международном уровне. Можно только приветствовать создание Европола (англ. Europol – полицейская служба Европейского союза, основными задачами которой являются координация работы, национальных служб в борьбе с международной организованной преступностью и улучшение информационного обмена), выполняющего задачи координации борьбы с организованной и наркопреступностью, имущественными преступлениями. Конечно, в основном это работа по координации информационного потока, передача документации, обмен опытом. Преследование преступников должно проводиться как и прежде национальными, региональными и местными органами, но соответствовать европейским и мировым требованиям.

Что касается будущего уголовной политики в отношении предпринимателей, то, конечно, она будет опираться на фундаментальные основы права и не упускать из виду тенденции развития преступности. В ней должна предусматриваться дифференциация преступлений по видам, тяжести, частоте и социальной опасности. Уголовная политика в отношении предпринимателей должна будет обратить особое внимание на насильственные экономические преступления, на преступное отношение к окружающей среде, защищая при этом равным образом интересы «жертв» преступлений. Чтобы не упустить массовые мелкие правонарушения, уголовное право также должно повысить роль предварительного следствия и объединить

усилия правоохранительных органов, «объективность» судов. На первых этапах дознания «предлагается» прозрачная методика следствия и «неформализованное» разрешение конфликта, гражданско-правовое. Уголовная политика в отношении предпринимателей через прокуратуру должна будет обеспечить одинаковый подход к рассмотрению мелких и «крупных» правонарушений, чем и будет обеспечен принцип «справедливости» через уголовное право.[26; 28]

Литература

1. 40% предпринимателей: в России нельзя законно вести бизнес. // <https://pravo.ru/news/216499/01/12/2019/>.
2. <https://pravo.ru/news/201066/23/05/2020/>.
3. Агора: за 10 лет силовики обыскали в России каждый 27-й дом. // <https://pravo.ru/news/201390/29/03/2018/>.
4. Бакишев К.А., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана безопасности транспорта по законодательству Казахстана и России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 376 с.
5. Беспорядок в декларациях, семейные закупки и подарочная этика – антикоррупционные итоги под эгидой Кремля. // <https://pasm.ru/archive/251757/11/12/2019/>.
6. Больше всего коррупционеров СКР выявил в МВД. // <https://pravo.ru/news/216790/09/12/2019/>.
7. Борьба за права бизнесменов и разумные судебные сроки: итоги года от Генпрокуратуры. // <https://pravo.ru/story/210040/13/04/2019/>.
8. В Генпрокуратуре заявили об увеличении числа коррупционных дел // <https://pravo.ru/news/219966/02/04/2020/>.
9. В рамках «регуляторной гильотины» предложили отменить еще около 5000 актов.//<https://pravo.ru/news/219750/02/04/2020/>.
10. В России растут суммы взяток и их количество.// <https://pasm.ru/archive/263826/04/04/2020/>.
11. В СК создали отдел по расследованию киберпреступлений (как отметили в Следственном комитете, расследовать преступления в сфере высоких технологий сложно). // <https://pravo.ru/news/217134/19/12/2020/>.
12. Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды, исполнительная власть. // <https://pasm.ru/archive/245653/22/10/2019/>.
13. Генпрокурор: продолжается давление на бизнес со стороны следователей. // <https://pasm.ru/archive/251633/09/12/2019/>.
14. Князькина А.К., Чучаев А.И. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и международных актах. / – М.: ПКЦ Альтекс, 2007. – 836 с.
15. Крашенинников Павел. Времена и право. – М.: Статут. 2016. – 256 с.
16. Набоков В.Д. Избранное /Вступ. Слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2015. – 318 с. (Юристы, изменившие право, государство и общество.)
17. Налоговые органы изобретают неизвестные правовые конструкции // <https://pravo.ru/opinion/217047/19/12/2019/>
18. Обиженные сотрудники, кредиторы и силовики: кто рушит бизнес // <https://pravo.ru/story/216964/14/12/2020/>.
19. Приговор свидетельствует о полном параличе независимой судебной системы //<https://www.znak.com/2020-02-12/>
20. Россия вошла в мировые лидеры по преступлениям против бизнеса. // <https://pravo.ru/news/202563/16/05/2018/>.
21. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. – Москва: проспект, 2015. – 256 с.
22. Тасаков В.С. Основания смягчения наказания в уголовном праве России. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 152 с.
23. Титов предложил передать дела предпринимателей суду присяжных // <https://pravo.ru/news/219750/02/04/2020/>.
24. Титов: статистика уголовного преследования бизнесменов не дает расслабиться. // <https://pasm.ru/archive/259522/24/02/2019/>.
25. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 479 с.
26. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы второй международной научно-практ. конф. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 336 с.
27. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2018. – 688 с.
28. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV11 Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2020. – 848 с.
29. Уголовное судопроизводство России: Учебник для вузов / Под ред. Н.И. Газетдинова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 496 с.
30. ФСБ пришла с обыском к заместителю Колокольцева // <https://pasm.ru/archive/264312/03/04/2020/>.
31. ЦСР рассказал, как уберечь предпринимателей от уголовного преследования. //<https://pravo.ru/news/view/145759/03/01/2018/>.
32. Четыре ножа в спину бизнеса: юристы о том, кто «кошмарит» предпринимателей. //<https://pravo.ru/news/625536/16/01/2018/>.

PROSPECTS OF RUSSIAN CRIMINAL POLICY IN RELATION TO ENTREPRENEURS

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.

Ural State Law University; Ural Institute (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

Criminal policy is one of the leading and independent branches of Russian law and differs significantly from others – it has its own

subject and method of regulation included in the General system of Russian law. Criminal policy is the legal basis for defining criminality and punishability of acts, grounds for criminal responsibility, application of penalties and exemption from responsibility, and this feature is not inherent in any other policy. Criminal policy has its own subject of regulation – only those social relations that arise in connection with the Commission of a crime, no other policy can regulate these relations. Criminal policy as a method of regulation and the way to respond to the legal facts in the form Sauveur solving crimes based on “their” regulatory framework – the Constitution and new penal code adopted by the State Duma on 24 May 1996

The “new” criminal code and criminal policy reflect the ideology and policy of the reform and present period. Can we say that criminal policy has already solved all its problems and, therefore, it is now only necessary to study the accumulated experience to solve practical problems? It seems to us that this is not the case – new problems are being raised in the field of criminal policy. Criminal policy, like scientific research in General, is an ongoing process of identifying and resolving new problems. The absence of problems leads to the termination of research, to the immobility and destruction of the existing “ criminal policy. Criminal policy in constant development poses new problems of both theoretical and practical nature. Starting from the formulation and formulation of the problem and ending with their solution, we study something new, learn it, enrich the practice with ideas of their implementation.

Keywords: criminal policy, crime, entrepreneur, legislation.

References

1. 40% of entrepreneurs: in Russia it is impossible to legally conduct business. // <https://pravo.ru/news/216499/01/12/2019/>.
2. <https://pravo.ru/news/201066/23/05/2020/>.
3. Agora: for 10 years, security forces searched every 27th house in Russia. // <https://pravo.ru/ntws/201390/29/03/2018/>.
4. Bakishev K.A., Chuchaev A.I. Criminal protection of transport safety under the laws of Kazakhstan and Russia: monograph. – M.: YurLitinform, 2020. – 376 p.
5. Disorder in declarations, family purchases, and gift ethics are anti-corruption results under the auspices of the Kremlin. // <https://pasm.ru/archive/251757/11/12/2019/>.
6. The TFR identified the most corruption officials in the Ministry of Internal Affairs. // <https://pravo.ru/news/216790/09/12/2019/>.
7. The struggle for the rights of businessmen and a reasonable court period: the results of the year from the Prosecutor General. // <https://pravo.ru/story/210040/13/04/2019/>.
8. The Prosecutor General's Office announced an increase in the number of corruption cases // <https://pravo.ru/news/219966/02/04/2020/>.
9. Within the framework of the “regulatory guillotine”, they proposed to cancel about 5,000 more acts. // <https://pravo.ru/news/219750/02/04/2020/>.
10. In Russia, the amount of bribes and their number are growing. // <https://pasm.ru/archive/263826/04/04/2020/>.
11. An investigation department for cybercrime has been created in the UK (as the Investigative Committee noted, it's difficult to investigate high-tech crimes). // <https://pravo.ru/news/217134/19/12/2020/>.
12. The prosecutor general's office named leaders in terms of corruption – security officials, courts, and the executive branch. // <https://pasm.ru/archive/245653/22/10/2019/>.
13. Attorney General: investigators continue to pressure on the business. // <https://pasm.ru/archive/251633/09/12/2019/>.
14. Knyazkina A.K., Chuchaev A.I. Conventional crimes in the Criminal Code of the Russian Federation and international acts. / – M.: PKC Alteks, 2007. – 836 p.
15. Krashennikov Pavel. Times and law. – M.: Statute. 2016. – 256 s.
16. Nabokov V.D. Favorites / Entry. Word, comp.: P.V. Krashennikov. – M.: Statute, 2015. – 318 p. (Lawyers who have changed the law, state, and society.)
17. Tax authorities invent unknown legal constructions // <https://pravo.ru/opinion/217047/19/12/2019/>
18. Offended employees, creditors and security officials: who ruins the business // <https://pravo.ru/story/216964/14/12/2020/>.
19. The verdict testifies to the complete paralysis of an independent judiciary // <https://www.znak.com/2020-02-12/>
20. Russia entered the world leaders in crimes against business. // <https://pravo.ru/news/202563/16/05/2018/>.
21. Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables) / Yu.V. Gracheva, S.V. Malikov, A.I. Chuchaev; under the editorship of A.I. Chuchaeva. – Moscow: Prospect, 2015. – 256 p.
22. Tasakov V.S. Grounds for mitigation of punishment in the criminal law of Russia. Cheboksary: Publishing house of Chuvash. University, 2018. 152 s.
23. Titov proposed to transfer the cases of entrepreneurs to a jury // <https://pravo.ru/news/219750/02/04/2020/>.
24. Titov: statistics on criminal prosecution of businessmen does not allow to relax. // <https://pasm.ru/archive/259522/24/02/2019/>.
25. Criminal law. General part: textbook for bachelors / I. Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. – M.: Publishing house Yurayt, 2013. – 479 p.
26. Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the second international scientific and practical. conf. – M.: TC Velby, Prospect Publishing House, 2005. – 336 p.
27. Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the KhU International Scientific and Practical Conference. – Moscow: RG-Press, 2018. – 688 p.
28. Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the 11th International Scientific and Practical Conference. – Moscow Zh RG-Press, 2020. – 848 p.
29. Criminal proceedings in Russia: Textbook for universities / Ed. N.I. Gazetdinova. – Kazan: Publishing house Kazan. University, 2004. – 496 p.
30. The FSB came with a search to the deputy Kolokoltsev // <https://pasm.ru/archive/264312/03/04/2020/>.
31. TSSR told how to protect entrepreneurs from criminal prosecution. // <https://pravo.ru/news/view/145759/03/01/2018/>.
32. Four knives in the back of a business: lawyers about who “nightmares” entrepreneurs. // <https://pravo.ru/news/625536/16/01/2018/>.

Виктимблейминг или роль жертвы в совершении преступления

Присекин Андрей Валерьевич,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой трудового и экологического права, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: prisekinandrey@yandex.ru

Парин Дмитрий Витальевич,

студент, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: parin.dv@students.dvfu.ru

В данной статье авторы рассматривают вопросы, касающиеся парадокса виктимблейминга. В ходе исследования авторы соотносят понятия: жертва преступления и потерпевший. Авторы считают, что виктимблейминг в большей степени влияет на осуждение жертвы со стороны общества. При этом отмечается, что черты виктимблейминга имеют некоторое законодательное регулирование. Авторы приходят к выводу о том, что п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ст. 107 УК РФ содержат указание на некоторые элементы обвинения жертвы, которые выступают в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, или квалифицирующих признаков состава преступления. В ходе исследования проводится анализ, как обвинение жертвы может повлиять на работу правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, вина, потерпевший, жертва, виктимблейминг, обстоятельства, смягчающие наказание.

На протяжении всего своего существования обществу было присуще насилие в различных его формах и аспектах. И одной из наиболее распространенных его форм является насилие, совершаемое человеком по отношению к другому человеку. Сегодня проявление насилия любого рода по отношению к человеку запрещено, в большинстве случаев нормами уголовного закона. В частности, именно такие деяния, запрещенные уголовным законом, и составляют институт уголовного права – преступление.

В правовой литературе под преступлением принято понимать общественно опасное, виновное, уголовно – противоправное деяние, причинившее общественно опасное последствие[1, с. 278]. Преступление представляет собой сложную систему, состоящую из подсистем и отдельных элементов. В теории уголовного права выделяют четыре подсистемы состава преступления: субъект, объект, субъективная сторона и объективная сторона. Все они неразрывно связаны друг с другом, отсутствие хотя бы одного из них приведет к распаду всей системы преступления. Указанные подсистемы состоят из структурных компонентов. Так, субъект преступления, как подсистема, содержит в себе описание физического лица, которое совершило преступление, его вменяемость, возраст, занимаемую должность или выполняемую социальную роль, если существует необходимость указания на это; объект – общественные отношения, охраняемые законом и нарушаемые преступным деянием субъекта; субъективная сторона – вина, мотив, цель и эмоциональное состояние субъекта преступления; объективная сторона – элементы описания признаков деяния. Приведенное выше является классической моделью состава преступления.

Как отмечалось, насилие, совершаемое человеком по отношению к другому человеку, является одной из наиболее распространенных форм. Это подтверждается и данными, приведенными Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Так, из 598214 осужденных по основной статье 134406 были осуждены за преступления против личности[2], что составляет почти четверть из всех совершенных преступлений.

Преступления против личности посягают не только на публичный интерес, направленный на охрану и защиту каждого человека и его здоровья, но и прежде всего на законные права и интересы самого лица, по отношению к которому было направлено преступное деяние. Лицо, пострадавшее от преступного деяния, признается потерпевшим. В криминологии такое лицо принято называть жертвой преступления.

Потерпевший – это процессуальное положение лица, которого признали таковым. Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ указывает, что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации[3]. Потерпевшим могут быть признаны не только лица, которым был причинен непосредственный вред, но и его близкие родственники, близкие лица или родственники в том случае, если последствием совершения преступления явилась смерть лица, при этом если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, все эти лица могут быть признаны таковыми[4].

Жертва преступления – это виктимологическое понятие. В литературе существуют разные подходы к раскрытию этого понятия и соотношения с процессуальным статусом потерпевшего. В.П. Коновалов утверждает, что жертва преступления – это человек или определенная общность людей в любой форме интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением. В.В. Лунеев полагает, что «жертва преступления – более широкое понятие, чем потерпевший от преступления... Далеко не каждая жертва преступления, особенно побочная, признается потерпевшей» [5, с. 45]. Однако следует отметить тот факт, что большинство авторов сходятся на мнении того, что понятия «жертва» и «потерпевший» следует использовать в качестве равнозначных в криминальной виктимологии,

В теории уголовного права и криминологии роль жертвы в преступлении оценивается неоднозначно. Однако наиболее парадоксальным явлением считается виктимблейминг, который заключается в том, что обвинению подлежит не лицо, совершившее насилие, а лицо, которое было подвергнуто насилию, т.е. жертва. Нельзя не отметить то, что в большинстве случаев обвинение исходит со стороны социума и практически никак не влияет на законное обвинение лица, совершившего преступление, со стороны государственных органов. Однако существует и такие факты, когда жертва преступления подвергается «обвинению» со стороны правоохранительных органов, что в значительной мере может влиять на ход дальнейшего расследования уголовного дела. Лицо же, совершившее общественно опасное уголовно – противоправное деяние, виновно в его совершении и подлежит ответственности в соответствии с действующим законодательством, при этом потерпевший может быть подвергнут общественному суду и порицанию.

Виктимблейминг наиболее актуален для жертв «домашнего насилия» и изнасилования, а особенно для женщин, которые носят вызывающую, откровенную одежду и таким образом «дают свое

согласие» на действия сексуального характера. Однако говорить о том, что виктимблейминг осуществляется только по отношению к женщинам неверно, такому обвинению подвергаются и мужчины. Ярким примером этому является уголовное дело, возбужденное в отношении рядового Рамиля Шамсутдинова[6]. Обвинению со стороны некоторой части общества подверглись убитые, а содеянное Шамсутдиновым расценивалось как справедливая кара за действия со стороны командования и сослуживцев.

Зачастую представления общества строятся на том, что жертва должна была осознавать существующую для нее опасность, а следовательно, должна была предпринять меры для ее недопущения, таким образом часть ответственности за совершенное насилие фактически перекладывается с лица, которое совершило преступление, на потерпевшего. Такой парадокс общественной мысли М. Ларнер объясняет следующим: «обвинение жертвы строится на вере в справедливый мир – психологической защите, которая позволяет сохранять иллюзию того, что плохое не случится с тобой, если «соблюдать правила» [7, р. 210].

Обвинение жертвы в совершении над ней насилия никак не должно влиять на положение лица, совершившего насилие, и никак не должно «обелять» его перед обществом. Однако зачастую в практике правоприменения оно играет огромную роль. В некоторых ситуациях следователи склонны к обвинению жертвы, что, во-первых, влияет на дальнейший ход расследования, во-вторых, является особо опасным в правоприменительной практике. И такое поведение следователя на практике не преследуется, что повышает опасность виктимблейминга в несколько раз. Следователь, занимающийся в первую очередь объективным выяснением обстоятельств уголовного дела, расследованием, должен быть беспристрастным во всем, особенно при взаимодействии с обратившимися за помощью к нему гражданами. Такое поведение следователя противоречит целям, задачам правоохранительной деятельности. Виктимблейминг может играть важную роль и в судебном разбирательстве. «Провоцирующее» и вызывающее поведения жертвы как в ходе судебного разбирательства, так и в момент совершения преступления могут влиять на внутренние убеждения судьи, что в свою очередь влияет на приговор, который выносится обвиняемому. Данные примеры основываются лишь на человеческой психологии и какого – либо законодательного закрепления не имеют. При этом следует отметить, что некоторый аспект виктимблейминга, когда часть вины за совершенное преступление «перекладывается» на потерпевшего, имеет законодательное закрепление.

Некоторые аспекты обвинения жертва можно обнаружить в п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ и в ст. 107 УК РФ. Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления[8] выступает в уголовном праве

в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание, назначаемое лицу, совершившему преступление. В случае совершения лицом преступления, поводом которого являлось аморальное и (или) противоправное поведение потерпевшего, поведение жертвы играет немаловажную роль, именно оно выступает в качестве того фактора, который спровоцировал лицо на совершение противоправного деяния. Фактически в этом случае часть вины за совершение преступления перекладывается на саму жертву. Данное обстоятельство никак не влияет на правовое положение жертвы. Несмотря на факт аморального и (или) противоправного) поведения потерпевшего, лицу, которому был причинен вред, остается потерпевшим, правоохранительные органы не могут привлечь такое лицо к какой-либо ответственности, за исключением некоторых случаев. Фактически потерпевший «отдается» на общественный суд. При этом при применении п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ судам следует учитывать именно факты противоправного и (или) аморального поведения жертвы преступления. Противоправность означает нарушение правовых норм, аморальность – несоблюдение норма морали, правил поведения общества. Несмотря на строгое определение формы девиантного поведения жертвы, в рассматриваемой статье четко прослеживаются черты виктимблейминга.

Убийство в состоянии аффекта является привилегированным составом убийства, в котором санкция статьи предусматривает наказание значительно менее строгое, чем санкция статьи, закрепляющая наказание за совершение простого убийства. Диспозиция ст. 107 УК РФ предусматривает противоправное и (или) аморальное поведение потерпевшего в качестве квалифицирующего признака. Аналогичным образом, как и в ст. 61 УК РФ, такое поведение жертвы выступает фактором, который спровоцировал совершение преступления, и также фактически часть вины перекладывается на саму жертву преступления. Однако ст. 107 УК РФ помимо поведения жертвы в качестве квалифицирующего признака, содержит указание на состояние аффекта лица, совершившего преступление, которое и было вызвано поведением потерпевшего. В судебной практике отмечается что для рассматриваемого состава преступления обязательным признаком, является причинение вреда под влиянием именно состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения[9]. Несмотря на это в составе преступления, предусмотренном в ст. 107 УК РФ, четко прослеживаются черты виктимблейминга, что прямо влияет на размеры уголовного наказания.

Таким образом виктимблейминг, оставаясь парадоксом общественной психологии, когда социум предрасположен перекладывать полностью или часть вины на жертву посягательства, в некоторой степени имеет правовое отражение в нормах уголовного закона. Такое закрепление напрямую влияет на размер назначаемого лицу, виновному

в совершении преступного деяния, наказания, что может быть логически обосновано. Однако с другой стороны то давление, которое оказывается на жертву преступления как со стороны общества, так и со стороны правоохранительных органов в случаях виктимблейминга колоссально. Субъективное обвинение потерпевшего не должно влиять на рассмотрение уголовных дел, которое должно оставаться беспристрастным и объективным. Такое обвинение может привести к весьма неутешительным последствиям неверной практики правоприменения.

Литература

1. Полный курс уголовного права; В 5 т. / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 1113 с.
2. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k6-svod_vse_sudy-2019.xls
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 N174-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации». 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/
5. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 45.
6. «Названа причина расстрела солдат сослуживцем в Забайкалье». [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/10/30/reg-dfo/nazvana-prichina-rasstrela-soldat-sosluzhivcem-v-zabajkale.html>
7. Dussich J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion (Critical Issues in Social Justice). New York: Springer, 1980. P. 210.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/#dst0

VICTIM BLAMING OR THE ROLE OF THE VICTIM IN THE COMMISSION OF A CRIME

Prisekin A.V., Parin D.V.

Far Eastern Federal University

In this article, the authors consider issues related to the paradox of victim blaming. In the course of the study, the authors correlate the concepts: victim of crime and victim. The authors note that victim blaming has a greater impact on the victim's condemnation by society. At the same time, it is noted that the features of victim blaming have some legislative regulation. The authors come to the conclusion that p. "z" part 1 of article 61 of the criminal code and art. 107 of the criminal code of the Russian Federation contain an indication of certain elements of the victim's accusation, which act as circumstances that mitigate the punishment, or qualifying signs of a crime. The study analyzes how the victim's accusation can affect the work of law enforcement agencies.

Keywords: criminal law, crime, guilt, victim, victim blaming, mitigating circumstances.

References

1. A full course of criminal law; In 5 t. / Ed. Doct. legal sciences, prof., Honored Scientist of the Russian Federation A.I. Kobeyeva. T.1. Crime and Punishment. SPb: Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press", 2008. 1113 p.
2. Report on the peculiarities of considering criminal cases, applying real types of punishment and the grounds for terminating criminal cases of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2019 [Electronic resource]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k6-svod_vse_sudy-2019.xls
3. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: federal. Law of December 18, 2001 N174-ФЗ // Collection of Legislation Ros. Federation. "2001. No. 52 (Part I). Article 4921.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2010 N17 "On the practice of application by the courts of the rules governing the participation of the victim in criminal proceedings." [Electronic resource]. Access from the consultant legal system Consultant Plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/
5. Luneev VV Social consequences, victims and the cost of crime // State and law. 2009. No. 1. P. 45.
6. "The reason for the execution of soldiers by a colleague in Transbaikalia was named." [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2019/10/30/reg-dfo/nazvana-prichina-rasstrelya-soldat-sosluzhivcem-v-zabajkale.html>
7. Dussich J. The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion (Critical Issues in Social Justice). New York: Springer, 1980. P. 210.
8. The Criminal Code of the Russian Federation: federal. Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Sobr. Legislation Ros. Federation. 1996. No. 25. Article 2954.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 N19 "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and harm in the detention of the person who committed the crime." [Electronic resource]. Access from the consultant legal system Consultant Plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/#dst0

Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития

Гринь Давид Сергеевич,

аспирант кафедры уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: ndavid@rambler.ru

В статье исследуются современное состояние, правовые основы применения, а также тенденции развития видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Автор подверг анализу этапы становления российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего применение видео-конференц-связи в различных стадиях и формах судебного производства. Выделены ряд проблем современного состояния исследуемой технологии, среди которых указываются отсутствие четкого, исчерпывающего и единого легального определения видео-конференц-связи, разность в подходах по использованию видео-конференц-связи применительно к отдельным стадиям судебного производства, проблемы фиксации и дальнейшего использования в доказывании информации, полученной с применением видео-конференц-связи. В то же время отмечается, что судебная система в настоящее время технически готова к наиболее широкому применению видео-конференц-связи при осуществлении правосудия. По итогам исследования сформулированы выводы о том, что наметилась тенденция расширения допустимости применения технологии видео-конференц-связи по стадиям и формам судебного производства. При этом отмечается востребованность систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Развитие уголовно-процессуального права в целом в условиях глобальных вызовов и угроз должно происходить с соблюдением ряда условий: безусловное соблюдение процессуальной формы; расширение пределов усмотрения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, суда по вопросам использования видео-конференц-связи; расширение применения возможностей дистанционных технологий не только в стадиях судебного производства, но и во всех стадиях уголовного процесса; вектором развития видео-конференц-связи должен быть переход от двухсторонней связи двух абонентов к веб-видео-конференц-связи с многочисленными участниками.

Ключевые слова: уголовный процесс, технические средства в уголовном процессе, видео-конференц-связь, стадии уголовного судопроизводства, суд, свидетель, следственные действия, допрос, пандемия.

Развитие информационных технологий, значительно изменивших жизнь человека, функционирование государства и общества, существенным образом повлияло и на правоохранительную сферу государственной деятельности. В последние десятилетия наблюдается интенсивное внедрение плодов научно-технического прогресса в уголовное, гражданское, другие виды судопроизводства. В отличие от иных областей человеческой деятельности, проникновение различного рода современных технологий и технологических новинок в сферу судопроизводства в самом широком его понимании требует особого, щепетильного подхода в формировании правовых основ, принципов и условий, процессуальной формы применения научно-технических средств.

Особую значимость, как с точки зрения введения в судопроизводство и его развития, так и с точки зрения формирования правовых основ, приобретают технологии, предназначенные для передачи на расстояние аудиовизуальной информации. В судопроизводстве такого рода технологии нормативно закреплены как видео-конференц-связь.

Видео-конференц-связь представляет собой компьютерно-информационную технологию, позволяющую субъектам, находящимся на значительном отдалении между собой, обмениваться цифровой аудио- видеoinформацией в режиме реального времени.

Технологии видео-конференц-связи широко применяемые в быту имеют определенную историю применения и в уголовном процессе.

Так, 20 апреля 2020 г. на официальном сайте Верховного суда РФ размещена информация о 20-летию применения видео-конференц-связи в высшей судебной инстанции. Как отмечается «Первое слушание дел в Верховном Суде РФ в режиме удаленного присутствия осужденных было проведено 19 апреля 2000 г. Непрерывный сеанс связи Верховный Суд Российской Федерации – СИЗО-77/3 Главного управления исполнения наказаний (далее – ГУИН) г. Москвы продолжался около 3-х часов. Судебной инстанцией было рассмотрено три уголовных дела. На тот период времени система видео-конференц-связи продемонстрировала высокое качество и стабильность работы. Никаких срывов связи, заметных артефактов на изображении и качестве звука отмечено не было. С этого времени в Российской Федерации началось формирование видео-конференц-связи

федерального уровня для проведения судебных заседаний» [1].

Между тем, применяться видео-конференц-связь начала немногим раньше. Впервые видео-конференц-связь была задействована в производстве по уголовному делу 18 ноября 1999 г. в Челябинском областном суде в кассационной инстанции. В пресс-службе суда отмечалось, что «день 18 ноября 1999 г. стал революционным для правосудия России» [2].

На сегодняшний день Верховный Суд РФ имеет возможность выйти в сеанс общения с помощью систем видео-конференц-связи практически с любым из судов в России, находящихся в разных, самых отдаленных территориях. С 2018 года начался процесс подключения к системам видео-конференц-связи федерального уровня мировых судей, при том, что в стране насчитывается стране более семи с половиной тысяч участков мировых судей.

С учетом того, что судебные заседания в уголовном судопроизводстве в большинстве случаев проходят с отдаленным участием обвиняемых или осужденных, находящихся в учреждениях ФСИН России, более 90% из них также имеют подключение к судебной системе видео-конференц-связи.

В общей сложности для нужд судебной системы насчитывается более восьми тысяч помещений и залов судебного заседания, оборудованных комплексами видео-конференц-связи [1].

Все это говорит о том, что судебная система в настоящее время технически готова к наиболее широкому применению видео-конференц-связи при осуществлении правосудия. Но, закономерно возникают два вопроса: 1) как обстоят дела с правовым обеспечением, нормативной основой применения видео-конференц-связи в уголовном процессе? 2) насколько востребованы на практике столь широкие возможности применения видео-конференц-связи?

По первому вопросу следует отметить, что с принятием Уголовно-процессуального кодекса 2001 г. [3] (далее по тексту – УПК РФ) получила законодательное закрепление возможность использования видео-конференц-связи при производстве в суде кассационной инстанции. В дальнейшем изменения в УПК РФ были направлены на расширение допустимости применения исследуемой технологии и в других стадиях и формах судебного производства. Среди этапов подобного расширения следует назвать закрепление федеральным законом возможности прибегнуть к видео-конференц-связи при производстве в суде надзорной инстанции [4], разрешение воспользоваться технологией видео-конференц-связи при производстве о применении принудительных мер медицинского характера [5], введение в УПК РФ специальной статьи определяющей основы допроса с помощью видео-конференц-связи в суде первой инстанции [6], а также дополнения в уголовно-процессуальный закон дающие основания применения видео-конференц-связи в суде апелляционной инстанции [7]. Такое подробное повество-

вание обо всех изменениях и дополнениях в УПК РФ преследует цель показать, что в настоящее время технология видео-конференц-связи может быть использована практически во всех стадиях и формах судебного производства. В то же время имеются и существенные пробелы и проблемные аспекты в нормативном закреплении. Среди самых существенных среди них можно привести отсутствие четкого, исчерпывающего и единого легального определения видео-конференц-связи, разность в подходах по использованию видео-конференц-связи применительно к отдельным стадиям судебного производства, проблемы фиксации и дальнейшего использования в доказывании информации, полученной с применением видео-конференц-связи и др.

Касаемо второго вопроса, действительно, отмечается востребованность систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. В одной из опубликованных нами ранее статей [8] приводились цифры официальной статистики обнародованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ [9, 10] свидетельствующие о достаточно широком использовании технологии видео-конференц-связи судами различных уровней при производстве по уголовным делам. На сегодняшний день вся судебная система Российской Федерации проводит свыше 1500 судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи за сутки [1]. В период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. года число случаев применения систем видео-конференц-связи в судебных заседаниях во всех видах судопроизводства насчитывает 8 тыс. [11]

Эти обстоятельства предполагают дальнейшее совершенствование правового регулирования в уголовном процессе и повышение эффективности практики ее применения, и определяют необходимость последующих научных исследований этой важнейшей и значимой для судопроизводства технологии.

При этом в развитии применения технологии видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве существенное значение приобретают возникающие новые глобальные угрозы, вносящие непредвиденные ранее коррективы в обыденную работу, как судов всех уровней, так и всех правоохранительных органов. Речь, конечно же, идет, о протекающей во всем мире пандемии COVID-19. Как никогда технологии видео-конференц-связи становятся не просто востребованными, а зачастую, единственно возможными приемлемыми к использованию в уголовном судопроизводстве, позволяющими свести к минимуму контакты людей.

При этом развитие уголовно-процессуального права в целом в условиях глобальных вызовов и угроз должно происходить с соблюдением ряда условий:

1) Недопустимо отклонение от положений законодательства, определяющих процессуальную форму производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений, поскольку соблюдение нормативно определенной проце-

дуры является одним из элементов реализации принципа законности и гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Отклонение от процессуальной формы, особенно в такой чувствительной в плане соблюдения прав и свобод человека сфере как уголовное судопроизводство недопустимо ни при каких условиях.

2) Процессуальная форма использования дистанционных способов правоотношений в частности в режиме видео-конференц-связи должна быть быстро адаптируема к стремительно меняющейся ситуации и должна давать возможность для максимального проявления усмотрения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, суда.

3) Необходимо расширение применения возможностей дистанционных технологий не только в стадиях судебного производства, но и во всех стадиях уголовного процесса. На первоначальном этапе такого рода расширение с учетом возможностей технического оснащения судебной системы, о которых было сказано выше, могло бы быть произведено применительно ко всем процедурам, в которых принимает участие суд. К примеру, по аналогии с разбирательством дела в суде первой инстанции видео-конференц-связь могла бы иметь место при производстве по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ, при рассмотрении судом ходатайств о производстве следственных действий или применении мер процессуального принуждения. В дальнейшем расширение области применения видео-конференц-связи может быть направлено и на другие процедуры, в которых суд не принимает непосредственного участия. Многими учеными-процессуалистами и ранее обосновывалась и поддерживается идея расширения сферы применения видео-конференц-связи в досудебном производстве [12, 13, 14].

4) Вектором развития видео-конференц-связи должен быть переход от двухсторонней связи двух абонентов к веб-видео-конференц-связи с многочисленными участниками. Таковыми участниками должны стать все субъекты уголовно-процессуальной деятельности, имеющие различного рода процессуальные статусы, а сама процедура веб-конференции должна быть максимально приближена к реальным процессуальным процедурам, в частности к судебному заседанию. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что никакая веб-видео-конференц-связи не сможет на сто процентов заменить реальные уголовно-процессуальные процедуры, а должна применяться лишь в крайних случаях, каковой, безусловно, является нынешняя ситуация с пандемией, сроки течения и завершения которой не могут с точностью определить в экспертном сообществе, и которая возможно не будет единичной.

Резюмируя, отметим главное:

1) судебная система в настоящее время технически готова к наиболее широкому применению видео-конференц-связи при осуществлении правосудия. Исследование развития законодатель-

ства о видео-конференц-связи позволяет определить тенденцию расширения допустимости применения технологии видео-конференц-связи по стадиям и формам судебного производства. При этом отмечается востребованность систем видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве.

2) Развитие уголовно-процессуального права в целом в условиях глобальных вызовов и угроз должно происходить с соблюдением ряда условий:

- безусловное соблюдение процессуальной формы;
- расширение пределов усмотрения участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, суда по вопросам использования видео-конференц-связи
- расширение применения возможностей дистанционных технологий не только в стадиях судебного производства, но и во всех стадиях уголовного процесса;
- вектором развития видео-конференц-связи должен быть переход от двухсторонней связи двух абонентов к веб-видео-конференц-связи с многочисленными участниками.

Литература

1. 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. 2020 г. 20 апреля. URL: http://www.vsrfl.ru/press_center/news/28850/ (дата обращения: 24.04.2020).
2. Исполнилось 10 лет технологии видео-конференц-связи в российском правосудии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Челябинского областного суда. 2009. 18 нояб. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566> (дата обращения: 23.03.2020).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собрание законодательства. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. О внесении изменения в ст. 407 Уголовно-процессуального кодекса РФ: федер. закон от 14 марта 2009 г. № 37-ФЗ: утратил силу 1 янв. 2013 г. // Собрание законодательства. 2009. № 11. Ст. 1266.
5. О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ: в ред. от 29 дек. 2010 г. № 433-ФЗ // Собрание законодательства. 2010. № 49. Ст. 6419.
6. О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства. 2011. № 13. Ст. 1686.
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ: федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 433-ФЗ:

в ред. от 31 дек. 2014 г. № 518-ФЗ // Собрание законодательства. 2011. № 1. Ст. 45.

8. Гринь Д.С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82–87.
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2019 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения: 12.01.2020).
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 12 месяцев 2018 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 12.01.2020).
11. Работа отечественных судов в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. 2020 г. 21 апреля. URL: http://www.vsrfr.ru/press_center/news/28858/ (дата обращения: 24.04.2020).
12. Архипова Е. А., Щербина С.П. Правовые основания применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.
13. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференц-связи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 62–64.
14. Овчинникова О.В. Перспективы применения видеоконференцсвязи при производстве дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 28–31.

VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Grin D.S.

Kuban State University

The article examines the current state, legal bases of application, as well as trends in the development of video conferencing in criminal proceedings. The author analyzes the stages of formation of the Russian criminal procedure legislation regulating the use of video conferencing in various stages and forms of judicial proceedings. A number of problems of the current state of the technology under study are highlighted, including the lack of a clear, comprehensive and uniform legal definition of video conferencing, the difference in approaches to the use of video conferencing in relation to certain stages of judicial proceedings, the problems of fixing and further use in proving information obtained using video conferencing. At the same time, it is noted that the judicial system is currently technically ready for the most widespread use of video conferencing in the administration of justice. Based on the results of the study, the authors draw conclusions that there is a tendency to expand the permissibility of using video conferencing technology by stages and forms

of court proceedings. At the same time, there is a demand for video conferencing systems in criminal proceedings. The development of criminal procedure law as a whole in the context of global challenges and threats must take place in compliance with a number of conditions: unconditional compliance with the procedural form; expanding the discretion of participants in criminal proceedings, first of all, the court on the use of video conferencing; expanding the use of remote technologies not only in the stages of judicial proceedings, but also in all stages of criminal proceedings; the vector of development of video conferencing should be the transition from two-way communication between two subscribers to web video conferencing with multiple participants.

Keywords: criminal proceedings, technical means in criminal proceedings, video conferencing, stages of criminal proceedings, court, witness, investigative actions, interrogation, pandemic.

References

1. 20-year-old application of video conferencing in the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020 April 20. URL: http://www.vsrfr.ru/press_center/news/28850/ (accessed: 24.04.2020).
2. 10 years of video conferencing technology in Russian justice have been Fulfilled [Electronic resource] // Official website of the Chelyabinsk regional court. 2009. 18 Nov. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566> (accessed: 23.03.2020).
3. Criminal procedure code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. of April 24, 2020) // Collection of legislation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921.
4. On amendments to article 407 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: Feder. law No. 37-FZ of March 14, 2009: expired on January 1, 2013 // Collection of legislation. 2009. No. 11. St. 1266.
5. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation: Feder. law of November 29, 2010 No. 323-FZ: ed. from 29 Dec. 2010 № 433-FZ // Collection of legislation. 2010. No. 49. St. 6419.
6. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation: Feder. law No. 39-FZ of March 20, 2011 // Collection of legislation. 2011. No. 13. St. 1686.
7. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation and invalidation of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation: Feder. the act of 29 Dec. 2010 No. 433-FZ: in ed. from 31 Dec. 2014 № 518-FZ // Collection of legislation. 2011. No.1. St. 45.
8. grin D.S. Theoretical and normative definition of videoconferencing in criminal proceedings // Legal science. 2020. No. 3. Pp. 82–87.
9. Summary statistical data on the activities of Federal courts of General jurisdiction and magistrates for the 1st half of 2019 / Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (accessed: 12.01.2020).
10. Summary statistical data on the activities of Federal courts of General jurisdiction and magistrates for 12 months of 2018 / Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (date accessed: 12.01.2020).
11. Work of domestic courts in the context of a pandemic [Electronic resource] // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020 April 21. URL: http://www.vsrfr.ru/press_center/news/28858/ (accessed: 24.04.2020).
12. Arkhipova E. A., Shcherba S.P. Legal grounds for the use of videoconferencing in criminal proceedings in Russia // Criminal law. 2014. No. 4. С. 109–117.
13. Zheltobryukhov S.P. On the need to provide the preliminary investigation body with the possibility of using videoconferencing at the stage of pre-trial proceedings // The Russian justice. 2016. No. 1. Pp. 62–64.
14. Ovchinnikova O.V. Prospects for the use of videoconferencing in the production of an inquiry // Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. P. 28–31.

О понятии негласных следственных действий

Костенко Александр Борисович,

аспирант кафедры уголовного процесса, Кубанский
государственный университет
E-mail: kos.80@list.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы доказывания по уголовным делам в части использования возможностей оперативно-розыскных действий, освещается научная полемика в этой сфере. Автор анализирует теоретические положения, посвященные определению следственных действий и негласных следственных действий. В работе рассматривается опыт ряда зарубежных стран в части негласных (тайных, специальных) следственных действий, анализируются понятия негласных следственных действий, закрепленных в законодательстве. Приводятся авторские определения.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, собирание доказательств, оперативно-розыскная деятельность, негласные следственные действия.

Расследование преступлений и изобличение виновных в их совершении лиц является одной из главных задач, стоящих перед органами, осуществляющими предварительное расследование. При осуществлении своей деятельности следователи и дознаватели ограничены средствами, предусмотренными в УПК РФ, а именно рамками следственных действий. Уже давно в науке и практике уголовного процесса идет полемика на тему проблем использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.

На данный момент можно совершенно точно заявить, что расследование уголовных дел в современном мире без использования негласных (тайных) средств и способов получения информации невозможно. Эту точку зрения разделяют как в науке, так и в практике. Например, А.М. Карл пишет, что в настоящее время без средств оперативно-розыскной деятельности расследование преступлений является невозможным. Кроме того, если речь идет о преступлениях экстремистского или террористического характера, о коррупционных преступлениях, незаконном обороте наркотиков и оружия, все предварительное расследование ведется на основе информации, предоставленной оперативно-розыскными органами [1].

На данный момент в мире сложилось несколько моделей *взаимодействия* оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности:

- нормативное регламентирование негласных средств и способов получения доказательственной информации вне уголовно-процессуального законодательства отсутствует;
- негласные средства и способы получения доказательств существуют как в рамках оперативно-розыскной, так и процессуальной деятельности;
- оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность определяются в законодательстве обособленными друг от друга правовыми институтами.

К последней модели относится российское уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство. Согласно действующему УПК РФ, результаты ОРД не являются доказательствами, но могут использоваться в доказывании по уголовному делу. При этом законодателем не определен ни механизм, ни процедура введения в процессуальное поле результатов оперативно-розыскных мероприятий. В связи с этим на практике возникает вопросов больше, чем ответов, и правоприменители вынуждены идти на ухищрения, чтобы эффективно расследовать преступления.

Одним из путей решения существующей проблемы использования в процессуальных рамках

доказывания по уголовным делам информации, полученной негласными (тайными) способами, является включение в УПК РФ положений, посвященных негласным следственным действиям, и, как следствие, исчерпывающего перечня этих действий. По этому пути пошли такие страны, как Швейцария, Франция, Греция, Германия, Бельгия, Украина, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва и Грузия.

Как отмечает В.А. Семенцов, опыт отдельных государств позволяет утверждать, что интеграция оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности возможна путем преобразования ОРМ в негласные следственные действия и даже за счет прямой уголовно-процессуальной регламентации ОРМ, с приданием полученным результатам доказательственного значения наравне со следственными и иными процессуальными действиями [2].

Но для правильного понимания негласных следственных действий необходимо разобраться с терминологией, присущей данному институту. В первую очередь необходимо определиться с понятием. Оно имеет во многом определяющее значение для последующего правильного построения системы негласных следственных действий в рамках процессуального законодательства.

Н.А. Данилова и Т.Г. Николаева, отмечают, что проявления ненадлежащего качества закона усложняют понимание людьми содержания и значения правовых норм и затрудняют их единообразное применение, в связи с этим возможны нарушения прав, свобод и интересов граждан. Снижается способность правовых норм эффективно регулировать общественные отношения [3]. Это замечание имеет особую актуальность в рамках данного института, ведь негласные следственные действия в определенной степени способны нарушить конституционные права и свободы граждан, вовлеченных в уголовный процесс. В срезе следственных действий, по нашему мнению, понятие играет ключевую роль в уяснении их смысла и содержания, которые в последующем оказывают решающее значение в единообразии их применения.

На данный момент, по понятным причинам, уголовно-процессуальное законодательство России не содержит понятия негласных следственных действий. Для того чтобы его сформулировать, необходимо отталкиваться от понятия следственных действий в общем. Стоит заметить, что в УПК РФ отсутствует нормативное определение и самих следственных действий. В п. 19 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие неотложных следственных действий. В п. 32 ст. 5 УПК РФ говорится о следственных действиях как о разновидности процессуальных действий, не раскрывая сущности оных. Отсутствуют эти определения и в каких-либо иных нормативно-правовых актах. Из этого можно заключить, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют официальные закрепления понятий следственных действий и негласных следственных действий. Хо-

тя, как отмечает К.С. Доронин, в УПК РФ закреплены следственные действия, смысл которых указывает на их негласный характер [4]. По нашему мнению, это упущение законодателя, которое неблагоприятно сказывается на качестве закона.

Для того чтобы прийти к понятию негласных следственных действий необходимо разобраться, что такое следственные действия. В связи с тем, что законодатель не закрепил это понятие в УПК РФ, обратимся к мнению ученых процессуалистов.

Согласно мнению С.А. Шейфера, термин «следственные действия» традиционно интерпретируется учеными в широком смысле, когда она охватывает все действия следователя в соответствии с уголовно-процессуальным законом и в узком, когда под ними понимаются только действия когнитивного характера (например допрос, освидетельствование и т.д.) [5]. Как он отмечает, многие ученые считают, что все, что следователи делают для соблюдения требований уголовно-процессуального закона, является следственными действиями. Это широкое толкование термина с использованием знака равенства между процессуальными и следственными действиями [6].

О.В. Гладышева и В.А. Семенцов дают такое определение понятия «следственные действия» – это предусмотренные УПК РФ действия участников уголовного судопроизводства (дознавателя, следователя и суда) по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленных на установление и доказывание имеющих значение фактических обстоятельств, характеризующихся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением [7].

А.Б. Соловьев под следственными действиями понимает «подробно регламентированные уголовно-процессуальным законом и применяемые в целях собирания (формирования) доказательств действия, имеющие познавательный и удостоверительный аспекты (стороны) и включающие систему взаимосвязанных операций, которые обусловлены своеобразным сочетанием в каждом из общенаучных методов познания, соответствующих особенностям следов преступления» [8].

Н.С. Манова, пишет, что следственные действия – это производимые следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальные действия, целью которых являются собирание и проверка доказательств [9].

Р.С. Белкин определяет следственное действие как предусмотренные уголовно-процессуальным законом действие по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Осуществляемое следователем, дознавателем или прокурором [10].

По нашему мнению, наиболее полно суть понятия следственные действия отражает определение данное О.В. Гладышевой и В.А. Семенцовым, однако проведя исследование данного вопроса мы можем предложить несколько измененное опреде-

ление следственных действий – это подробно регламентированные УПК РФ познавательные действия, применяемые в рамках расследования уголовного дела уполномоченными участниками судопроизводства по собиранию, проверке и оценке доказательств, направленных на установление и доказывание имеющих значение фактических обстоятельств дела, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением.

Для того, чтобы на основании этого определения сформулировать понятие негласных следственных действий, необходимо проанализировать мнения ученых процессуалистов, а также законодательство и научную литературу тех стран, где это правовой институт уже работает.

Так, по мнению, К.С. Доронина, негласное следственное действие можно описать как особое процессуальное действие, предназначенное для получения доказательств секретными (негласными, конфиденциальными) методами с использованием специальных средств. Участники уголовного процесса, в том числе участники следственных действий, не знают об их осуществлении, за исключением тех, кто ведет уголовный процесс [11].

Б.М. Нургалиев и К.С. Лакбаев отмечают, что негласные следственные действия – это действия направлены на выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, и осуществляемые без уведомления тех, кто участвует в уголовном процессе, и тех, кто может предоставить эту информацию. Производимые в случае, если обстоятельства, подлежащие доказыванию не могут быть установлены каким-либо иным способом [12].

Понятие негласных следственных действий дается практически во всех уголовно-процессуальных законодательствах, где оперативно-розыскные действия введены в процессуальное поле. При этом подобные действия могут именоваться «специальной розыскной деятельностью», «специальными следственными действиями», «розыскными действиями» и т.д.. По нашему мнению, наиболее подходящим является термин «негласные следственные действия». Он наиболее полно и точно отражает суть и смысл, заложенный в данный правовой институт. Этимологическое содержание слова «негласный», в русском языке установлено как: неизвестный другим, не явный, тайный [13].

В Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской Республики розыскная деятельность отмечается как обработка персональных данных для исполнения обязанности, установленной законом, с целью сокрытия факта и содержания обработки данных от субъекта данных [14].

В ч. 1 ст. 246 КПК Украины негласные следственные или розыскные действия определяются в качестве разновидности следственных действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению [15].

В УПК Грузии входит специальная часть – «Тайные следственные действия». Эти действия на-

правлены на введение оперативного сотрудника в преступную группу, создание конспиративной организации, проведение визуального или любого другого контроля (наблюдения), прослушивание телефонных и иных переговоров. Это закреплено в ст. 136–140 УПКГ [16].

В п. 12 ст. 7 УПК Казахстана под негласными следственными действиями понимаются действия, производимые в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересов которых оно касается в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК [17].

Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики, в ч. 1 ст. 210 предусматривает специальные следственные действия, которые необходимо предпринять в случаях, когда для установления обстоятельств расследуемого преступления необходимо получить информацию о фактах без уведомления лица, участвующего в уголовном процессе, и лиц, которые могли бы предоставить эту информацию [18].

Проведя анализ данных понятий, мнения ученых, а также основываясь на определении следственных действий мы можем предложить такое определение негласных следственных действий – это регламентированные УПК РФ познавательные действия негласного характера, осуществляемые с помощью специальных способов и средств, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению, проводимые в рамках расследования уголовного дела уполномоченными участниками процесса, направленные на установление и доказывание имеющих значение обстоятельств дела. Осуществляемые в порядке и случаях предусмотренных УПК РФ, когда подлежащие доказыванию обстоятельства расследуемого преступления установить иным способом не представляется возможным.

Литература

1. Карл А.М. Соотношение негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-neglasnyh-sledstvennyh-deystviy-i-operativno-rozysknyh-meropriyatiy> (дата обращения: 09.05.2020).
2. Семенцов В.А. О научном наследии профессора С.А. Шейфера по вопросу о проникновении оперативно-розыскных мер в систему следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchnom-nasledii-professora-s-a-sheyfera-po-voprosu-o-proniknovenii-operativno-rozysknyh-mer-v-sistemu-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 14.04.2020).
3. Данилова Н.А., Николаева Т.Г. Некоторые аспекты обеспечения конституционных прав

и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – с. 58–59.

4. Доронин К.С. Понятие негласного следственного действия в уголовном процессе // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neglasnogo-sledstvennogo-deystviya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 09.05.2020).
5. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. с. 5–6.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственные значения. Самара, 2004. с. 12–13.
7. Гладышева О.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2013. с. 198.
8. Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания? Научно-методическое пособие. М., 2006. с. 36.
9. Цит. по: Медиев Р.А. К вопросу об определении «Негласные следственные действия» по новому УПК Республики Казахстан // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-neglasnye-sledstvennye-deystviya-po-novomu-upk-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 12.05.2020).
10. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый юрист, 1997. с. 18.
11. Доронин К.С. Понятие негласного следственного действия в уголовном процессе // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neglasnogo-sledstvennogo-deystviya-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 09.05.2020).
12. Нургалиев Б.М., Лакбаев К.С. Негласные следственные действия: история, понятие, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. с. 164.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов: Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – с. 391.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии // <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ%20КОДЕКС%2001.01.2020.pdf>
15. Криминальный процессуальный кодекс Украины // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>
16. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=110>
17. Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года «Об оперативно-розыскной деятельности» // Правоохранительные органы: Сборник законодательных актов. – Алматы: ЮРИСТ, 2016. С. 135–150.
18. Уголовно-процессуальный закон Латвии http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html

ABOUT THE CONCEPT OF UNCOVERED INVESTIGATIVE ACTIONS

Kostenko A.B.
Kuban State University

The article discusses the urgent problems of evidence in criminal matters regarding the use of the capabilities of operational investigative actions, highlights the scientific debate in this area. The author analyzes the theoretical provisions on the definition of investigative actions and covert investigative actions. The work examines the experience of a number of foreign countries regarding covert (covert, special) investigative actions, analyzes the concepts of covert investigative actions enshrined in law. Author's definitions are given.

Keywords: proving, evidence, collecting evidence, operational-search activity, secret investigative actions.

References

1. Karl A.M. Correlation of unspoken investigative actions and operational-search measures // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No 3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-neglasnyh-sledstvennyh-deystviy-i-operativno-rozysknyh-meropriyatiy> (accessed: 05/09/2020).
2. Sementsov V.A. About the Scientific Heritage of Professor C.A. Sheyfer on the penetration of operational-search measures into the system of investigative actions // Legal Bulletin of Samara University. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchnom-nasledii-professora-sa-sheyfera-po-voprosu-o-proniknovenii-operativno-rozysknyh-mer-v-sistemu-sledstvennyh-deystviy> (date of treatment: 04/14/2020).
3. Danilova N.A., Nikolaeva T.G. Some aspects of ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in criminal proceedings // Bulletin of the University of the Prosecutor of the Russian Federation. – 2018. – No. 6 (68). – P. 58–59.
4. Dronin K.S. The concept of covert investigative action in criminal proceedings // Moscow University Herald. Series 11. Right. 2017. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neglasnogo-sledstvennogo-deystviya-v-ugolovnom-protsesse> (accessed date: 05/09/2020).
5. Sheifer S.A. Investigative actions. System and procedural form. M.: Yurлитinform, 2001. 5–6.
6. Sheifer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidence. Samara, 2004. P. 12–13.
7. Gladysheva O.V., Sementsov V.A. Criminal Procedure Law. General part and pre-trial proceedings: lecture course. 2nd ed., Revised. and add. – M.: Yurлитinform, 2013. 198.
8. Soloviev A.B. The system of investigative actions as a means of criminal procedural evidence? Scientific and methodological manual. M., 2006. 36.
9. Cit. by: Mediev R.A. To the question of the definition of “Covert investigative actions” under the new Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2015. No1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-neglasnye-sledstvennye-deystviya-po-novomu-upk-respubliki-kazahstan> (accessed: 05/12/2020).

10. Belkin R.S., Lifshits E.M. Tactics of investigative actions. M.: New Lawyer, 1997. P. 18.
11. Doronin K.S. The concept of covert investigative action in criminal proceedings // Moscow University Herald. Series 11. Right. 2017. No3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-neglasnogo-sledstvennogo-deystviya-v-ugolovnom-protsesse> (accessed date: 05/09/2020).
12. Nurgaliev B.M., Lakbaev K.S. Undercover investigative actions: history, concept, problems, prospects // Actual problems of using the situational approach in legal science and law enforcement: international materials. scientific-practical conf. Kaliningrad: Publishing House of the BFU named after I. Kant, 2012. 164.
13. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 53,000 words / S.I. Ozhegov: Under the general. ed. prof. L.I. Skvortsova. – 24th ed., Rev. – M.: Publishing House ONIX 21 Century LLC: Mir and Education Publishing House, 2003. – P. 391.
14. The Code of Criminal Procedure of Estonia // https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/CRIMINAL_PROCEDURE%20CODEX%2001.01.2020.pdf
15. The Criminal Procedure Code of Ukraine // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>
16. The Code of Criminal Procedure of Georgia // <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=110>
17. The law of the Republic of Kazakhstan dated September 15, 1994 "On operational-search activity" // Law enforcement agencies: Collection of legislative acts. – Almaty: JURIST, 2016. P. 35–150.
18. The Criminal Procedure Law of Latvia http://www.pravo.lv/liikumi/29_upz.html

Условия эффективности раскрываемости преступлений в оперативно-розыском производстве, на примере преступной группы, состоящей из взрослых и несовершеннолетних лиц

Новиков Алексей Валерьевич,

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабая Диана Николаевна,

научный сотрудник, ФКУ «Научно-исследовательский
институт ФСИН России»
E-mail: sdn10.70@mail.ru

Вопросы совершенствования раскрытия преступлений по делам оперативной разработки и делам оперативного учета в разное время рассматривались учеными и специалистами в сфере оперативно-розыскной деятельности далеко не однозначно (см.: С.С. Галахова, К.К. Горяинова, Е.С. Дубоносова, И.А. Климова, и многих других уважаемых авторов). Общие положения ОРД практически не претерпели существенных изменений, за исключением необходимости внесения нового понятийно-категориального аппарата, понятий (не всегда воспринимаемого оперативными сотрудниками в правоприменительной деятельности) и корреляции с учетом ряда ведомственных нормативных правовых актов по рассматриваемой проблематике. В сущности, организация и тактика агентурно-оперативной работы по раскрытию преступлений несовершеннолетних, также осталась без каких-либо существенных изменений. Проблемы оперативно-розыскного производства по делам оперативной разработки (ДОР) и делам оперативного учета (ДОУ) на несовершеннолетних лиц находятся, по существу, как и оперативно-розыскное обеспечение (ОРО), в стадии перманентного совершенствования.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовное расследование, уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия, дела оперативного учета, инспирирование (вовлекатель), УК РФ, УПК РФ, УИК РФ.

Исторический аспект не возможен без соответствующего примера, приведем определение из контрразведывательного словаря: «Реализация материалов оперативной разработки использование добытых в процессе разработки фактических данных при завершении оперативной разработки посредством открытых мер пресечения (возбуждение уголовного дела и арест разрабатываемого, выдворение из пределов СССР разрабатываемого иностранца) или же посредством оперативных мер (компрометация, вербовка разрабатываемого и т.п.). В случаях если разрабатываемые лица прекратили враждебную деятельность, материалы оперативной разработки могут быть реализованы для профилирования разрабатываемых»^[1].

В специализированной литературе, на наш частно-научный взгляд недостаточно рассматриваются понятия частичной, полной и смешанной реализации материалов оперативной разработки (ОР).

Частичная реализация материалов ОР имеет место, когда полученные сведения используются для решения частных целей разработки (устранение условий, способствующих совершению преступлений, создание условий, затрудняющих выполнение преступных планов и т.д.).

Полная реализация материалов ОР проводится в случаях, когда имеющаяся информация используется для обоснования возбуждения уголовного дела (УД), принятия к виновным мер по раскрытию преступлений².

Смешанная реализация материалов ОР – при выявлении участников преступной группы, состоящей из несовершеннолетних, взрослых и малолетних лиц. Частичная, полная и смешанная реализация материалов оперативной разработки наиболее типична в случаях, когда: не все лица выявлены; не все члены группы привлечены к уголовной ответственности; не все преступления доказаны; к уголовной ответственности привлечены лишь взрослые инспиризаторы (вовлекатели).

¹ Контрразведывательный словарь. – Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского. 1972.

² Основы оперативно – розыскной деятельности: Учебник / Под ред. В.Б. Рушайло. Изд. 4-е, стереотипное – СПб.: Издательство «Лань», 2002. С. 720

В соответствии с решаемыми задачами в качестве основных этапов реализации материалов оперативной разработки выделяются:

- анализ, обработка, систематизация и оценка собранных в процессе документирования фактических данных;
- принятие решения о начале реализации ОР;
- составление плана реализации ОР;
- передача материалов документирования ОР для решения вопроса о возбуждении УД;
- определение привлекаемых к реализации ОР сил и средств, расстановка и обеспечение взаимодействия со следователем для определения порядка и способов использования результатов документирования преступных действий. Правоприменительная практика показывает, что материалы дел оперативной разработки систематизируются следующими способами:

- в хронологическом порядке (по срокам их поступления);
- по эпизодам преступной деятельности;
- по лицам, в отношении которых осуществлялось документирование. Установление способа систематизации материалов ОР определяет оперативный сотрудник, исходя из объемов имеющейся информации, количества разрабатываемых лиц и характера совершенных преступлений. Главной целью систематизации полученных фактических данных о преступлениях несовершеннолетних является обеспечение максимально удобной группировки информации для ее оценки в целях дальнейшего использования.

В повседневной деятельности систематизировав накопленные материалы, оперативный сотрудник приступает к их оценке, которая осуществляется в процессе их обработки и анализа. Практика показывает, что данные действия оперативные сотрудники целенаправленно не производят, необоснованно полагая, что и без этого довольно ясно представляют дальнейший алгоритм с конгломератом содержанием накопленных данных, по материалам ОР.

Однако такой подход по факту приводит к серьезным ошибкам и даже процессуальным провалам реализации ДОР и ДОУ оперативными сотрудниками. К сожалению, следует констатировать, тот факт, что оперуполномоченные не учитывают этот элемент оперативной разработки в контексте определения конечной цели:

- использование полученных материалов для гласной проверки;
- придания полученным сведениям гласного характера;
- достоверности полученных сведений;
- степени задокументированности преступных действий разрабатываемых;
- роли каждого из несовершеннолетних лиц в преступной деятельности;
- характеристики членов преступной группы и его связей;
- мероприятия, по недопущению расшифровки конфиденентов;

- ОРМ, необходимые для обеспечения возбуждения УД;
- тактического варианта реализации материалов оперативной разработки.

Готовность материалов ДОР и ДОУ к реализации определяют следующие факты:

- выявлена преступная деятельность разрабатываемых несовершеннолетних лиц и инспираторов (вовлекателей), а также имеется возможность задержания с поличным или сразу после совершения преступления;
- задокументирована преступная деятельность части разрабатываемых несовершеннолетних лиц и инспираторов (вовлекателей),
- избрание процессуальной меры пресечения части разрабатываемых лиц, не препятствует изобличению других участников группы;
- получены достоверные оперативные данные о том, что разрабатываемые лица намериваются уничтожить улики, изобличающие их.

Исходя из оценки полученных данных, оперативный сотрудник совместно с вышестоящим руководством принимает решение о начале реализации дела. В этой связи совместно со следователем, которому поручено расследование, составляется план проведения ОРМ и следственных действий. Представляется, что существенной задачей, требующей продуманного решения, является определение порядка и тактических приемов производства следственных действий по закреплению фактических данных, полученных в процессе документирования. Реализация материалов оперативной разработки фактически основывается на нормах ФЗ «Об Оперативно-розыскной деятельности», Наставления и положениях Инструкции¹, в соответствии с которой они могут:

1) служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела (УД). В тех случаях, когда задокументированные фактические данные являются достаточными, они могут предоставляться следователю для ознакомления, с тем, чтобы он принял необходимое процессуальное решение. При этом оперативно-розыскная информация должна содержать данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о разрабатываемых лицах, их совершивших и очевидцах преступления; о местонахождении средств и орудий преступлений, которые могут стать вещественными доказательствами; о других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении УД;

2) быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных процессуальных действий.

Данное направление предусматривает организацию оперативно-розыскного обеспечения производства следственных и судебных действий,

¹ Инструкция о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или суду.

т.к. их осуществление без результатов ОРД иногда невозможно либо затруднительно. Результаты ОРД должны содержать следующие сведения, а именно:

- о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда;
- о лицах, знающих об обстоятельствах и фактах, имеющие значение для УД;
- о возможных источниках доказательств;
- о местонахождении предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 81 УПК РФ;

а также о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, оптимальную методику расследования по конкретному УД;

3) использоваться в доказывании по УД, в соответствии с требованиями УПК РФ, регламентирующими получение, проверку и оценку доказательств.

В процессе доказывания используются не сведения, полученные при осуществлении ОРД, а фактические данные, сформированные при производстве следственных и судебных действий на основании этих сведений.

Результаты ОРД должны быть соответствующим образом оформлены и содержать сведения, подлежащие доказыванию по данному УД.

Реализация материалов ДОР и ДОУ традиционно осуществляется на основе совместного плана, которым предусматриваются: состав следственной оперативной группы (СОГ); порядок и последовательность осуществления следственных ОРМ; приемы реализации материалов дел; силы и средства, привлекаемые к его реализации.

Анализ правоприменительной практики по факту свидетельствует, что совместные планы составляются формально, от случая к случаю, «представительство» в них следователя ограничивается одним – двумя пунктами. На наш частнонаучный взгляд, взаимодействие со следователем наиболее целесообразно начинать на более ранней стадии оперативной разработки. Это дает следователю возможность ознакомиться с оперативной информацией, которая в последующем может быть положена в основу УД, и вносить рекомендации о целесообразности уточнения каких-либо негласных данных. Взаимодействие в рамках СОГ направлено на наиболее полное использование фактических данных, полученных в ходе оперативной разработки, параллельно с производством следственных действий.

Реализация материалов ДОР и ДОУ должна производиться конспиративно, быстро и внезапно. Соблюдение данных требований обеспечивает грамотное применение продуманной тактики реализации и недопущения любой возможности разрабатываемым лицам скрыться или уничтожить следы преступления. Это особенно важно, когда в преступной группе, состоящей из несовершеннолетних есть инспираторы (вовлекатели).

Анализ дел ДОР и ДОУ в отношении групп несовершеннолетних свидетельствует, что их реализация осуществлялась по двум основным направлениям:

1) привлечение группы несовершеннолетних лиц, совершивших преступление, к уголовной ответственности;

2) разобщение группы несовершеннолетних лиц, а также отказ разрабатываемых н/летних лиц от дальнейшего совершения криминальных деяний,

(во всех случаях имеется в виду прекращение преступной деятельности).

В каждом конкретном случае для определения тактических приемов реализации материалов ДОР и ДОУ необходимо оценивать, насколько полно выявлены и задокументированы факты преступных действий группы с участием несовершеннолетних лиц, учитывать характеристики личности разрабатываемых.

Реализацию материалов оперативной разработки рекомендуется начинать векторно, по двум тактическим направлениям:

а) с производства следственных действий, направленных на собирание доказательств, на основании которых решается вопрос о задержании и аресте разрабатываемых лиц;

б) с осуществления ОРМ, направленных на получение доказательств, которые могут явиться основанием для ареста подозреваемых.

Правоприменительная практика по ОРД, показывает, что преимущественно реализация ДОР и ДОУ на несовершеннолетних лиц начинается с использования, как правило конфиденциальных фактических данных для производства следственных действий. Безусловно, данное направление требует тщательного анализа всей предстоящей оперативной работы для обеспечения внезапности принятия мер к разрабатываемым лицам. Известно, что следственные действия, в отличие от ОРМ (в их большинстве), проводятся гласно. Если же разрабатываемые узнают, что уже идет расследование преступления, они могут скрыться, принять меры к уничтожению доказательств, что затруднит реализацию материалов оперативной разработки.

В целях недопущения вышепоименованного рекомендуется:

– следственные действия производить так, чтобы разрабатываемые как можно больше времени не знали и не могли знать о начавшемся расследовании;

– максимально сократить промежуток времени с момента возбуждения УД до задержания (ареста) разрабатываемых и производства первоначальных следственных действий.

Вне всякого сомнения, что в начале реализации материалов ДОР и ДОУ преимущественно используются те конфиденциальные сведения, которые необходимы для избрания процессуальной меры пресечения в отношении лиц, совершивших преступление.

Следует акцентировать внимание, на то, что планомерно реализации материалов ДОР и ДОУ в обязательной мере должны предусматриваться мероприятия по выводу конфиденнта (агента) из разработки. В процессе реализации оперативной разработки – опасность раскрытия конфиденнта (агента) значительно возрастает. Связано это с активным поиском разрабатываемых лиц источника утечки информации. Деятельность оперативного сотрудника при реализации агентурной информации должна быть взвешенной и крайне осторожной, с обязательным учетом:

- 1) предохранение агентов от расшифровки;
- 2) предохранение агента от привлечения к уголовной ответственности.

Наиболее распространенными способами предохранения конфиденнта (агента) от расшифровки является формирование у разрабатываемых убеждения, что о совершенных ими преступлениях стало известно: в результате собственной неосторожности; в результате случайного стечения обстоятельств; из показаний свидетеля, совершенного преступления.

ФЗ «Об ОРД» предусмотрено, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее за собой тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству в качестве агента, и в последующем активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, может быть освобождено от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Тактические приемы процессуального освобождения данных конфиденнтов (агентов) от уголовной ответственности могут быть различными.

Во-первых, оперативный сотрудник не имеет права привлекать к сотрудничеству несовершеннолетнего лица в качестве агента, в связи с чем возникает необходимость внесения поправок в редакцию ФЗ «Об ОРД», дополнив его составом осведомителей.

Во-вторых, в правовых актах отсутствует процедура освобождения отдельных категорий лиц от уголовной ответственности в связи с активным способствованием раскрытию преступлений. Решение данной проблемы возможно путем внесения в УК РФ «Института деятельного раскаяния», т.е. специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Неразрывны с реализацией материалов ДОР и ДОУ, вопросы предания гласности сведений о потерпевших, лицах, выступающих свидетелями или иным образом осведомленных о преступлениях группы с участием н/летних лиц, зачастую возникает необходимость в оперативно-розыском обеспечении защиты данной категории участников уголовного процесса.

В этой связи проблема нейтрализации противодействия криминальной среды вызывает особую актуальность и решение данной проблемы может обеспечить надлежащее разрешение основной

задачи уголовного судопроизводства, неотвратимости наказания...

В заключение необходимо отметить:

Первое, что по каждому из ДОР и/или ДОУ выбор тактического приема реализации оперативных мероприятий на группу с участием н/летних лиц зависит от складывающейся оперативной обстановки и степени готовности материалов дела к их использованию, гласно, в уголовно-процессуальной деятельности,

Второе, это эффективная реализация материалов ДОР и ДОУ на несовершеннолетних лиц, совершающих преступления, которой можно добиться лишь при условии соблюдения требований законности, конспирации (конфиденциальности), своевременности и полноты реализации оперативных мероприятий.

Литература

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция)
2. Контрразведывательный словарь. – Высшая красномысленная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф.Э. Дзержинского. 1972. Интернет-ресурс https://counterintelligence.academic.ru/813/%D0%A0%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B8 (дата обращения 12.04.2020)
3. Основы оперативно – розыскной деятельности: Учебник / Под ред. В.Б. Рушайло. Изд. 4-е, стереотипное – СПб.: Издательство “Лань”, 2002. С. 720
4. Об утверждении Наставления об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 4 апреля 2013 г. № 001. – М., 2013.
5. Методические рекомендации по изучению дисциплины Оперативно-розыскная психология специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность специализация «Оперативно-розыскная деятельность» узкая специализация «Деятельность оперуполномоченного уголовного розыска», Краснодарский университет МВД, 2017
6. Проект Приказа МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов, а также по организации деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных

несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» (по состоянию на 28.08.2014) (подготовлен МВД России) {КонсультантПлюс} <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=23019&dst=4294967295&date=28.04.2020>

7. Предупреждение противоправной деятельности лидеров уголовно-преступной среды в условиях изоляции от общества: монография / Д.А. Лепёшин; ФСИН; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2016. – 164 с.
8. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: [приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68]. – Российская газета. – 2013. – 13 декабря (№ 282).

CONDITIONS FOR THE EFFECTIVENESS OF CRIME DETECTION IN THE OPERATIONAL-SEARCH PROCEEDINGS, USING THE EXAMPLE OF A CRIMINAL GROUP CONSISTING OF ADULTS AND MINORS

Novikov A.V., Slabkaya D.N.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The issues of improving the detection of crimes in cases of operational development and cases of operational accounting at different times were considered by scientists and specialists in the field of operational-search activities far from unambiguously (see: S.S. Galakhova, K.K. Goryainova, E.S. Dubonosov, I.A. Klimov, and many other respected authors). The general provisions of the ARD practically did not undergo significant changes, except for the need to introduce a new conceptual and categorical apparatus, concepts (not always perceived by operational employees in law enforcement) and correlation taking into account a number of departmental regulatory legal acts on the issue under consideration. In essence, the organization and tactics of intelligence and operational work to solve the crimes of minors also remained without any significant changes. The problems of operational-search proceedings in cases of operational development (DOR) and cases of operational accounting (DOW) for minors are, in essence, like operational-search support (ORO), in the stage of permanent improvement.

Keywords: operational-search activities, criminal investigations, criminal liability, operational-search measures, cases of operational records, inspector (involvementor), Criminal Code of the Russian Federation, Code of Criminal Procedure, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. Federal law “On operational-search activity” dated 08.08.1995 No. 144-FZ (latest revision)
2. Counterintelligence dictionary. – Higher Red Banner School of the State Security Committee under the Council of Ministers of the USSR. F.E. Dzerzhinsky. 1972. Internet resource https://counterintelligence.academic.ru/813/%D0%A0%D0%B5%D0%B0%D0%B%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B8 (circulation date 04/12/2020)
3. The basics of operational – search activity: Textbook / Ed. V.B. Rushailo. Ed. 4th, stereotyped – St. Petersburg: Publishing House “Lan”, 2002. P. 720
4. On approval of the Manual on the principles of organization and tactics of the operational-search activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 4, 2013 No. 001. – M., 2013.
5. Methodological recommendations for the study of the discipline of the operative-search psychology specialty 05/40/02 Law enforcement specialization “operational-search activity” narrow specialization “the activity of the investigative criminal investigation”, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs, 2017
6. Draft Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia “On approval of the Instructions on the procedure for interaction between employees of internal affairs bodies of the Russian Federation to prevent neglect and juvenile delinquency, protect their rights and legitimate interests, as well as to organize activities in the disclosure and investigation of crimes committed by minors and against minors “(as of 08.28.2014) (prepared by the Russian Ministry of Internal Affairs) {ConsultantPlus} <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=23019&dst=4294967295&date=28.04.2020>
7. Prevention of unlawful activity of criminal leaders in isolation from society: monograph / D.A. Leposhin; FSIN; Vladim. legal Inst. Feder. service exec. punishments. – Vladimir: VUI FSIN of Russia, 2016. – 164 p.
8. On approval of the Instructions on the procedure for presenting the results of operational investigative activities to the inquiry body, investigator or court: [order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ministry of Defense of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Security Service of Russia, Federal Customs Service of Russia, Russian Foreign Intelligence Service, Federal Security Service of Russia, Federal Security Service of Russia, Russian Criminal Code from September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68]. – Russian newspaper. – 2013. – December 13 (No. 282)

Обыск и тактические особенности его производства по делам о религиозно мотивированных убийствах

Рябинин Дмитрий Александрович,

старший следователь по особо важным делам, Главное военное следственное управление, Следственный комитет Российской Федерации
E-mail: rda_1978@mail.ru

На основе проведенного анализа судебно-следственной практики рассматриваются тактические особенности производства обыска по делам об убийствах, совершенных по религиозным мотивам. При этом раскрывается специфика обыска по делам указанной категории, приводятся тактико-криминалистические рекомендации для субъектов поисково-познавательной деятельности по его проведению. Уделяется внимание подробному описанию объектов поиска, имеющих доказательственное значение, а также алгоритму действий следователя при возникновении конфликтных ситуаций, провоцируемых членами деструктивных религиозных культов. Исходя из обозначаемых особенностей предлагается авторская дефиниция понятия обыска, проводимого по преступлениям указанной направленности.

Ключевые слова: обыск, объекты поиска, тактико-криминалистические рекомендации, религия, религиозное убийство, религиозный мотив.

Введение

При производстве предварительного следствия по делам о религиозно мотивированных убийствах (Под убийством, совершенным по религиозному мотиву, понимается умышленное причинение смерти другому человеку (другим лицам), совершенное лицом в соответствии с имеющимися религиозными (культовыми) представлениями «высшего порядка», связанными с верой в существование обожествляемых сверхъестественных сил, в целях придания смысла своему существованию, удовлетворения внутренних духовных потребностей либо приобретения духовных ценностей для себя, иных лиц или представляемой религиозной организации) наиболее важная информация, имеющая доказательственное значение, как правило, получается не только при производстве осмотра места происшествия, но и в процессе проведения такого следственного действия, как обыск, обладающего по преступлениям указанной направленности рядом специфических особенностей.

Основанием для производства данного следственного действия в соответствии с положениями ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Основная часть

В связи с тем, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве понятие обыска не содержится, учеными-процессуалистами неоднократно предпринимались попытки дать его определение. Наиболее полно, по нашему мнению, характеристики, присущие данному следственному действию, были учтены в определении, предложенном С.А. Шейфером. По его мнению, обыск – «это основанное на наблюдении и осуществляемое с соблюдением установленной законом процедуры принудительное обследование помещений, жилища и иных мест, отдельных граждан, их одежды с целью отыскания и изъятия вещественных доказательств, документов и ценностей, имеющих значение для дела, а также разыскиваемых лиц и трупов» [8, с. 84].

По рассматриваемой категории преступлений производство обыска носит обязательный характер исходя из всех возможных складывающихся в процессе производства предварительного следствия следственных ситуаций, и нередко имеет решающее значение для их разрешения. Анали-

зом материалов уголовных дел о религиозно мотивированных убийствах установлено, что в большинстве случаев в результате проведения обыска были получены данные о принадлежности жертвы и подозреваемых в преступлении к определенной религиозной группе, о структуре такой группы, о характере противоправной деятельности группы и отдельных ее членов, а также обнаружены культовые предметы и документы, позволившие изобличить сектантов в совершении преступления, изучить их личности, связи и обстановку, в которой совершалось преступление, установить их роль в его совершении.

В.В. Ключков справедливо считал, что обыск – одно из эффективных средств получения данных о характере и особенностях исповедуемого в группе вероучения и исполняемых ее членами обрядов, о составе, структуре и деятельности группы, о ее организаторах, руководителях и активных членах, и их преступных действиях [3, с. 173].

Основные аспекты методики, тактики и организации производства обыска неоднократно освещались в юридической литературе, и грамотно используются субъектами доказывания при расследовании различных категорий преступлений. Вместе с этим, по делам о религиозно мотивированных убийствах обыск имеет свои особенности, обусловленные специфическим характером обстановки, в которой совершается религиозное убийство, особенностями обыскиваемых объектов, личности фигурантов по делу, особым набором искомых предметов и документов, а также иными факторами.

Как правило, обыск по делам о религиозно мотивированных убийствах должен проводиться незамедлительно, когда имеются основания полагать, что заинтересованным лицам еще неизвестно о факте возбуждения уголовного дела, либо последние лишь могут предполагать о наличии у правоохранительных органов информации об их причастности к совершению преступления. Необходимость в производстве обыска может быть продиктована рядом обстоятельств, среди которых можно назвать задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, наличие информации о том, что заинтересованное лицо принимает меры к уничтожению или сокрытию интересующих следствие предметов и документов, имеющих доказательственное значение, либо планирует принять такие меры, необходимость пресечения дальнейшей противоправной деятельности фигурантов по делу и т.д.

Существенное значение для эффективности проведения данного следственного действия будет иметь тщательность подготовки к нему.

Планируя производство обыска у лица, в отношении которого имеются сведения о его причастности к совершению религиозного убийства, следователь должен с помощью привлекаемых специалистов в области религиоведения и религиозных культов заблаговременно понять, какие предметы и вещи в данном случае будут являть-

ся объектом его внимания и поиска. Помощь такого специалиста позволит провести предварительное ознакомление с деятельностью секты, избежать изъятия большого количества предметов и вещей, не имеющих отношения к расследуемому событию, а также какого-либо доказательственного значения. Вместе с этим, консультирование со специалистами-религиоведами рекомендуется производить только на стадии подготовки к обыску, не приглашая их принять участие в производстве самого следственного действия ввиду возникновения возможных конфликтных ситуаций с обыскиваемыми лицами, являющимися членами религиозного культа.

Обычно в ходе планирования указанного следственного действия уже имеется информация о руководителях и наиболее активных членах религиозной группы, участвовавших в совершении убийства, вследствие чего возникает необходимость в одновременном производстве обыска по нескольким адресам (в нескольких местах). Одновременные обыски могут проводиться не только у руководящего состава религиозной группы, но и у рядовых ее членов, а также в различных местах, служащих местом сбора сектантов, отправления ими обрядовых действий, хранения религиозной литературы и т.п., в которых предположительно могут находиться искомые объекты. Следует быть готовым к тому, что обыску будут подвергнуты значительные по площади территории и помещения, что влечет значительные трудности, связанные с привлечением дополнительных людских ресурсов. Мировой практике известен случай, когда японской полиции понадобилось провести обыски одновременно на 25 объектах, принадлежащих секте «Аум Синрике», что потребовало участия в нем порядка 250 полицейских [9].

Участники предстоящего следственного действия тщательно инструктируются, определяется способ взаимного обмена информацией, при этом обращается их внимание на недопустимость общения членов религиозного культа между собой во время проведения следственного действия, исключение возможности предупреждения ими других членов религиозной группы о начале обыска в конкретном помещении. В обыскиваемых помещениях заблаговременно отключается телефонная связь, лицам, имеющим индивидуальные средства мобильной связи, предлагается сдать их следователю на время обыска в целях исключения утечки информации. Всем участникам разъясняется необходимость постоянного наблюдения за поведением обыскиваемых, их реакциями и психическим состоянием, отмечается возможность совершения последними попыток отвлечь внимание лиц, проводящих следственное действие.

В обязательном порядке обращается внимание на необходимость соблюдения всеми участниками обыска этических норм поведения. При этом отмечается, что им категорически не рекомендуется каким бы то ни было образом оскорблять религиозные чувства верующих, унижать их челове-

ческое достоинство по признаку религиозной принадлежности, вступать с ними в полемику на религиозные темы и т.п.

По мнению С.В. Костаревой, с которым нельзя не согласиться, наибольший эффект даст участие в обыске нескольких следователей, способных обеспечить неослабное наблюдение за обыскиваемым и местом обыска [4, с. 92].

Для производства обыска в помещении, где возможно присутствие женщин, в состав следственной группы должна быть включена сотрудница, которая процессуально правомочна выполнить действия, связанные с личным обыском лиц женского пола. Целесообразно привлекать женщин в этом случае и в качестве понятых.

Понятых рекомендуется приглашать заранее, до начала производства обыска, с тем расчетом, чтобы они могли визуально наблюдать весь процесс проникновения на объект и непосредственно проведения поисковых действий.

Следует согласиться с мнением И.Б. Воробьевой, считающей, что члены сект часто предпринимают активные попытки по вербовке соседей в свою организацию, в связи с чем привлекать их в качестве понятых нежелательно [1, с. 70]. Наглядным примером, подтверждающим данное положение, служат материалы уголовного дела в отношении К-ной, выступившей организатором сатанинской секты, соседи которой по поселку на первоначальной стадии расследования преступления активно препятствовали проникновению оперативных работников на территорию дома и приусадебного участка К-ной, которые фактически являлись местами совершения религиозных убийств [2, с. 283].

Перед производством обыска следователю заранее надлежит ознакомиться с планом обыскиваемого помещения, узнать об имеющихся подходах к нему, о наличии пожарных (запасных) выходов, лестниц, иных путей, которыми преступник может воспользоваться, чтобы скрытно покинуть помещение. Ему рекомендуется предварительно лично побывать вблизи места, которое предстоит обыскивать, убедиться в отсутствии (наличии) на объекте охраны, систем контроля и управления доступом, и видеонаблюдения. При необходимости по этим вопросам могут быть допрошены бывшие члены религиозной организации, ранее покинувшие ее.

При производстве обыска у руководителей и членов религиозных культов, а также лиц, сознательно причисляющих себя к ним, может возникнуть необходимость в изъятии самых разных объектов, как религиозного, так и иного назначения.

К основным объектам поиска, подлежащим обнаружению и изъятию в ходе проведения обыска у членов деструктивных религиозных культов, следует отнести:

– во всех случаях – предметы и документы, изъятые из оборота (оружие, взрывные устройства, яды, наркотические средства и психотропные вещества и т.п.);

- атрибуты культа и обрядности (символика, ритуальные одежда и посуда, свечи и т.д.), подтверждающие принадлежность подозреваемого к определенной религиозной группе, руководящую роль того или иного лица, а также факты проведения в группе тех или иных обрядов и ритуалов, связанных с посягательством на жизнь людей;
- орудия и средства преступления;
- находящиеся на хранении в различной таре человеческие органы и ткани (в том числе оставленные преступником в качестве посткриминального «автографа»). Например, исповедующие сатанизм К. и З. хранили в баночке с духами по месту жительства З. лоскут кожи, вырезанный с шеи трупа жертвы в целях «завладения душой жертвы» [5];
- «священные тексты» – книги, которые содержат существенные принципы, верования, ценности, богословские постулаты религиозной группы (например, книга А. ЛаВея «Сатанинская библия»);
- личные письма, дневники и записи членов культа, рисунки (из них нередко можно почерпнуть сведения о совершенных убийствах, их мотивации, поскольку в таких документах в письменном виде отражаются сокровенные мечты и желания сектантов, их ритуальная практика). Так, в частности, в дневниковых записях Д., совершившего обряд «жертвоприношения сатане», под заглавием «Вторая операция» от руки было зафиксировано, что в ночь на 7 июля 1995 года захвачена девушка Т., 17 лет, которая убита четырьмя ножевыми ударами [6];
- письменные записи и рукописи, сборники религиозных молитв, имеющих неясный характер (например, написанных «наоборот» в целях искажения текста христианских молитв), свидетельствующие об особенностях проповедуемого в культе вероучения (религиозные молитвы, псалмы, песни, стихотворения, записи проповедей и т.п.);
- другие документы, связанные с деятельностью религиозной группы (списки членов группы, заявления о приеме в группу, тексты клятв, протоколы заседаний собраний членов группы, документы об исключении из членов секты; различного рода отчеты о расходовании денежных средств группы, о состоянии работы по вербовке новых членов, о распространении религиозной литературы и т.п.);
- литературу оккультно-мистического содержания (книги по сатанизму, эзотерике, оккультизму, мистике, суфизму, религиоведению, психологии, психотехнике). Так, в частности, при обыске в жилище Б. и С., являвшихся поклонниками «сатаны», были обнаружены книги Папюса «Книга теней», «Черная и белая магия», Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны», Е. Парнова «Трон люцифера. Критические очерки магии и оккультизма», А. Григоренко «Сон разума рождает чудовищ» и др. [7];

- литературу, фото-, кино-, видео-, аудиоматериалы, входящие в федеральный список экстремистских материалов;
- фото- и видеозаписи религиозного содержания, совершения обрядово-ритуальных действий, в том числе связанных с убийством, а также иного характера, в том числе свидетельствующие о совершении актов насилия по мотиву религиозной ненависти или вражды;
- электронные носители информации (накопители информации в виде жестких дисков, цифровые видеокамеры и фотоаппараты, мобильные телефоны с функцией видеокамеры и т.п.), которые могут иметь важное значение для установления мотивов преступного поведения подозреваемых (обвиняемых), свидетельствовать об их религиозных взглядах, негативных чувствах по отношению к иной религиозной конфессии и т.д.;
- инструкции о порядке действий при столкновении с правоохранительными органами, в частности, вызове на допрос;
- схемы храмовых помещений различных религиозных конфессий, а также различные рисунки, свидетельствующие о религиозной нетерпимости;
- иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и установлению фактических обстоятельств дела.

Необходимо отметить, что проведение обыска у верующих и изъятие у них определенных предметов и вещей (например, разного рода религиозных книг: Евангелия, Библии и т.п.) может быть истолковано последними как святотатство, нарушение свободы их вероисповедания, оскорбление их религиозных чувств, и использовано последними для разжигания чувства религиозного фанатизма, что предопределяет развитие остро конфликтной ситуации. Зачастую сектантами совершаются и различного рода провокационные демонстративные действия (отказ добровольно выдать искомое, закатывание истерик, выкрикивание оскорблений, обвинение в произволе, ссылаясь на знакомство с высокопоставленными должностными лицами и т.п.) с целью помешать планомерному поиску и спровоцировать обыскивающих на ответные меры. В таких ситуациях следователю надлежит проявлять самообладание и выдержку, спокойно объяснять обыскиваемому установленный законом порядок обжалования его действий и целенаправленно продолжать поиски. Ему категорически не рекомендуется вступать в полемику с сектантами по религиозным вопросам, которые задаются исключительно исходя из провокационных целей. Общей рекомендацией к минимизации возможного противодействия служит удаление из обыскиваемого помещения всех посторонних лиц, не имеющих отношения к проводимому обыску.

Если обыскиваемый (или член его семьи), несмотря на принятые меры, продолжает актив-

но противодействовать обыску, то правомерным и нравственно обоснованным будет удаление его из помещения. В таком случае следователь должен обеспечить присутствие совершеннолетних членов семьи удаленного, а при невозможности этого – представителей жилищно-эксплуатационной организации, управляющей компании, обслуживающей жилой дом, или иной эксплуатирующей организации, сельской или поселковой администрации и т.п.

В отдельных случаях, учитывая наличие у большинства членов деструктивных религиозных культов, в частности сатанистской ориентации, крайней степени фанатизма и жестокости, в результате чего они способны при определенном психологическом состоянии даже на проявление агрессии, причинение физического вреда сотрудникам правоохранительных органов, следователю необходимо рассмотреть вопрос о приглашении для оказания помощи по проникновению в помещение и обеспечения безопасности участников обыска сотрудников соответствующих силовых спецподразделений.

Все действия обыскиваемых, связанные с попытками оказания противодействия органам следствия, уничтожения предметов и документов, имеющих значение для дела, совершением иных провокационных действий, должны быть пресечены и отражены в протоколе обыска.

Изложенные положения и рекомендации дают основание для формулировки такого понятия, как «обыск по делам об убийствах, совершенных по религиозным мотивам», под которым мы понимаем неотложное поисковое следственное действие, заключающееся в визуальном обследовании, в том числе принудительном, жилых и иных помещений, строений, сооружений и объектов, участков местности, отдельных граждан и их одежды в целях обнаружения следов совершения религиозно мотивированного убийства, разыскиваемых лиц, трупов или их останков, получения данных о характере и особенностях исповедуемого в религиозной группе вероучения, исполняемых ее членами религиозных обрядах, изучения личности жертвы и лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, а также обнаружения и изъятия орудий преступления, иных предметов (объектов) религиозного и иного назначения, имеющих значение для дела и способствующих изобличению конкретного лица в совершении инкриминируемого деяния.

Заключение

Успех в достижении целей обыска по рассматриваемой категории преступлений будет напрямую зависеть от своевременности и внезапности его проведения, его подготовленности и тактически правильной организации его производства. При этом основными задачами при его проведении будут являться соблюдение субъектами доказывания требований беспристрастности к происходящему,

тактичности по отношению к обыскиваемым лицам, принятие оперативных мер по урегулированию и пресечению возникновения остро конфликтных ситуаций, демонстрация следователем твердости при исполнении своих законных намерений.

Литература

1. Воробьева И.Б. Особенности тактики обыска при расследовании преступлений, совершенных членами нетрадиционных религиозных объединений // Вестник криминалистики. Вып. 4 (24). – М.: Спарк, 2007. С. 66–74.
2. Воробьевский Ю.Ю. Путь в Апокалипсис: Шаг змеи. – М., 1999. – 524 с.
3. Клочков В.В. Борьба с нарушениями законодательства о религиозных культах. – М., 1967. – 240 с.
4. Костарева С.В. Расследование и предупреждение преступных нарушений законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1978. – 210 с.
5. Уголовное дело № 2–309/2000 (архив Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда).
6. Уголовное дело № 2–159/97 (архив Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда).
7. Уголовное дело № 2–18/2009 (архив Верховного суда Республики Хакасия).
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – 228 с.
9. Подробности. URL: <http://www.podrobnosti.ua/society/2005/11/25/265029.html>.

SEARCH AND TACTICAL FEATURES OF ITS PRODUCTION IN CASES OF RELIGIOUSLY MOTIVATED MURDERS

Ryabinin D.A.

Military Investigations Directorate of Investigative Committee of the Russian Federation

Based on the analysis of judicial and investigative practice, we consider the tactical features of the search in cases of murders committed for religious reasons. At the same time, the specifics of the search in cases of this category are revealed, and tactical and forensic recommendations are provided for subjects of search and cognitive activity to conduct it. Attention is paid to the detailed description of search objects that have evidentiary value, as well as the algorithm of actions of the investigator in the event of conflict situations provoked by members of destructive religious cults. Based on the designated features, the author offers a definition of the concept of a search conducted for crimes of the specified orientation.

Keywords: search, search objects, tactical and forensic recommendations, religion, religious murder, religious motive.

References

1. Vorobyova I.B. Features of search tactics in the investigation of crimes committed by members of non-traditional religious associations // Bulletin of criminalistics. Issue 4 (24). – Moscow: Spark, 2007. Pp. 66–74.
2. Vorobyevsky Yu. Yu. The Path to the Apocalypse: the Step of the snake. – Moscow, 1999. – 524 p.
3. Klochkov V.V. Fight against violations of the legislation on religious cults. – M., 1967. – 240 p.
4. Kostareva S.V. Investigation and prevention of criminal violations of the laws on the separation of the Church from the state and schools from the Church, dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences. – Sverdlovsk, 1978. – 210 p.
5. Criminal case no. 2–309 / 2000 (archive of the Judicial Board for criminal cases of the Saint Petersburg city court).
6. Criminal case No. 2–159 / 97 (archive of the Judicial Board for criminal cases of the Krasnoyarsk regional court).
7. Criminal case No. 2–18 / 2009 (archive of the Supreme court of the Republic of Khakassia).
8. Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value. Samara: Samara University publishing House, 2004, 228 p.
9. Details. URL: <http://www.podrobnosti.ua/society/2005/11/25/265029.html>.

К вопросу о взаимодействии следователей и сотрудников оперативно-розыскных аппаратов

Шляхова Юлия Владимировна,

аспирант кафедры судебной экспертизы и криминалистики, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»

E-mail: yuliya.shlyahova1992@yandex.ru

Куликова Татьяна Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

E-mail: kvi-elena@yandex.ru

Иванченко Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

E-mail: tat-kul@inbox.ru

В статье рассмотрены особенности организации взаимодействия следователей и сотрудников оперативно-розыскных аппаратов с учетом требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законодательством, исследованы основные направления совершенствования указанного взаимодействия. Автор приходит к выводу, что с учетом требований сегодняшнего дня постоянно происходит совершенствование процесса взаимодействия сторон расследования преступления. Однако, процесс взаимодействия должен быть расширен и на международном и международном уровнях, так как возможности преступников быстро перемещаться через границы различных государств требует повышения скорости обмена информацией, а также применения новейших технологий в области передачи данных. Соответственно, следственным и оперативным органам различных стран следует укреплять взаимодействие в рамках расследования преступлений для повышения эффективности их раскрытия.

Ключевые слова: взаимодействие, следователи, сотрудники оперативно-розыскных аппаратов, расследование преступлений.

Организация любого вида деятельности предполагает наличие упорядоченности, согласованности «на основе определенных процедур и правил действий субъектов указанной деятельности, которые направлены на достижение общей цели и осуществляются на основе их взаимодействия» [4, с. 33].

Указанный процесс при организации расследования преступлений позволяют реализовать определенные криминалистические рекомендации, среди которых одно из ведущих мест занимает организация взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений. Авторы определяют «взаимодействие», с одной стороны, как взаимную связь явлений, а с другой – как взаимную поддержку. Основой взаимодействия также выступает потребность субъектов процесса расследования в помощи со стороны коллег [5, с. 30].

Взаимодействие в процессе расследования преступлений заключено в построении определенной системы операций, которые позволяют получить конкретные результаты в рамках расследования дела с учетом совершения участниками расследования (следователем, оперативным сотрудником и пр.) ряда последовательных логически оправданных действий. Таким образом, взаимодействие является «основанной на законе и иных нормативных актах совместной, согласованной деятельностью следователей и сотрудников оперативно-розыскных аппаратов, других структур правоохранительных органов и гражданских лиц, учреждений и организаций, а также СМИ» [4, с. 33].

Представители различных структур внутренних дел, принимая участие в расследовании преступления, могут использовать различный инструментарий для достижения своей цели. Однако важным фактором здесь выступает согласованность их действий.

Между тем в настоящее время в действующей системе правоохранительных органов России в сфере обеспечения информационной безопасности имеется ряд пробелов, таких как разрозненность и дублирование функций, бессистемность и несогласованность правоприменительных органов, различный внутриведомственный подход каждого правоохранительного органа, частое затягивание решений проблем ввиду необходимости согласования и т.д. [2, с. 96].

Есть мнение, что процессуальные и организационные формы взаимодействия органов дознания и предварительного следствия различаются между собой [5, с. 34]. К процессуальным формам, как считают некоторые авторы, следует отне-

сти мероприятия, проводимые органами дознания и основанные на уголовно-процессуальном законодательстве. Также участниками процесса расследования производятся различные экспертизы и исследования, которые обеспечивают безопасность участников уголовного процесса, и пр.

В отличие от процессуальных организационные включают ряд конкретных способов осуществления взаимосвязи между участниками расследования. Уголовно-процессуальным законодательством данные формы не регламентируются, правовую базу для них составляют нормативные правовые актов, в том числе, ведомственные и межведомственные. Это могут быть совместные выезды и действия на месте происшествия, организация совместного планирования расследования, реализация запланированных мероприятий, а также обмен полученной информацией и совместная ее оценка и пр. [3, с. 95].

Различия в методической системе, а также нежелание органов дознания и предварительного следствия согласовывать действия в процессе расследования снижают его эффективность. Соответственно, необходимо, чтобы:

- каждый участник расследования оптимально использует свои возможности в рамках участия в расследовании;
- сочетание всех используемых методов и средств позволяет обеспечить безопасность участников раскрытия и расследования преступлений [6, с. 222].

Практика расследования уголовных дел свидетельствует, что чаще всего взаимодействие проявляется в выдаче отдельных поручений органам дознания и оперативным сотрудникам со стороны следователя. Однако, не получая обратной связи и будучи ограниченными только вышеуказанным, участники расследования постепенно снижают свою активность в расследовании, не усматривая необходимости проявлять дополнительную инициативу [5, с. 105].

Важно также отметить особое влияние на процесс расследования уровня профессионализма следователей и сотрудников органов дознания и их знаний нормативно-правовой базы, на которой основаны совместные мероприятия. Достаточно часто возникает необходимость вовлечения в расследование не только следователей и сотрудников органа дознания, но и представителей других служб органов внутренних дел, а также военных и гражданских организаций. Все участники должны совместно решать поставленные перед ними в ходе расследования преступления задачи, используя все возможные формы и методы работы. Также участникам расследования необходимо совместно со следователем сопоставлять и анализировать полученную информацию, что будет способствовать быстрому расследованию преступлений и позволит установить лиц, которые их совершили.

По мнению специалистов-правоведов, эффективность рассматриваемого взаимодействия мо-

жет быть достаточно высокой, но с учетом некоторых недостатков уголовно-процессуального законодательства часто имеет место низкий уровень активности и самостоятельности участников расследования. В частности, ст. 89 УПК РФ указано, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» [5, с. 31].

В литературе обоснована необходимость включения в УПК РФ ряда оперативно-розыскных мероприятий, определенных в ФЗ № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», с учетом особого порядка их осуществления. Аналогичным образом к решению указанной проблемы подошли Франция и Латвия [3, с. 72].

Основой взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-розыскного аппарата должно стать согласование в рамках осуществления различных оперативных мероприятий и других аспектов расследования. согласованное планирование самостоятельных и совместных действий. Поручения же должны выдаваться следователем только тогда, когда для расследования задействуются силы оперативно-розыскных подразделений, расположенных на других подведомственных территориях а также в том случае, если планируется привлечь и использовать в комплексе силы различных служб и подразделений, способных оказать помощь следствию.

Совместная работа должны выстраиваться по определенному плану, только план позволяет осуществить взаимодействие рационально и грамотно, на его основе осуществляются не только определенные этапы работ, но и проводится контроль за их выполнением. Важная роль здесь принадлежит обратной связи: отчеты оперативных работников перед следователем и донесение последним до оперативных работников и других участников расследования полученной в ходе расследования информации должно носить регулярный характер. Также полученные в ходе расследования преступления данные необходимо совместно обсуждать, чтобы действия оперативных работников, следователя и других участников не были рассогласованы [5, с. 31].

Однако каждый из участников следственных действий должен понимать, что вмешательство в работу друг друга недопустимо. Но, наряду с самостоятельностью принятия решений в процессе расследования каждый участник должен действовать только в пределах собственных полномочий, так как он несет ответственность за свои действия.

Руководящей стороной в процессе расследования по закону выступает следователь. Именно ему принадлежит роль координатора процесса расследования. Но отдельные участники расследования также могут в отдельных случаях действовать без указания следователя в пределах своих полномочий. В частности, в компетенцию органов дознания входит необходимость установления места нахождения неизвестного лица, которое подозре-

вается в совершении преступления, при этом, поручение следователя для этих целей не требуется.

Таким образом, можно заключить, что с учетом требований сегодняшнего дня постоянно происходит совершенствование процесса взаимодействия сторон расследования преступления. Однако, процесс взаимодействия должен быть расширен и на международном и международном уровнях, так как возможности преступников быстро перемещаться через границы различных государств требует повышения скорости обмена информацией, а также применения новейших технологий в области передачи данных [5, с. 223]. Соответственно, следственным и оперативным органам различных стран следует укреплять взаимодействие в рамках расследования преступлений для повышения эффективности их раскрытия.

Литература

1. Бегишев, И. Р., Бикеев, И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с.
2. Бегишев, И.Р. Организация хакерского сообщества: криминологический и уголовно-правовой аспекты / И.Р. Бегишев З.И. Хисамова, С.Г. Никитин // Всероссийский криминологический журнал. 2020. – Т. 14, № 1. – С. 96–105.
3. Белкин, Ю. Н. К вопросу об организационных и правовых аспектах взаимодействия оперативных и следственных аппаратов в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / Ю.Н. Белкин // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 251–253.
4. Бобров, В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. – М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 72
5. Гончарова, Т.А. Некоторые вопросы взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями на первоначальном этапе расследования терроризма / Т.А. Гончарова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы 2-й науч.-практ. конф. молодых ученых. – М., 2003. – С. 105–106.

6. Корчагин, А.А. Особенности взаимодействия следователей с органами дознания при расследовании серийных убийств / А.А. Корчагин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 6. – С. 222–225.

TO THE QUESTION ABOUT THE INTERACTION OF INVESTIGATORS AND EMPLOYEES OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE UNITS

Shlyakhova Yu.V., Kulikova T.B., Ivanchenko E.A.

Belgorod national research University, North Caucasus Federal University

The article considers the features of the organization of interaction between investigators and employees of operational search apparatus, taking into account the requirements of criminal procedure legislation, and examines the main directions for improving this interaction.

The author comes to the conclusion that taking into account the requirements of today, the process of interaction between the parties to the investigation of the crime is constantly being improved. However, the interaction process should be expanded at the international and international levels, since the ability of criminals to move quickly across the borders of different States requires increasing the speed of information exchange, as well as the use of the latest technologies in the field of data transfer. Accordingly, the investigative and operational authorities of various countries should strengthen their interaction in the investigation of crimes in order to improve the effectiveness of their detection.

Keywords: interaction, investigators and employees of operational investigative units, crime investigation

References

1. Begishev, I. R., Bikeev, I.I. Crime in the field of digital information. – Kazan: Publishing House “Knowledge” of Kazan Innovation University, 2020. – 300 p.
2. Begishev, I.R. Organization of the hacker community: criminological and criminal law aspects / I.R. Begishev Z.I. Khisamova, S.G. Nikitin // All-Russian Criminological Journal. 2020. – Т. 14, No. 1. – P. 96–105.
3. Belkin, Yu.N. On the organizational and legal aspects of the interaction of operational and investigative apparatus in pre-trial criminal proceedings on crimes of a terrorist nature / Yu.N. Belkin // Gaps in Russian law. – 2011. – No. 6. – P. 251–253.
4. Bobrov, V.G. The concept of operational-search measures. Grounds and conditions for operational search measures: Lecture. – М.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. P. 72.
5. Goncharova, T.A. Some issues of interaction between investigative and operational units at the initial stage of the investigation of terrorism / T.A. Goncharova // Actual problems of the fight against crime: materials of the 2nd scientific-practical. conf. young scientists. – М., 2003. – P. 105–106.
6. Korchagin, A.A. Features of the interaction of investigators with bodies of inquiry in the investigation of serial killings / A.A. Korchagin // Gaps in Russian law. Law Journal. – 2011. – No. 6. – P. 222–225.